

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christl' De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К 120-летию со дня рождения В. Набокова

- Задорнова В.Я.* Синестезия как стилистический прием в прозе
В. Набокова и возможности его передачи на другом языке 9

Статьи

- Шатин В.Ю.* О распространенности одной нестандартной реализации предлога «к» в северновеликорусских говорах XVII в. 20
- Дойкина К.Ю.* Энклитика -ся в деловых текстах XIV–XV вв. 29
- Венедиктова Т., Логутов А.* Прагматика и медиология литературного текста 42
- Октябрьская О.С.* «Артековский феномен» в русской детской литературе XX века 55
- Старикова Н.Н.* Нарратив памяти: «личная» история эпохи в современном словенском романе 64
- Балакирева М.Е.* Сюрреализм и индивидуальное творчество: феномен группы в произведениях Р. Десноса и Ж.-А. Буаффара 77
- Черепанов Д.Д.* Драма «Домашний учитель» и позднее творчество Я.М.Р. Ленца 87

Уральская семантическая школа

- Казарин Ю.В., Петрухина Е.В.* Уральская семантическая школа 95
- Воронина Т.М.* Интерпретационный смысл «необходимость» в семантике прилагательных (*необходимый, обязательный, нужный, неперменный* и под.) 105
- Плотникова А.М.* «Призрачные» прилагательные русского языка: проблемы представления в толковых и идеографических словарях 120
- Бабенко Л.Г.* Перспективы развития идеографической лексикографии в контексте Уральской семантической школы: о концепции словаря синонимико-антонимических комплексов русского языка 132

Из архива

- Кузьмина М.Д.* О лиризме прозы К.С. Аксакова (психологический этюд «Осень») 150
- Воробьёва О.А.* Приходно-расходная книга журнала «Русское слово» 1858–1862 годов 162

Рецензии

- Матыцина И.В.* Рецензия на кн.: Судовой журнал фрегата Ост-Индской компании «Нейенбург» 1763 г. (сост. и ред. Е.Р. Сквайрс). М.: Макспресс, 2018 176
- Темиршина О.Р.* Рецензия на кн.: Кормилов С.И. История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные тенденции: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018 181

<i>Васильева О.В.</i> Рецензия на кн.: Максим Горький: Pro et Contra. Современный дискурс. СПб.: РХГА, 2018	185
<i>Павловец М.Г.</i> Рецензия на кн.: Wsewolod Nekrasow / Всеволод Некрасов. Ich Lebe Ich Sehe / Живу и вижу. Ausgewählt, aus dem Russischen übertragen und mit einem Nachwort versehen von Günter Hirt und Sascha Wonders. Vorwort von Eugen Gomringer. Verlag Helmut Lang, 2017	189
<i>Аплатова Т.А.</i> Рецензия на кн.: Нагина К.А. Анималистика и антропология Льва Толстого: Учебное пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018	196
<i>Соколов К.С.</i> Рецензия на кн.: Художественная литература и история: контексты и взаимодействия: Материалы XI Международной научной конференции «Художественный текст и культура» (8–10 октября 2015 г.). Владимир: Транзит-икс, 2017	199

Научная жизнь

<i>Гимадеев И.Р.</i> Презентация нового русского перевода «Илиады» Гомера	203
<i>Довгий О.Л.</i> «Бестиарий как ars combinatorica (RES et VERBA-8)» (РГГУ, 18–19 января 2019)	206
<i>Монисова И.В., Кольцова Н.З.</i> «Территория театра и драмы»: хроника научного перформанса (круглый стол на филологическом факультете МГУ)	210
<i>Онипенко Н.К.</i> Хроника двух виноградовских чтений (2019–2020) ..	218

Памяти...

<i>Бархударова Е.Л., Панков Ф.И.</i> Майя Владимировна Всеволодова ...	223
--	-----

CONTENTS

Celebrating 120th anniversary of Vladimir Nabokov

- Zadornova V.* Synaesthesia as a Stylistic Device in V. Nabokov's Russian Prose and Its Rendering into English 9

Articles

- Shatin V.* About Distribution of One Non-standard Realization of the Preposition “K” in 17th century Northern Russian Dialects 20
- Dojkina K.* Enclitic *-ся* in Official Documents of 14th–15th Centuries . . . 29
- Venediktova T., Logutov A.* Pragmatics and Mediology of the Literary Text 42
- Oktyabrskaya O.* The Artek Phenomenon in 20th-century Russian Children's Literature 55
- Starikova N.* The Narrative of Memory: A ‘Personal’ History of the Epoch in the Contemporary Slovenian Novel 64
- Balakireva M.* Surrealism and Individual Creativity: The Phenomenon of Group in the Prose of R. Desnos and J. A. Boiffard 77
- Cherepanov D.* ‘Der Hofmeister’ and J. M. R. Lenz’ Late Work 87

Ural Semantic School

- Kazarin Yu., Petrukhina E.* Ural Semantic School 95
- Voronina T.* The Interpretative Meaning of Necessity in the Semantics of Russian Adjectives (‘neobkhodimy’/important, ‘obyazatelny’/imperative, ‘nuzhny’/necessary, ‘nepremenny’ (mandatory)) 105
- Plotnikova A.* ‘Ghost Adjectives’ in the Russian Language: Problems of Representation in Explanatory and Ideographic Dictionaries 120
- Babenko L.* Development Prospects of Ideographic Lexicography in the Context of the Ural Semantic School: The Dictionary of Synonym and Antonym Complexes of the Russian Language 132

From Archives

- Kuzmina M.* Lyricism of K. Aksakov's Prose: The Psychological Etude *Osen* (‘Autumn’) 150
- Vorobyova O.* The Ledger of the Russkoe Slovo Literary Magazine (1858–1862) 162

Book Reviews

- Matytsina I.* Book Review: The Logbook of The East-India Company Frigate “Nijenburg”, 1763 / Ed. by Ekaterina Skvayrs. M.: MAKSS Press. 2018 176
- Temirshina O.* Book Review: Kormilov S. I. The History of Twentieth Century Russian Literature (1920's — 1990's): Major Trends: A Study Guide for Bachelor and Master Programs. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 190 p. 181

<i>Vasilyeva O.</i> Book Review: Maxim Gorky: Pro et Contra. Modern Discourse / Comp. by O.V. Bogdanov, V.T. Zakharov, L.A. Spiridonova, M.G. Urtminceva. Saint-Petersburg: Russian Christian Academy for Humanities, 2018. 868 p.	185
<i>Pavlovets M.</i> Book Review: Wsewolod Nekrassow / Всеволод Некрасов. Ich Lebe Ich Sehe/Живу и вижу. Ausgewählt, aus dem Russischen Übertragen und Mit Einem Nachwort Versehen von Günter Hirt und Sascha Wonders. Vorwort von Eugen Gomringer. Verlag Helmut Lang, 2017. 356 p.	189
<i>Alpatova T.</i> Book Review: Nagina K. A. Animalism and Anthropology of Leo Tolstoy. Voronezh: VSU Publishing House, 2018. 100 p.	196
<i>Sokolov K.</i> Book Review: Fiction and History: Contexts and Interactions: The Proceedings of the 11th International Conference ‘Fiction and Culture’ [October 8–10, 2015 / Ed. By S.A. Martyanova and Others]. Vladimir: Tranzit-Iks, 2017. 180 p.	199

Scientific Life

<i>Gimadeev E.</i> Launching a New Translation of Homer’s Iliad	203
<i>Dovgy O.</i> The Scientific Meeting “Bestiary as Ars Combinatorica (Res et Verba-8)” at the Russian State University for Humanities, January 18–19, 2019	206
<i>Monisova I., Koltsova N.</i> ‘The Theatre and Drama Domain’: A Chronicle of Scientific Performance at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, October 30, 2018	210
<i>Onipenko N.</i> Vinogradov Readings 2019, 2020	218

In Memoriam

<i>Barkhudarova E., Pankov F.</i> Maya Vsevolodova	223
--	-----

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. НАБОКОВА

В.Я. Задорнова

СИНЕСТЕЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ПРОЗЕ В. НАБОКОВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПЕРЕДАЧИ НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются синестетические метафоры в художественной прозе В. Набокова на русском языке в связи с возможностью их передачи на английском языке. При сравнении текста «Других берегов» с его авторским переложением на английский язык оказалось, что в 15 случаях из 35 синестезия исчезает совсем. Когда она сохраняется, она передается либо в сжатом виде, либо с помощью слов, вызывающих сходные ощущения. Сравнение романа «Приглашение на казнь» с его переводом показало, что синестезия может быть передана путем дословного перевода, что, как правило, не характерно для перевода метафор, или с помощью контекстуальных синонимов, когда может происходить некоторое снижение экспрессивности. В целом русский текст обоих произведений с точки зрения использования синестезии ассоциативно богаче и полифоничнее, чем английский.

Ключевые слова: синестетическая метафора; контекстуальный синоним; компенсация; полифония; переводческая универсалия.

Синестезия — это особый способ восприятия, «когда при раздражении одного органа чувств, наряду со специфическими для него ощущениями, возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств» [Прохоров, ред. 1991: 1205]. Это явление свойственно некоторым людям и не считается психическим нарушением. Синестетами от рождения были такие выдающиеся творческие личности, как Н. Римский-Корсаков, Ференц Лист, Винсент Ван-Гог, В. Кандинский, В. Набоков. Считается, что такое свойство человека расширяет рамки его творческой деятельности, способствует раскрытию его талантов.

Синестезия может объединять любые чувства. На этой основе можно выделить ее разновидности: 1) графемно-цветовая (восприятие букв и цифр одновременно с цветом); 2) акустико-цветовая (так называемый цветной слух — цвета, приписываемые определенным

Задорнова Велта Яновна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент (e-mail: veltazadornova@rambler.ru).

звукам); 3) кинестетико-слуховая (способность слышать звуки при наблюдении за движущимися предметами); 4) визуально / акустико-тактильная (возникновение тактильных ощущений при зрительном или звуковом восприятии); 5) лексико-гастическая (появление вкусовых ассоциаций от слов или образов); 6) ольфакторно-цветовая (объединение цвета и запаха), и т.п. Из этой и других имеющихся классификаций [Майданова, 1992; Степанян, 1987; Rogowska, 2011] видно, что чаще всего в синестетическом процессе задействованы цвет (как элемент зрительного восприятия) и звук (как основа восприятия слухового). Люди, наделенные способностью слышать и осязать цвета, чувствовать вкус слов и запахов, воспринимают окружающий мир по-иному, не так, как обычные люди. Их восприятие богаче, многограннее, необычнее; оно может доставлять особое наслаждение, хотя в некоторых случаях — раздражать и мешать.

С лингвистической точки зрения синестезия — это употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств (т.е. основанное на переносе значения) [Майданова, 1992; Степанян, 1987]. О явлении синестезии, не употребляя этого термина, писал еще А.А. Потебня: «... во всех людях более или менее есть склонность находить общее между впечатлениями различных чувств» [Потебня, 2007: 95]. Для него доказательством этого служит язык с изначально присущей ему образностью. «В славянских языках, как и во многих других, вполне обыкновенны сближения восприятий зрения, осязания и вкуса, зрения и слуха». Потебня считал, что «в каждом человеке есть стремление к таким сравнениям» [там же: 96] и что такие чувственные восприятия необходимы для человеческого развития.

Неудивительно поэтому, что синестезия издавна используется писателями и поэтами как стилистический прием, который исследователи относят к тропам, так как в его основе лежит перенос значения, и называют «синестетической метафорой». Ее в первую очередь связывают с эстетикой символизма (поэзия А. Рембо, Ш. Бодлера), а в России — с поэзией «серебряного века» (А. Блок, А. Белый, К. Бальмонт и др.) [Глазунова, 2012]. На самом деле, такого рода метафоры можно найти у многих писателей, уделявших внимание своему стилю. Среди них Владимир Набоков занимает особое место. У него синестезия проявилась в раннем возрасте, когда он осознал, что все буквы, как русского, так и латинского алфавита, окрашены в его сознании в разные цвета. Это свойство он получил «по наследству» от матери, но оказалось, что буквы у Набокова не всегда того же цвета, что у нее. Однако это не мешало им вместе наслаждаться таким явлением (он не мог делиться этим со сверстниками, которые бы его не поняли) и сравнивать свои впечатления. Став писателем, Набоков начал широко пользоваться данным приемом.

Он конечно, не единственный автор, у кого встречается этот прием, но для него — это не столько полет авторской фантазии, сколько естественное восприятие окружающего мира.

О синестезии как художественном приеме (в том числе у Набокова) существует довольно большая литература [Глазунова, 2012; Донцова, 2015], однако вопросу о возможностях ее передачи на другом языке не уделялось достаточного внимания. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Материалом на русском языке послужили автобиографическое произведение «Другие берега» и роман «Приглашение на казнь», которые сопоставляются с английским вариантом автобиографии “Speak, Memory” и с английским переводом «Приглашения на казнь», выполненным сыном писателя Дмитрием Набоковым, который тоже, по имеющимся сведениям, был синестетом. Перевод был отредактирован В. Набоковым.

История создания мемуаров В. Набоковым — весьма сложная и запутанная [Васильева, 2005]. Писатель начал работу над своими автобиографическими произведениями в Париже с очерка на французском языке «Мадмуазель О.» (1936), ставшего потом 5-й главой книги «Другие берега». В США, куда он эмигрировал в 1940 г., очерк был переведен на английский и опубликован. В 1946–1950 гг. он пишет автобиографическую книгу на английском языке — «Убедительное доказательство», вышедшую в 1951 г. в США под названием “Conclusive Evidence”, а в Англии — под названием “Speak, Memory”. В 1953 г. был осуществлен значительно расширенный, вольный авторский пересказ английского текста на русском языке. Книга получила название «Другие берега» и была издана в 1954 г. Позже Набоков вновь обратился к английскому тексту, и его вариант, который можно считать авторским переводом (переложением) «Других берегов» — “Speak, Memory. An Autobiography Revisited” — был издан в 1966 г. Эта версия автобиографии была в 1997 г. переведена на русский С. Ильиным, что говорит о том, что “Speak, Memory” нельзя рассматривать как перевод «Других берегов» в полном смысле этого слова. Здесь есть некоторые расхождения между главами и изменения, касающиеся приспособления текста к русской или английской аудитории. При этом две книги текстуально сопоставимы.

Работая над окончательным английским вариантом книги “Speak, Memory”, Набоков внес туда исправления и добавления из русского текста «Других берегов»: “... I have availed myself of the corrections I made while turning it into Russian. This re-Englishing of a Russian reversion of what had been an English retelling of Russian memories in the first place proved to be a diabolical task...” [Nabokov, 2016]. Это дает основания считать «Другие берега» исходным текстом при сравнении его с текстом “Speak, Memory”.

Синестезия встречается почти в каждой главе книги «Другие берега» — больше всего в воспоминаниях детства, при описании дома и парка в петербургском имении, а также в характеристиках губернанток и учителей и эпизодах эмигрантской жизни в Европе. (Мы здесь не будем говорить о «цветном алфавите» Набокова, о котором уже много написано.) Благодаря этому приему описания становятся яркими, многомерными, запоминающимися. Каждая синестетическая метафора вызывает несколько ассоциаций, делая текст насыщенным и многослойным. Помимо синестезии, текст Набокова изобилует и другими стилистическими приемами, но перегруженности не происходит, так как каждый прием мотивирован и занимает свое место в системе выразительных средств произведения.

Иногда синестетическая метафора Набокова понятна без контекста: *ватная тишина; прозрачные звуки ее языка* [французского]; *клеенчатый блеск черной волны; розовый дымок цветущего миндаля*. Но чаще всего она требует интерпретации, и это возможно только в более широком контексте. Так, «*прутяной шорох берез*» можно адекватно оценить, только зная, что речь идет о ранней весне (марте), когда деревья еще не покрылись листьями, и этот довольно печальный шорох голых берез (по сравнению с шелестом молодой листвы) сочетается с тональностью всего отрывка, в котором говорится о смерти деда Набокова. «*Щекотное очарование*» становится понятным, если знать, что речь идет о ежевечернем ритуале, который придумала мать для маленького Набокова. Каждый вечер она просила его закрывать глаза, когда вела его вверх по лестнице в спальню: «*Очарование становилось все более щекотным, ибо я не знал, не хотел знать, где кончается лестница*». «*Голые глаза*» губернатора Ленского можно интерпретировать как «глаза без ресниц или с короткими ресницами», а значение «*голового пенсне*» Набоков сам объясняет в английском тексте: “*rimless pince-nez*” — пенсне без оправы. «*Овальный звук*» относится к яйцам (а они, как известно, овальной формы), которые красили на Пасху, с негромким стуком опуская их в кастрюлю. «*Томный сиреневый звук*» обозначает слово «сумерки» — время суток перед заходом солнца или перед рассветом, когда все окрашивается в сиреневый цвет. Недаром это время суток приобретает в русской поэзии эпитеты «сиреневый» и «лиловый».

Однако есть случаи, когда синестезия не поддается интерпретации, даже в широком контексте, и можно только строить догадки, почему те или иные слова объединены писателем. Например, «*солнечная и соленая нота свистка*» в первую очередь ассоциируется с морем, но в отрывке, откуда взято это сочетание слов, действие происходит в петербургском имении, рядом с которым моря нет. «*Соленая нота*», возможно, появляется из-за того, что свисток украшал белую матроску маленького Набокова, а также фонетического сходства с прилагательным «солнечный» (это было летом 1905 г.).

Эти случаи, требующие анализа и интерпретации, особенно трудны для передачи на английском языке, поэтому они либо переводятся описательно (*глухо горели* [о цветных электрических лампочках] — *glowed with charmed constraint*; *голое пенсне* — *rimless pince-nez*), либо опускаются (... и умер он мирно, не слыша голых русских берез, шумящих мартовским прутяным шорохом вокруг дома — *and there, on 28 March 1904... he peacefully died*).

В структурном отношении синестетические метафоры в «Других берегах» по большей части являются адъективными: прилагательное / причастие + существительное (*пресное стекло*; *скользкий звук*; *струящиеся стихи*), реже — адвербиальными: наречие + глагол (*музыкально-смугло мычал*, *бархатно выделялись*). В английском тексте используются только адъективные сочетания. Все встречающиеся в «Других берегах» синестетические метафоры можно классифицировать по основному типу ощущений следующим образом: 1) зрительные (*вяжущая рот матовость*); 2) слуховые (*золотой крик*); 3) ментальные (*ясное ледяное безумие*). Первые две группы преобладают.

При сопоставлении текстов «Других берегов» и “Speak, Memory” с точки зрения использования синестетических метафор бросается в глаза гораздо большее количество их употреблений в русском тексте. В английском тексте этот прием часто (в 15 случаях из 35) исчезает совсем, когда синестетическая метафора не имеет эквивалентов или переводится описательно. О таких случаях частично говорилось выше. Можно добавить еще примеры: *пухлый пепел*, *косматые сны*, *струящиеся стихи*, *парчовая проза*; *сладко волновала* [мысль], *музыкально-смугло мычал*. В некоторых случаях вместо словосочетания используется одно слово, производящее сходное впечатление. Так, «*желатинная несъедобность картин*» становится “*jellylike pictures*” (*jelly* не только вызывает определенные зрительные ощущения, но и вкусовые ассоциации). Иногда синестезия остается, но в более сжатом виде: «*тихий свет чистейших красок*» превращается в “*hushed luminous hues*”, «*прозрачные звуки ее языка*» — в “*her tongue’s limpidity*”. Нередко в английском тексте используется не прямой, словарный эквивалент, а слово (прилагательное), вызывающее сходные ощущения, соответствуя тому же органу чувств: *ватная тишина* — *padded stillness*; *клеенчатый блеск черной волны* — *gluey glistening of the dark swell*. В одном случае был обнаружен прием компенсации, в результате которой был сохранен элемент образа, но потеряна синестезия: *золотой, торопливый, четырехзвучный крик* [об иволге] — *golden orioles in the greenery emitted their four brilliant notes*. И только в небольшом количестве случаев в английском тексте можно найти практически буквальные соответствия: *пресное стекло* — *savourless glass*; *жемчужная речь* — *pearly language*; *скользкий звук* — *slippery sound*; *розовый дымок ... миндаля* — *pink puffs of ... almond trees*. Следует отметить, что в этих

случаях синестезия в английском тексте поддерживается аллитерацией или другими звуковыми повторами, что делает эти комплексы практически неделимыми. Среди этих примеров особый интерес представляет пример с «жемчужной речью», где синестезия прослеживается не только в атрибутивном сочетании, но и переходит на сказуемые «*журчала и переливалась*», второе из которых может относиться и к звуку, и к цвету. Английская метафора практически идентична русской и при этом сохраняет аллитерацию (*that pearly language of hers purred and scintillated*), хотя ассоциативно она чуть-чуть беднее, так как “scintillate” относится только к свету.

Интересно, что в английской версии есть случаи синестезии, не имеющие прототипа в русском тексте, и в этом смысле можно говорить о компенсации этого приема на уровне всего текста книги, например: *cold and sonorous quality of the place; a spicy, biscuit smell [of mats and plaited chairs]; the rhythmic trees; the whispery motion of the electric taxi; the sweet, fluffy smell of a certain flowering bush*.

В целом, подводя итоги этой части исследования, можно сделать вывод о том, что Набоков, создавая синестетические образы, чувствует себя свободней в стихии русского языка, тем более, что он не связан обязательством, от которого зависит обычный переводчик — передавать все стилистические особенности текста, ничего не пропуская.

Роман «Приглашение на казнь», изданный отдельной книгой на русском языке в 1938 г., был переведен на английский под руководством В. Набокова сыном писателя Дмитрием в 1959 г. Роман повествует о последних двадцати днях жизни 30-летнего учителя Цинцинната, приговоренного к смертной казни за его «непрозрачность», непохожесть на других. Он еще надеется на освобождение, затем — на побег, но все попытки выйти на свободу имеют эффект замкнутого круга и кончаются тем, что он опять оказывается в камере. Внешний мир становится все менее реальным, бутафорским, а существование Цинцинната в тюрьме — все более абсурдным и сюрреалистическим.

В системе выразительных средств романа синестетическая метафора занимает значительное место, помогая создать образ проникнутого лицемерием враждебного Цинциннату окружающего мира. Она появляется в описаниях города, который Цинциннат может видеть во время прогулок вдоль стен крепости, в эпизодах, относящихся к его тюремному существованию, а также в характеристике персонажей (жены, судьи, директора тюрьмы и др.). Многие словосочетания такого рода имеют негативную окраску, вызывая неприятные ощущения, например: *сырой шепот, металлический мрак, липкая от луны водяная гладь, шепелявые туфли, вялость красок, сальный отблеск луны*. Большое внимание при описании тюремной камеры Цинцинната уделяется свету, который из дневного (*насквозь синий день; жаркий*

свет) превращается в электрический (*крепко-настойный электрический свет; горький желтый огонь; бледный каменный свет*). Чаще, чем в «Других берегах», в синестетических метафорах «Приглашения на казнь» участвуют существительные, обозначающие ментальные сущности или эмоции (*квадратная тайна; гулкий вопрос; каменная тоска; разноцветный трепет; красная громкая боль*). Значительное количество синестетических метафор содержат в качестве основного звуковое ощущение. Это и манера говорить персонажей (*начал директор тюрьмы сдобным басом; произнес судья сырым шепотом*), и звуки тюрьмы: слух Цинцинната был обострен до предела (*упала громкая ложечка; кто-то задал гулкий вопрос; примятые звуки постепенно начинали расправляться*). Напоминая о каменных стенах тюрьмы, часто употребляется прилагательное «каменный», которое в русском языке имеет, по крайней мере, два переносных значения: 1) безжизненный, застывший и 2) безжалостный, жестокий. В таких словосочетаниях, как «каменная темнота», «каменная ночь», «каменная тоска», наряду с прямым значением, указывающим на тактильное ощущение, реализуются и переносные значения, обеспечивая полифоничное звучание прилагательного.

Синестетические метафоры иногда можно объяснить с помощью других стилистических приемов. Чаще всего это перенос эпитета (эналлага) — «фигура речи, состоящая в переносе эпитета на управляющее слово» [Ахманова, 1966: 525]. Например, [иволги издают свой *золотой... крик* — это крик иволги, птицы желтого цвета. *Овальный звук* — звук, производимый яйцом (а оно, как известно, овальной формы), опускаемым в кастрюлю. *Громкая ложечка* — ложечка, упавшая на пол с громким стуком. *Скользкий звук* — это звук тела лебеда, пытающегося залезть в причаленную лодку, но ударяющегося о ее скользкий борт. В некоторых случаях метафора сопровождается оксюмороном (*ясное ледяное безумие; клейкая свежесть; стройная глушь* [леса]). Однако эти приемы являются дополнительными и не заслоняют сути синестетических метафор — объединения ощущений, вызываемых разными органами чувств, в единый образ.

Соответствия синестетическим метафорам в переводе Дмитрия Набокова можно разделить на три группы: 1) описательный перевод без сохранения синестезии; 2) перевод с помощью контекстуальных синонимов, сохраняющий синестезию; 3) буквальный или почти буквальный перевод.

К описательному переводу Д. Набоков прибегает в крайних случаях. Например, когда в оригинале речь идет о русских реалиях, не понятных английскому читателю («*наградил дверь круглым русским словом*» — “*honouring it with a potent bit of Russian swearing*”), или когда попытка сохранить синестезию может стать актом насилия над английским языком («*она высморкалась с необыкновенным медным*

звуком» — “his mother blew her nose with an extraordinarily loud trumpet sound”; «Пьер искоса кинул *фарфоровый взгляд* на игрушку» — “he cast a sidelong cold glance at the toy”; «в *громком от полуденного солнца дворе*» — “in the courtyard, vibrant with the noonday sun”). В приведенных примерах ощущение, производимое словосочетанием оригинала, передается с помощью более привычных, стертых метафор. «*Медный звук*» — это очень громкий звук, какой могут издавать духовые инструменты, обычно изготавливаемые из меди, например, труба (в переводе появляется *trumpet sound* — трубный звук). «*Фарфоровый взгляд*» вызывает ассоциацию с чем-то красивым, но неживым и холодным (это ощущение передается с помощью мертвой метафоры “cold glance”). Таким образом, здесь реализуется «универсалия», характерная для переводных текстов в целом: «пояснение» (explicitation), когда информация, содержащаяся в тексте оригинала имплицитно, в переводе выражается эксплицитно [Baker, 1993]. Понятно, что переводчик не мог прибегать к этому способу перевода постоянно: из английского текста тогда исчезло бы самое главное — уникальный набоковский стиль, который в том числе создается с помощью синестетических метафор.

На другом полюсе находится буквальный перевод. Довольно неожиданно оказалось, что Д. Набоков прибегает к нему чаще всего при передаче синестетических метафор. Посмотрим, какого рода словосочетания оказались возможным перевести дословно или почти дословно. Это в первую очередь: более или менее «простые» метафоры, не требующие интерпретации: *упала громкая ложечка* — *a loud spoon fell*; *жаркое небо* — *hot sky*; *бесшумная акробатика* — *soundless acrobatics*, — а также все метафоры с прилагательным «каменный»: *каменный свет* — *stony light*; *каменная ночь* — *the night was... stony*; *каменная темнота* — *stone darkness*; *каменная тоска* — *stone anguish*, и т.п. Следует также отметить, что почти все синестетические метафоры, имеющие отношение к ментальным сущностям или эмоциям, также переводятся буквально, сохраняя при этом свои свойства и силу воздействия на читателя, например: *квадратная тайна* — *square secret*; *гулкий вопрос* — *booming question*; *красная громкая боль* — *red and loud pain*. То же относится к абстрактным существительным: *бархатная тишина ее платья* — *velvety quiet of her dress*; *розовые поцелуи со вкусом земляники* — *rosy kisses tasting of wild strawberries*; *разговорная улыбка* — *conversational smile* [улыбка, которую м-сье Пьер использовал при разговоре с гостями].

Наибольший интерес с точки зрения перевода представляет третья группа примеров, в которых синестезия сохраняется с помощью «контекстуальных синонимов». Контекстуальный синоним можно определить как моноксемный контекстуальный эквивалент, который или является синонимом по отношению к соответствующе-

му словарному эквиваленту, или ассоциативно соотносится с ним [Zadornova, Flyaguina, 2000]. Иногда с помощью контекстуального синонима удастся вполне адекватно передать ощущение, создаваемое синестетической метафорой: *вялость красок* — *drab colours* (drab — серый, скучный, однообразный); *прямые звуки* — *trampled sounds* (trampled — вытоптаный); *слабый настой темноты* — *weak distillation of darkness* (distillation — дистилляция, перегонка). Однако при этом прослеживается тенденция некоторого снижения экспрессивности в переводе, использования более привычных слов (*металлический мрак* — *metallic dark*; *колкий, трескучий гром* — *sharp and crackly thunder*; *крепко-настойный электрический свет* — *highly-concentrated electric light*). Но что особенно важно, так как это связано с содержанием романа, в переводе многие синестетические метафоры вызывают менее негативные ощущения, чем в оригинале: «произнес сырым шепотом» становится “*said in a moist undertone*” (moist — влажный); «липкая от луны водяная гладь» переводится как “*the water’s smooth surface oiled by the moon*” (to oil — смазывать); «в камере воздух был сленой и вялый» по-английски звучит как “*the air... had become dense and dull*” (dense — густой, плотный). На выбор эквивалентов среди прочих факторов влияет и их звучание. Так же, как в английском тексте “*Speak, Memory*”, предпочтение отдается тем словам, которые объединяются в синестетическую метафору не только на основе сближения ощущений, но и из-за фонетического сходства (*square secret; flowing glass; loud-legged chair; distillation of darkness; grey, greasy reflection*). Переводчик уделяет звуковой стороне перевода большое внимание и в этом не уступает оригиналу.

В заключение следует отметить, что оба языка — и русский, и английский — обладают достаточным потенциалом для создания синестетических метафор и достаточными ресурсами для того, чтобы сохранить их при переводе. Но как показывает материал, русский текст «Приглашения на казнь» ассоциативно богаче и является более экспрессивным и непредсказуемым, чем английский текст. И это вовсе не свидетельствует о непрофессионализме переводчика; перевод Д. Набокова выполнен на высоком уровне и дает английскому читателю представление о своеобразии стиля его отца. Здесь обнаруживается еще одна тенденция, характерная для переводных текстов: нейтрализация (levelling-out tendency, or normalization), которая затрагивает стилистически окрашенные и экспрессивные элементы текста и не зависит от переводчика, языка перевода, периода или жанра [Baker, 1993; Toury, 1980]. В связи с этим, на наш взгляд, для получения более объективных выводов, касающихся перевода синестезии в произведениях В. Набокова, необходимо подвергнуть изучению переводы его английских произведений на русский язык.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Васильева Е.В.* Автобиографическая проза В.В. Набокова “Conclusive Evidence”, «Другие берега», “Speak, Memory”: история создания, художественная и жанровая специфика: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
3. *Глазунова С.И.* Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1.
4. *Донцова О.В.* Синестезия как элемент авторского стиля в психологической прозе В. Набокова // Науковий вісник МНУ імені В.О. Сухомлинського. Філологічні науки (літературознавство). Днепропетровск, 2015. № 2 (16).
5. *Майданова Т.В.* Синестетические метафоры в художественной речи XX века: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1992.
6. *Степанян Т.Р.* Синестетические метафоры русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.
7. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 2007.
8. *Прохоров А.М.* (ред.). Большой энциклопедический словарь. М., 1991.
9. *Baker Mona.* Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam, 1993.
10. *Nabokov V.* Speak, Memory. An Autobiography Revisited. Penguin Books, 2016.
11. *Rogowska A.* Categorization of Synaesthesia // Review of General Psychology. 2011. Vol. 15. № 3.
12. *Toury Gideon.* In Search of a Theory of Translation. Tel-Aviv, 1980.
13. *Zadornova V., Flyaguina J.* In Search of a Translation Equivalent // Folia Anglistica. Theory and Practice of Translation. М., 2000. № 1.

Velta Zadornova

SYNAESTHESIA AS A STYLISTIC DEVICE IN V. NABOKOV'S RUSSIAN PROSE AND ITS RENDERING INTO ENGLISH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with synaesthetic metaphors in V. Nabokov's Russian prose with special reference to their rendering into English. The comparison of the Russian autobiography 'Drugie Berega' with its English transposition "Speak, Memory" has shown that the Russian text is richer in terms of synaesthesia, which in 15 cases out of 35 is not preserved in the English version. When this device is preserved, it either undergoes "compression" or is translated with the help of words creating similar impressions. The English translation of 'Priglasenie

Na Kazn' has revealed two more important ways of preserving synaesthesia: literal or near-literal translation (not typical of translating metaphors in general) and rendering with the help of contextual synonyms frequently leading to reduction of metaphoric expressiveness. On the whole the Russian texts of both literary works are more associative and polyphonic as far as synaesthesia is concerned than their English counterparts.

Key words: synaesthetic metaphor; contextual synonym; polyphony; compensation; translation universal.

About the author: *Velta Zadornova* — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: veltazadornova@rambler.ru).

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvističeskikh terminov*. M., 1966.
2. Vasiljeva E.V. *Avtobiografičeskaja proza V. Nabokova "Conclusive Evidence", "Drugie berega", "Speak, Memory": istorija sozdanija, hudozhestvennaja i zhanrovaja specifičika*. Diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005.
3. Glazunova S.I. Cvet i zvuk kak komponenty kritičeskikh rabot Vladimira Nabokova. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*. 2012. № 1.
4. Doncova O.V. Sinestezija kak element avtorskogo stilja v psihologičeskoj proze V. Nabokova. *Naukovij visnik MNU imeni V.O. Suhomlinskogo. Filologični nauki (literaturoznavstvo)*. Dnepropetrovsk, 2015, № 2 (16).
5. Maidanova T.V. *Sinestetičeskie metafori v hudozhestvennoj reči XX veka. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk*. M., 1992.
6. Stepanjan T.R. *Sinestetičeskie metafori rusškogo jazyka. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk*. M., 1987.
7. Potebnja A.A. *Mysl' i jazyk*. M., 2007.
8. Prokhorov A.M. (red.). *Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar'*. M., 1991.
9. Baker Mona. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam, 1993.
10. Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited*. Penguin Books, 2016.
11. Rogowska A. Categorization of Synaesthesia. *Review of General Psychology*, 2011, vol. 15, № 3.
12. Toury Gideon. *In Search of a Theory of Translation*. Tel-Aviv, 1980.
13. Zadornova V., Fljaguina J. In Search of a Translation Equivalent. *Folia Anglistica. Theory and Practice of Translation*. M., 2000, № 1.

СТАТЬИ

В.Ю. Шатин

О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ОДНОЙ НЕСТАНДАРТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОГА «К» В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ XVII В.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются новые данные костромской деловой письменности XVII в., позволяющие сделать вывод о распространенности одной нестандартной губно-зубной реализации предлога «к» в севернорусских говорах XVII в. на фоне более регулярной диссимилиации заднеязычного [к] / [г] перед смычными согласными по способу образования. Проводится сравнение с ситуацией в вологодских говорах XVII в., а также с ситуацией в современных севернорусских говорах на рассматриваемой территории. В статье обсуждается механизм возникновения подобной диссимилиации. Предполагается, что изменение в группе согласных [фп] / [вб] → [хп] / [үб], распространившись на позиции не только перед губными, могло быть осознано как неправильное, в результате чего были восстановлены исконные [ф] и [в]. Подобному восстановлению гиперкорректно подверглись также и результаты изменения типа [кк] → [хк], что привело к появлению губно-зубной реализации предлога «к». Делается вывод о более широкой распространенности данного явления в севернорусских говорах в прошлом: как территориально, так и позиционно.

Ключевые слова: русская диалектология; вологодские говоры; деловая письменность; диссимилиация; историческая диалектология; историческая фонетика русского языка; история русского языка; костромские говоры; севернорусские говоры.

Как известно, в современных русских говорах регрессивная диссимилиация [к] (а также его звонкого коррелята [г]) перед смычными согласными представлена в целом ряде позиций, однако перед глухими, где ее результатом оказывается звук [х], шире, чем перед звонкими, где наблюдаем звук [ү] [ДАРЯ 1: карты 87, 88].

Написания, свидетельствующие о подобной фрикативной реализации, обнаруживаются также и в памятниках деловой письменности, отражающих различные русские говоры и происходящих с территорий следующих диалектов.

Шатин Владимир Юрьевич — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vl.shatin@gmail.com).

1. Новгородский диалект конца XVI — первой половины XVII в. (источники примеров см. [Галинская, 2002: 39, 40]).

[кк] → [хк]: *мя^хко^н*; *х кн (я)зю*.

[кт] → [хт]: *нихто*; *полуехту* dat. sg.; *хто*; *х то^н дере^нни*.

2. Говоры северо-восточной новгородской периферии конца XVI — первой половины XVII в. (источники примеров см. [Галинская, 2002: 78]).

[кк] → [хк]: *мя^хково* gen. sg.

[кт] → [хт]: *де^хтю* gen. sg.; *де^хтярю*; *хто*.

3. Псковский диалект первой половины XVII в. (источники примеров см. [Галинская, 2002: 111]).

[кк] → [хк]: *мя^хки^н*; *мяжковино*; *мя^хкое*.

[кт] → [хт]: *венеди^хту*; *ни^хто*; *полиехта*; *хто*.

4. Великолукские говоры первой половины XVII в. (источники примеров см. [Галинская, 2002: 132]).

[кк] → [хк]: *ни^х каки^н*; *х камъню*.

[кт] → [хт]: *гала^хтионо^нская*; *де^хтерево* nom. sg.; *ни^хто*; *хто*.

5. Селигеро-торжковские говоры первой половины XVII в. (источники примеров см. [Галинская, 2002: 166, 167]).

[кк] → [хк]: *х каки^н*; *х каму*.

[кт] → [хт]: *венеди^хта* gen. sg.; *галахтио^н*; *ни^хто*; *полуехто^н*; *х тому же*; *хто*.

[гд] → [үд]: *хн¹ дву^н*.

В современных русских говорах на месте звука [к] в указанной позиции встречаются и губно-зубные: [в] перед звонкими, [ф] перед глухими смычными согласными, — однако область распространения подобной реализации сильно ограничена. В ДАРЯ [ДАРЯ 1: карта 88] она представлена лишь в позиции перед глухими согласными звуками [к], [т] и [п] на следующих территориях.

1. Небольшой ареал вблизи озера Воже к северо-западу от озера Белое. Примеры в позиции перед заднеязычным и губным глухими смычными согласными.

[кк] → [фк], [кп] → [фп]: *[ф] козэ*; *[ф] пону*.

2. Небольшой ареал западнее Пошехонья с примерами в позиции перед глухим заднеязычным согласным.

[кк] → [фк]: *[ф] кому*.

3. Небольшой ареал с примерами в позиции перед глухим зубным согласным южнее Кологрива.

[кт] → [фт]: *[ф] товáришу*.

4. Пять небольших ареалов в верхнем Поветлужье.

Два ареала с примерами в позиции перед всеми глухими смычными согласными.

¹ Буквы **ъ** и **ь** в скорописи, как известно, порой не различаются. При невозможности выбрать один из двух вариантов употребляется символ **h**.

[кк] → [фк], [кт] → [фт], [кп] → [фп]: [ф] *кому́*; [ф] *тому́*; [ф] *на́рню*.

Три ареала с примерами только в позиции перед глухим заднеязычным согласным.

[кк] → [фк]: [ф] *козё́*.

5. Небольшой ареал к западу от Калязина, примыкающий вплотную к Волге. Примеры только в позиции перед глухим зубным согласным.

[кт] → [фт]: [ф] *товáрищу*.

Более подробно речь о лингвистической географии данного явления пойдет далее.

Написания, свидетельствующие о подобных реализациях, были обнаружены Е.А. Галинской в четырех текстах в составе рукописи 1620–1634 гг., где представлены различные (отказные и пр.) записи по Вологодскому уезду (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 14821; лл. 56–58 об., 65–67 об., 70–72, 74–78 об.) [Галинская, 2008].

Ряд диалектных особенностей, нашедших отражение на 14 скорописных страницах, принадлежащих руке никольского церковного дьячка Лисинского стана Водожской волости Вологодского уезда Замятенки Иванова (главным образом переход <ё> в [и] лишь перед мягким согласным как в ударной позиции, так и в позиции первого предупредительного слога) указывает на характерные северо-восточные черты его говора [там же: 156]. По современному диалектному членению Водожская волость оказалась бы северо-западной периферией Костромской группы говоров, уже граничащей с Вологодской.

Из приведенных в статье Е.А. Галинской примеров наиболее яркий, где мы можем видеть сразу практически все позиции, в которых интересующее нас явление обнаруживается, выглядит так: *пошло в болоту а о^т болота в крутому ру^чю в дороге что о^т др^вни ка^рповские*. Приведем также и пример для позиции перед буквой глухого губного: *о^т березы в^ерхъ по ру^чю в полю* [там же: 155–156].

Основываясь на приведенных в статье написаниях, свидетельствующих о том, что фонема <в> перед глухими согласными выступала в говоре, отраженном в рукописи, определенно в варианте [ф], Е.А. Галинская делает вывод, что звук [к] (а, значит, и предлог к) должен был, таким образом, в говоре Замятенки Иванова реализоваться как [ф] перед [к] и [п], как [в] перед [д] и [б] [там же: 156, 157].

Обратимся теперь к севернорусским говорам, соседним с вологодскими, а именно к костромским, которые на протяжении своей истории подвергались значительному влиянию говоров центра. Наше исследование костромской отказной книги 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086) показало, что влияние это осуществлялось как в ранний (формируется корреляция фонем <в> —

<ф> и <в'> — <ф'>), так и в позднейший период (распространение прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных). Черты же, свойственные потоку новгородской колонизации (высоко сонорные билабиальные реализации <в>, цоканье, переход <ё> в [и] во всех позициях), в основной массив данных говоров не проникали [Шатин, 2018: 196, 197].

При изучении костромской отказной книги 1619–1634 гг. было обнаружено значительное количество примеров, отражающих диссимиляцию согласных, в том числе и регрессивную диссимиляцию [к] (а также его звонкого коррелята [г]) по способу образования перед смычными. Приведем лишь некоторые из них.

[кк] → [хк]: *х кинешемьскому* 715; *х кли^нскому* 1067; *х костро^мскому* 30 об., 37 об., 133, 110 об., 302, 403, 819, 1059 об., 1199.

[кт] → [хт]: *ведени^хта* gen. sg. 265, 596, 639; *гала^хтионо^в* nom. sg. 699, 706, 853; *фео^хтистья* gen. sg. 803 х2; *х тре^м* 763 об., 928 об., 929 об.

[кч'] → [хч']: *х четыре^{ма}* 110 об.; *х чете^рмя* 477.

[кп] → [хп]: *х половине* 1109 об.; *х пре^жне^у* dat. sg. 859; *хь пяти* 1067 об.; *хь пятисто^м* 1067 об.

Встретился также один пример с упрощением сочетания согласных.

[кт] → [хт] → [х]: *полие^хко* nom. sg. 1212.

Имеется несколько примеров подобной диссимиляции и в позиции перед звонкими согласными.

[гг] → [үг]: *х галиц^ко^{му}* 1067 об.

[гд] → [үд]: *х двусто^м* 1067 об.; *х дере^вне* 1097; *х двьмасто^м* 37 об.; *х двьсти* 763 об.; *х девяносту* 763 об.

Регрессивное ассимилятивное озвончение проходило во всех диалектах древнерусского языка последовательно [Галинская, 2014: 104], а значит, можно утверждать, что тут представлен именно звонкий [ү], а не его глухой коррелят [х].

Таким образом, получаем следующий набор позиций для диссимиляции рассматриваемого типа в говорах, отраженных в костромской отказной книге 1619–1634 гг.²

Чаще перед глухими: [кк] → [хк], [кт] → [хт], [кч'] → [хч'], [кп] → [хп].

Реже перед звонкими: [гг] → [үг], [гд] → [үд].

Все приведенные написания убедительно показывают, что писцы костромской отказной книги свободно отражали изменения, происходившие в группах согласных, а потому и примеры, о которых речь

² Что касается современных русских говоров, то в них подобная диссимиляция, по данным Е.Г. Буровой [Бурова, 1967], встречается в следующих позициях (пять моделей): только перед глухим заднеязычным [к]; перед глухими взрывными [к], [т] и [п]; перед глухими взрывными [к], [т] и [п], а также перед звонким заднеязычным [г]; перед [к], [т], [п], [г], [д] и [б]; перед заднеязычными [к] и [г] [Бурова, 1967: 215].

пойдет ниже, следует заранее признать отражающими определенную фонетическую реальность.

Гораздо более интересными для нас оказываются написания, где буква **к** заменяется буквой **в**, причем все они связаны с реализацией предлога *к* при имени либо именной группе в дательном падеже. Но для их правильного истолкования необходимо сразу оговорить, что в исследованной отказной книге мы обнаруживаем также написания, свидетельствующие о реализации фонемы <в> перед глухими посредством [ф]: *виту^фтову* dat. sg. 682 об.; *фторо^в* nom. sg. 481, 927; *ф ня^мдеся^м* 30 об.; и т.д.

Приведем полную выборку замен **к** на **в**.

[кк] → [фк]: *к волого^мцкому да в костромском помястью* 884 об.; *к старому е^с в костро^мскому помястию* 81; *к старому его в костро^мскому помястью* 451; *потулову в костро^мскому ево помястью* 400 об.

[кт] → [фт]: *а в тому за^ммишу* 1187 об.; *да в тому же се^лцу чернышеву* 1187 об., 1188.

[гг] → [вг]: *кз старому е^с поме^сю в гали^чкому* 1047 об.

Написания эти принадлежат разным писцам:

к старому е^с в костро^мскому 81, — Плесской осады Тугаринко Хумаев (город Плес расположен приблизительно в сорока километрах вниз по течению реки Волги от Костромы);

к волого^мцкому да в костромском 884 об., — Любимко Кишенской (территориальная принадлежность не установлена);

кз старому е^с поме^сю в гали^чкому 1047 об., — Рождества Пречистой Богородицы дьячек Аврамко Анфиноенов (территориальная принадлежность не установлена);

а в тому за^ммишу 1187 об.; *да в тому же се^лцу чернышеву* 1187 об., 1188, — дьячек Ивашко Ларивонов (территориальная принадлежность не установлена).

Для приведенных выше примеров диссимиляции, получаем, таким образом, три позиции и следующие реализации.

Чаще перед глухими: [кк] → [фк], [кт] → [фт].

Реже перед звонкими: [гг] → [вг].

Имеются и примеры, которые можно условно назвать обратными, где на месте предлога *в* мы обнаруживаем букву *х*: *припуще^нна х поле* 804; *три^мца^м деветь че^мвертеи х поле* 805. Подробное их истолкование будет дано ниже.

Для объяснения всей совокупности приведенных примеров еще раз обратимся к статье [Галинская, 2008], а также к современному диалектному материалу на рассматриваемой территории.

По данным ДАРЯ [ДАРЯ 1: карты 87, 88], а также по примерам из тетрадей, приводимым Е.Г. Буровой [Бурова, 1967], можно заключить, что реализация <к> посредством [ф] перед глухими смычными

и посредством [в] перед звонкими смычными согласными в современных русских говорах представлена нешироко, но в позиции перед глухими согласными все же шире, чем в позиции перед звонкими [Бурова, 1967: 220].

В трех населенных пунктах, два из которых (д. Никитино и д. Хорошая) находятся в Костромской области, а один (д. Кузнецово) — в Вологодской, примеры с губно-зубным обнаруживаются перед всеми глухими взрывными. Отметим также, что именно в д. Никитино и в д. Хорошая подобные примеры имеются и в позиции перед звонкими согласными: в первой лишь перед [д], во второй же перед [г], [д] и [б] [Бурова, 1967: 220].

На карте [ДАРЯ 1: карта 88] представлено также шесть населенных пунктов с реализацией в [ф] либо только перед [к], либо же только перед [т], причем один из них, а именно д. Акишево Пречистенского района Ярославской области (примеры только перед [к]), относится к Костромской группе говоров.

Таким образом, данная диалектная особенность раньше была шире (как территориально, так и в плане позиций) представлена в регионе между Пошехоньем и Вологодой [Галинская, 2008: 158], а примеры, обнаруженные нами в костромской отказной книге, показывают, что в начале XVII в. территория ее распространения доходила до Волги ниже Костромы.

Обратимся к причинам, обуславливающим рассматриваемую диссимиляцию.

Переход [к] в губно-зубные согласные преимущественно перед глухими взрывными представлен в настоящее время всегда в сосуществовании с диссимиляцией данного звука и его переходом в [х] [ДАРЯ 1: 88]. То же самое, как мы видим по нашим примерам из костромской отказной книги, а также и по примерам, представленным в статье [Галинская, 2008], было справедливо и для XVII в.

Речь, таким образом, идет о переходе фрикативного заднеязычного во фрикативный губной. Связь данных звуков не удивительна: вспомним диалектные мены [ф], [х] и [хв], а также ряд мен во флексиях субстантивного и адъективного склонений. С точки зрения акустической характеристики она состоит в том, что оба они являются низкими [Фант, Халле, Якобсон, 1962: 193–195].

Реализация же начального <в>, в том числе и предлога *в*, как [ʏ] или [г] перед звонким согласным и как [х] перед глухим ([ʏ лесú] и [х пескé]) [ДАРЯ 1: 57] представлена шире, чем переход [к] → [х] → [ф], однако изредка их ареалы могут совпадать [Галинская, 2008: 159].

Рассматриваемая диссимиляция [к] по месту образования могла быть частично фонетической, а частично и гиперкорректной. Предполагается следующая последовательность: в северных русских гово-

рах первоначально проходила диссимилиация в группах, состоящих из <в> и губно-зубных согласных в начале слова, а затем данная закономерность была распространена на позицию и перед другими согласными звуками, причем большую роль здесь сыграл предлог *в*, однако со временем произношение типа [х *пескѣ*] и [у *лесу*] стало осознаваться как неправильное, и, наконец, когда в данных позициях соответствующие «неправильные» звуки стали заменяться на [в] и [ф], под эту гиперкоррекцию попали и старые диссимилиативные реализации предлога *к*, также заменившиеся губно-зубными реализациями [там же: 159].

Именно эта особенность, вероятно, и отражается в условно обратных примерах *принуще^нна х поле* 804 и *три^тца^т девять че^тве^ртеи х поле* 805.

Подчеркнем, что в исследованной Е.А. Галинской вологодской рукописи подобных примеров не было. Будучи обнаружены в костромской отказной книге, они лишней раз подтверждают верность фонетической трактовки примеров *а в тому за^ммищу* 1187 об.; *да в тому же се^лцу че^рнышеву* 1187 об., 1188; *к волого^тцкому да в костромскому помѣстью* 884 об.; *к старому е^с в костро^мскому помѣстью* 81; *к старому его в костро^мскому помѣстью* 451; *потулову в костро^мскому ево помѣстью* 400 об.

Таким образом, совокупность обнаруженных примеров позволяет видеть за ними именно фонетическую особенность: реализацию [к] (в примерах на месте предлога *к*) посредством [ф] перед [т] и [п] и посредством [в] перед [г].

Рассматриваемое неординарное явление во всем комплексе его проявлений, будучи связанным с периферийными для костромских говоров северо-западными особенностями, отражалось крайне редко (сдерживающим фактором могли послужить и орфографические стандарты) и вряд ли было достаточно распространено в костромских говорах в XVII в.

Хотя количество обнаруженных в костромской отказной книге примеров и невелико (представлены они, впрочем, в разных отказах и у разных писцов), можно утверждать, что данная диалектная особенность в XVII в. простиралась за пределы региона между Пошехоньем и Вологодой достаточно далеко на юго-восток и могла доходить до Волги, а столь высокая дисперсность обусловлена периферийностью костромского ареала по отношению к центру распространения явления (ср. вологодские примеры в [Галинская, 2008], свидетельствующие о достаточной регулярности данной диссимилиации в некоторых вологодских говорах в прошлом, а также современную географию ее распространения), более регулярному отражению которого, как уже было сказано, могли мешать также орфографическая выучка писцов и традиция.

Список литературы

1. Бурова Е.Г. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 211–227.
2. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2015.
3. Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
4. Галинская Е.А. Нестандартная реализация предлога «К» в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 154–161.
5. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1986.
6. Фант Г. М., Халле М., Якобсон Р.О. Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков // Новое в лингвистике. Вып. 2. 1962. С. 173–230.
7. Шатин В.Ю. Фонетика южной части северо-восточных русских говоров первой половины XVII века (по материалам локальной деловой письменности). Магистерская диссертация. М., 2018.

Vladimir Shatin

ABOUT DISTRIBUTION OF ONE NONSTANDARD REALIZATION OF THE PREPOSITION “К” IN 17th CENTURY NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In an article a new data of Kostroma business documents of the 17th century is being considered. Based on it, we may come to a conclusion concerning the distribution of a certain nonstandard labiodental realization of preposition “к” in northern Russian dialects of the 17th century compared with more regular dissimilation of velar [k] into [h] ([g] into [ɣ]) ante various stop consonants. There is a comparison drawn with a situation in Vologda dialects of the 17th century and also with a situation in modern northern Russian dialects on the territory in question. In the article there is also an emergence of such a dissimilation considered. It is highly likely that changes of consonant clusters [fp] / [vb] → [hp] / [yb], having expanded on positions not only ante labial consonants, were considered incorrect and old sounds [f] and [v] were restored. To such a correction were hypercorrectly subject also results of consonant cluster changes i. e. [kk] → [hk], which consequently lead to a labiodental realization of preposition “к”. A conclusion may be drawn, that in the past a feature in question was more widely spread in northern Russian dialects: both in terms of territory and phonetic position.

Key words: business style documents; dissimilation; historical dialectology; historical phonetics of the Russian language; history of the Russian language; Kostroma dialects; northern Russian dialects; Russian dialectology; Vologda dialects.

About the author: *Vladimir Shatin* — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vl.shatin@gmail.com).

References

1. Burova E.G. Dialektnye izmeneniya i zameny *k* pri sochetanii ego s posleduyushhimi vzryvnymi soglasnymi (v predlozhno-padezhnykh konstruktivnykh) [Dialectal changes and substitutes for *k* in case of its combination with the subsequent stop consonants (in prepositional-case constructions)]. *Ocherki po fonetike severnorusskikh gorovor*, 1967, pp. 211–227. (In Russ.)
2. Galinskaya E.A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologiya [Historical grammar of Russian language: Phonetics. Morphology]. Moscow, *LENAND Publ.*, 2015. 416 p.
3. Galinskaya E.A. Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte [Historical phonetics of Russian dialects in an aspect of linguistic geography]. Moscow, *Izd-vo MGU*, 2002. 272 p.
4. Galinskaya E.A. Nestandartnaya realizatsiya predloga «K» v istorii russkikh dialektov [One nonstandard realization of a preposition «K» in a history of Russian dialects]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii*, 2008, 16, 2, pp. 154–161. (In Russ.)
5. Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Tsentr evropejskoj chasti SSSR). Vyp. 1. Fonetika [Dialectological atlas of the Russian language (Center of the European part of USSR). Part I. Phonetics]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986.
6. Fant G.M., Halle M., Jakobson R.O. Vvedenie v analiz rechi: Razlichitel'nye priznaki i ikh korrelyaty. Gl. II. Opyt opisaniya razlichitel'nykh priznakov [Preliminaries to Speech Analysis: The Distinctive Features and Their Correlates]. *Novoe v lingvistike*, 1962, 2, pp. 173–230. (In Russ.)
7. Shatin V.YU. Fonetika yuzhnoj chasti severo-vostochnykh russkikh gorovor pervoj poloviny XVII veka (po materialam lokal'noj delovoj pis'mennosti) [Phonetics of the southern part of the northeastern Russian dialects of the first half of the 17th century (based on local business-style documents)]. Moscow, 2018. 214 p.

К.Ю. Дойкина

ЭНКЛИТИКА СЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ XIV–XV вв.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова
119019, Москва, Волхонка, 18 / 2*

В статье проводится анализ позиций энклитики *ся* в восточнославянских памятниках делового содержания. В начале статьи приводится гипотеза, что процесс превращения *ся* в неотделимый аффикс в разных диалектах восточнославянского языкового континуума протекал по-разному. В качестве материала выбраны тексты, созданные на северо-восточной (духовные и договорные грамоты великих и удельных князей), северо-западной (грамоты Великого Новгорода и Пскова) и западной (полоцкие грамоты) территориях в XIV–XV вв. Подробно проанализированы северо-восточные и западные грамоты с опорой на систему, разработанную А.А. Зализняком для анализа эволюции системы энклитик. Грамоты Великого Новгорода и Пскова были рассмотрены А.А. Зализняком, результат его исследования привлекается для итогового сопоставления текстов. В ходе анализа и сравнения было выяснено, что коэффициент препозиции в полоцких грамотах выше, чем в северо-восточных и северо-западных текстах. Можно предположить, что это связано с тем, что система энклитик полоцких грамот вбирает в себя восточно- и западнославянские черты.

Ключевые слова: восточнославянские энклитики; энклитика *ся*; коэффициент препозиции.

Показатель возвратности *-ся* (*-сь*) в современном русском языке является неотделимым от глагольных форм аффиксом, однако в древнерусский период он имел статус энклитики. Как и другие энклитики (частицы, относящиеся к сказуемому, краткие формы местоимений, связочные элементы сложных прошедших времен) *ся* подчинялось закону Вакернагеля (т.е. располагалось после первой тактовой группы клаузы) и входило в цепочку энклитик, занимая

Дойкина Ксения Юрьевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова (e-mail: kseniya.dojkina@mail.ru).

в ней седьмой ранг¹, как и местоименные энклитические формы В.п. (*мя, ты, ны, вы* и др.). Впоследствии местоименные энклитики соответствующего ранга заменились на полноударные варианты (*мя — мене, ты — тебе* и т.д.), а энклитика *ся* примкнула к глаголу, став его частью [Зализняк, 1993: 270–308].

Подробно эволюцию данной энклитики описал А.А. Зализняк [Зализняк, 2008: 169–220]. Основное внимание в монографии уделено параметрам утраты *ся*, а также разнице между книжными и некнижными памятниками в этом отношении. Цель данной статьи — рассмотреть положение энклитики в лингвогеографическом аспекте, поскольку известно, что по диалектам состояние систем энклитик может различаться. Так, М.Н. Толстая, сравнивая между собой говоры украинского языка, отмечает, что закарпатский говор с. Синевир сохраняет древний порядок расположения энклитик, тогда как гуцульский говор с. Головы демонстрирует его разрушение [Толстая, 2014].

Подробно будут рассмотрены тексты, созданные в двух диалектных зонах: западной и северо-восточной. Материалом послужат деловые тексты (подлинники XIV–XV вв. и списки, не позднее XV в.): духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, созданные в северо-восточной Руси (частично привлекались к рассмотрению А.А. Зализняком, но подробно описаны не были), и полоцкие грамоты. Далее результаты нашего исследования будут сопоставлены с результатами, полученными А.А. Зализняком для северо-западной зоны (грамоты Великого Новгорода и Пскова XIV–XV вв.). Поскольку данное исследование будет основываться на принципах описания энклитик, которые разработал А.А. Зализняк, остановимся на некоторых понятиях, большую часть из которых он и ввел в научный оборот.

Анализ положения энклитики проводится внутри первичного предложения — клаузы. Она состоит из сказуемого и актантных групп, при рассмотрении энклитик нас будет интересовать только предглагольная часть. Легкой актантной группой А.А. Зализняк называет группу, состоящую из одного фонетического слова. Тяжелая актантная группа включает два и более фонетических слова. Клаузы, которые начинаются глаголом, для изучения энклитик малопоказательны: «здесь новые и древние правила требуют одного и того же — постановки энклитики непосредственно после глагола» [Зализняк, 2008: 169]. Клаузы, не начинающиеся с глагола, подразделяются на простые, многоактантные и тяжелые. Простые клаузы состоят из глагола и легкой актантной группы, в которую также может вклю-

---

¹ Порядок рангов таков: *же, ли, бо, ти, бы*, местоименные энклитик Д.п., местоименные энклитики В.п., связи перфекта. Энклитики с 1 по 5-й ранг считаются сильными, с 6 по 8-й — слабыми [Зализняк, 2008: 51].

чаться одиночное местоимение (с предлогом или без) или наречие. Тяжелые клаузы состоят из глагола и одной или нескольких тяжелых актантных групп. Для многоактантных клауз обязательно наличие нескольких актантных групп [там же, 2008: 17–18]. В клаузах могут возникать ритмико-синтаксические барьеры, они соответствуют паузам, которые делает говорящий или пишущий. Обязательные барьеры возникают после вводного обращения и перед не первым инфинитивом в ряду подчиненных, полуобязательные — после вклиненных инородных групп, факультативные могут отделять тему высказывания или обстоятельственную группу. Основное правило, связанное с барьерами, таково: «ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы» [там же, 49].

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей

Духовные и договорные грамоты (далее — ДДГ) [Духовные и договорные грамоты, 1950] создавались на северо-восточной территории. Их особенность состоит в том, что тексты практически однотипны, так как в их основе лежат стандартные формулы, которые на протяжении долгого времени могли не меняться. Чтобы установить, что изменения в синтаксисе имели место, следует разделить объемный материал на отрезки (XIV, первая половина XV и вторая половина XV в.) и проследить эволюцию энклитики *ся*. В качестве исследуемого материала привлекаются только подлинные тексты.

В простых клаузах энклитика *ся* сохраняет «вакернагелевскую» позицию, что прослеживается в грамотах XIV–XV вв.: *которы^х ся есмь отступи^л* (№ 16 1401–1402); *ка^к ся есте подъяли съ свои^м брато^м* (№ 38 б 1441–1442); *что ся мнѣ в дѣло достало* (№ 84 1496 б). В грамотах XIV — первой половины XV в. перемещение энклитики в постпозицию относительно глагола фиксируется, но встречается оно нечасто: *а по грѣхомъ ци отъимет ся которое мѣсто, дѣти мои... и княгини [в то] мѣсто подъяют ся безъпенными мѣсты* (№ 4 а 1358); *а противу Ржевы отъступил ся есмь кн(я)зю Володимеру... в вудѣ^л* (№ 16 1401–1402).

Такие отклонения можно объяснить действием ритмико-синтаксических барьеров. В примерах из грамот № 4 и 16 представлена клефтовая конструкция², где пауза возникает при выделении ремы (в первом примере — *а по грѣхомъ*, во втором примере — *а противу Ржевы*). Фиксируются и другие случаи с перемещением энклитики без клефта: *и на^м отослати свои^х бояръ, и они переговоря^т ся* (№ 45 1497 Ia³); *и инѣ переговорять ся* (№ 45 1497 IIa).

² Клефт — синтаксический оборот, где выделяется рема высказывания. Ср.: англ. It was to Forks that I now exiled myself (Стефани Майер, «Сумерки») [Уржа, 2015].

³ Римская цифра обозначает экземпляр, буква обозначает вариант: какой из договаривающихся сторон принадлежит документ.

В грамотах второй половины XV в. все чаще обнаруживаются случаи плохо мотивированной постпозиции *ся* относительно глагола: *доколе опишо^м ся* (№ 70 1494 1б) (самостоятельная целая клауза); *а и гдѣ учинит ся ро³бои* (№ 76 1483 б). В некоторых же контекстах можно предполагать выделение нескольких участков клаузы паузами: *а (а)р(е)в(и)чю // в то // не вступати ся* (№ 76 1483 а).

Все барьеры в приведенных примерах факультативны. Иное значение имеют полуобязательные барьеры, возникающие при наличии обращений, приложений, вставных конструкций. Так, например, при действии такого барьера слабые энклитики с 6 по 8-й ранг могли перемещаться в постбарьерную часть. Ср.: *а ва^м ся, // брате, // не имати за до^м с(вя)т(о)го Сп* (№ 59 1456 а); *и ва^м ся, // брате, // не имати за нашу во^тчину* (№ 59 1456 б). Энклитика *ся* располагается в клаузе согласно закону Вакернагеля. Однако в пределах той же грамоты мы находим конкурирующий вариант, где энклитика уже не способна преодолеть этот барьер: *и ва^м // брате, // печаловати ся по наше^м жыוותь* (№ 59 1456 б).

В многоактантных клаузах препозиция энклитики *ся* относительно глагола встречается редко: *в то ся князю Володимеру и его дѣтем не въступати* (№ 16 1401–1402); *и о че^м ся судьи наши сопрут* (№ 30 1433 а, б). В тяжелых клаузах также обнаруживаются случаи, когда оказывается слева от глагола: *а в то ся мѣсто Фоми^нское не въступае^т* (№ 57 1451). Остальные случаи, кроме примеров из грамот № 16, 30, 57, демонстрируют постпозитивное употребление энклитики: *и намѣ // тако же // въ Вятку // не въступати ся* (№ 24 1428 а); *а в тѣ бы земли // у ни^х // не вступи^т ся* (№ 80 1496 в).

Изучая деловые тексты, мы постоянно сталкиваемся с набором повторяющихся формул. С одной стороны, застывшие речевые клише сохраняют архаичные черты, с другой — мы можем рассматривать явление в пределах фраз одного типа. Обратимся к следующим примерам:

- 1) *ни въ его ти ся имя съ своєю землею не дати* (№ 76 1483 а);
- 2) *[ни в] его имя // съ своєю ми ся землею не дати* (№ 76 1483 б);
- 3) *а въ е^с(о) ти имя // съ своєю землею // не дати ся* (№ 79 1484–1485 а).

В первом случае энклитика еще занимает чистую «вакернагелевскую» позицию, во втором — энклитики смещаются вправо, и *ся* удерживается в препозиции на «упрощенном» отрезке фразы, а в последнем примере она перемещается в постпозицию ввиду реализации всех факультативных барьеров. В целом эволюция энклитики *ся* имеет двунаправленный характер. Это связано, с одной стороны, с тем, что барьеры обуславливали смещение *ся* вправо, с другой — такой порядок затем стал нормой, и потребность выделения участка фразы для подобного расположения перестала быть необходимой [Зализняк, 2008: 169–170].

Вторым заслуживающим внимания аспектом является поведение *ся* в цепочке энклитик. До середины XV в. в текстах обнаруживается много примеров с энклитикой *ся* в составе длинной цепочки, которая находится в предбарьерной части фразы: *а в Вя^мку ти ся*, // *брате*, // *не вступати* (№ 38 1441–1442 а); *и што ми ся еси*, // *г(осподи) не*, // *о^мступи^а ся Бежицко^о(о) Верху* (№ 58 1451–1456 б). Как говорилось ранее, *ся* относится к разряду слабых энклитик. Для этого типа уже в ранних текстах отмечается разделение энклитик, явление, при котором сильные энклитики остаются перед барьером, а слабые смещаются в постбарьерную часть [Зализняк, 2008: 54]. Такое разделение в ДДГ наблюдается, и оно связано с эволюцией энклитики *ся*. С середины XV столетия *ся* выпадает из цепочки, которая располагается перед барьером, и смещается к глаголу: *што ми еси*, // *г(осподи) не*, // *о^мступи^а ся въ удълъ* (№ 58 1451–1456 б); *так же ти в нашу о^мчину*, // *в Велики Но^огоро^о и во Пско^о*, // *не ссылати ся* (№ 81 1486 а). Тяготение *ся* к глаголу становится настолько сильно, что оно преодолевает ту связь, которая была в цепочке между энклитиками.

Еще одно явление, которое нужно рассмотреть, это клаймбинг — «вынос клитик в вышестоящую предикацию» [Циммерлинг, 2013: 79]. В ДДГ этот механизм работает последовательно: *а кои ся не почнет тягати* (№ 63 1462–1464 а); *а от ког(о) ся са^м не возможе^м боронити* (№ 76 1483 а). При наличии тяжелой группы энклитика сдвигается вправо: *а холопъ и роба // почнетъ ся тягати с осподарем* (№ 59 1456 а).

Объективным показателем для рассматриваемой энклитики является коэффициент препозиции (Q_{pre}). Он равен отношению числа случаев препозиции к общему числу случаев, где нет условий для автоматической постпозиции [Зализняк, 2008: 66]. Общая схема эволюции энклитики *ся* в ДДГ выглядит так:

Таблица 1

Коэффициент препозиции *ся* в ДДГ

Тип клаузы	Простая	Многоактантная	Тяжелая
XIV век	82% (27 / 33)	40% (3 / 12)	(1 / 22)
Пер. пол. XV века	85% (72 / 86)	44% (11 / 25)	9% (2 / 22)
Втор. пол. XV века	55% (15 / 27)	14% (3 / 27)	10% (3 / 30)

В целом можно выделить два полюса распределения Q_{pre} в зависимости от сложности фразы: простые клаузы (норма — препозиция) и тяжелые (норма — постпозиция). Переломным временем для энклитики *ся* является середина — вторая половина XV в., когда коэффициент препозиции во всех типах клауз снижается. Таким

образом, несмотря на обилие формул в тексте, мы видим, что язык грамот все же отражает изменения в употреблении энклитик.

Полоцкие грамоты

Полоцкие грамоты написаны на канцелярском языке Великого княжеского Литовского — простой мове или руськой мове [Темчинас, 2012]. А.М. Гилевска отмечает, что западнорусские грамоты ценны для изучения всех восточнославянских языков, так как их язык отражает яркие диалектные черты и отстоит от языка книжных текстов [Гилевска, 2018]. Это подтверждается и тем, что в тексты полоцких грамот включена прямая или несобственно-прямая речь, маркированная частицей *деи*. В отношении *ся* материал полоцких грамот XIV–XV вв. [Полоцкие грамоты, 2015] более скуден, чем материал ДДГ: в подлинниках и списках не позднее XV в. обнаруживается всего 219 примеров употребления *ся*, без учета случаев автоматической постпозиции. Разделять примеры по временным срезам, на наш взгляд, не имеет смысла, так как объем материала невелик и достаточно однороден.

Поведение энклитики *ся* в простых клаузах предсказуемо: если клауза начинается с союза или местоимения, энклитика располагается в соответствии с законом Вакернагеля: *ажь ся намъ то прилучило тая въра принати* (№ 16 XIV); *а што ся издь пригодить вашим людъм* (№ 232 1480), в особенности — в местоименных клаузах, где препозитивное употребление энклитики преобладает над постпозитивным. Препозиция *ся* встречается редко и только в том случае, если клаузу начинает знаменательное слово, таких примеров всего два: *заплата ся ему не стала* (№ 240 1480); *серьдьчно ся радуемъ* (№ 260 1485). Нормальным же является постановка энклитики после глагола: *Иван // послал ся до места Мънска* (№ 239 1480); *а вл(а)д(ы)ць // не въступати ся в нашъ монастырь* (№ 6 14); *азъ полоцанинь // възвинит ся въ Ригу* (№ 48 1405). Чаще всего *ся* перемещается в постпозицию, если фраза начинается наречием: *здесь // жаловал(и) ся наши люд(и)* (№ 113 1444); *потом же // сотрут ся тьи колоколы, или изломат ся* (№ 55–1 1407). Это связано с тенденцией к отделению начальной обстоятельственной группы паузой, что прослеживается и в современном языке⁴. Наличие ритмико-синтаксического барьера можно подтвердить примером: *здесь(е) // довьдали ся есмо* (№ 185 1468), где вправо перемещается не только *ся*, но и связка перфекта, которая является энклитикой. Прочие случаи постпозитивного употребления энклитики могут быть связаны с наличием барьера: *Иван // послал ся*

⁴ Это отчетливо заметно при обучении школьников пунктуации: ошибка возникает при попытке отделить начальное обстоятельство (распространенное или нет) запятой.

до места Мѣнска (№ 239 1480); а *Гуртем // ему повѣдает(ь) ся ничим не виноватъ* (№ 240 1480). Рассмотрим также образец смещенной препозиции: *и мы того, съдше, ѡсмотрили с осподаря нашего мѣщаны полоцкими ижъ то не мѣщаны ся дѣть такии фал(ь)шь* ‘и мы, сев, посмотрели с полоцкими мещанами нашего господина, что не мещанами делается такой подлог’ (№ 161 1464). Объяснить позицию энклитики можно, только предположив объединение *иже то* с последующим словом. И тогда случай *ижъ явили с(я) были фал(ь)шери межи боярьских людеи* (№ 161 1464) стоит относить не к отклонениям от закона Вакернагеля, а к случаям автоматической постпозиции.

В многоактантных клаузах препозиция энклитики встречается часто во фразах, начинающихся с незначительных слов: *а што намъ пишеть, што ся нам крѣды чинат у вашей земли* (№ 131 1448); *про што ся таковыи безправья полочаном деют(ь)* (№ 240 1480). Особенно ценной является при этом передача прямой речи: *Иван рек я ся Микуде у попеле знаю* (№ 239 1480). Отметим еще одну особенность данного типа клауз: многоактантность влечет за собой дробление фразы паузами, из-за чего возникает явление смещенной препозиции (8 из 22 случаев): *бо здес(е) // много ся так пригожает(ь)* (№ 188 1469); *про то ж // естли ся вашей м(и)л(о)сти то оувидит(ь) за подобно* (№ 200 1471). При разделении клаузы иногда разрывается цепочка энклитик: *и ваша бы м(и)л(о)сть // в него ся не оуступали* (№ 139 1458), так что энклитика, относящаяся ко всей фразе, остается на своей позиции, а *ся*, относящееся только к сказуемому, продвигается вправо. При смещенной препозиции *ся* не только избегает попадания внутрь тяжелой группы, но и становится сразу после нее: *там з вашею м(и)л(о)стью ся обличне оузрим* (№ 201 1471). Данная черта присуща всей системе полоцких энклитик: *и за того с(вя)щ(е)нника бы ваша м(и)л(о)сть стоали* (№ 254 1483); *я, кн(а) г(и)нл и свою пѣчать есми приложила* (№ 452 1509).

В тяжелых клаузах энклитика *ся* помещается слева от глагола лишь в единственном обнаруженном примере: *и на тот рок ся съедем* (№ 200 1471), для которого может быть две интерпретации: кроме постановки после тяжелой группы, можно также предполагать, что здесь произошло просодическое объединение местоимения и существительного, и *ся* находится после первой тактовой группы клаузы. В прочих случаях энклитика при наличии тяжелой группы всегда оказывается в постпозиции относительно глагола: *на Б(о)жью м(и)л(о)сть надеюче с(я)* (№ 49 1405 сп.н. 15); *ѡсп(о)д(а)рьског(о) слова дѣржим ся* (№ 248 1482).

В клаузах с эффектом клаймбинга управляющий глагол занимает первую позицию в клаузе, энклитика *ся* выносится влево: *И почаль ся оу пана просити к Ризь* (№ 111 1444). А.А. Зализняк отмечает, что *ся* с раннего периода, оказываясь в подобном типе фраз, чаще

всего примыкает к своему инфинитиву справа, связывается это с постепенным сращением *ся* и глагола [Зализняк, 2008: 111]. Подобное мы наблюдаем и в полоцких грамотах: *а въ ц(е)рк(о)вное велите въступат ся* (№ 102 1440); *хотлчи виноватых доискати ся* (№ 267 1487). А.В. Циммерлинг, комментируя аналогичную ситуацию в новгородских грамотах XIV–XV вв., отмечает, что клэймбинг, характерный для всех славянских языков, кроме болгарского и македонского, мог отсутствовать в период переходного состояния языка, когда перестраивалась система энклитик (в русском, например, она утратилась, в чешском изменилась) [Циммерлинг, 2013: 261]. Во всех приведенных ранее примерах энклитика стоит справа от глагола. Однако из общего ряда выбивается такой пример из полоцких грамот: *а казал был его м(и)л(о)сть // там ся съехати к тому року* (№ 200 1471). Энклитика не выносится в начало фразы, однако и не примыкает к инфинитиву: она остается в пределах той части фразы, где располагаются актаны зависимого инфинитива. Дело здесь в наличии барьера, который разделяет фразу так, что части ее становятся автономны. Заметим, что словоформа *был* в полоцких грамотах является энклитикой, поэтому здесь наблюдается и разделение цепочки: *был* оказывается в начале фразы, *ся* во второй половине. Все перестановки обусловлены коммуникативным устройством фразы⁵. В связи с этим также можно предположить, что тяготение *ся* к глаголу столь велико в этот период, что препозиция возможна только на упрощенном отрезке фразы. Ранее описывались случаи с разделением энклитик, где *ся* после барьера продвигалось к глаголу (*и ваша бы м(и)л(о)сть // в него ся не оуступали* (№ 139 1458)). Стоит сказать, что М. Длуска, описывая позицию возвратного *się* в польском, считает, что в некоторых случаях оно может выступать и как энклитика, и как проклитика [Dłuska, 1976: 29].

Распределение позиций энклитики *ся* в полоцких грамотах XIV–XV вв. выглядит так:

Таблица 2

Коэффициент препозиции *ся* в полоцких грамотах

Тип клаузы	Простые клаузы		Многоактантные	Тяжелые
	Местоименные	Прочие		
	95% 20 / 21	22% 8 / 36	62% 23 / 37	1 / 19

⁵ Такое перемещение клитик по фразе можно было бы объяснять и с точки зрения синтаксиса, однако А.В. Циммерлинг не относит разделение энклитик в древнерусских текстах к скрэмблингу, заключающемуся в перемещении элементов в пределах фразы, хотя, например, в словенском языке энклитики могут передвигаться в цепочке [Zimmerling, 2011].

Сравнение и интерпретация результатов

Проанализируем показатели, получившиеся в результате нашего анализа деловых текстов северо-восточного и западного регионов, и сопоставим их с показателями для северо-западного региона по материалам исследования А.А. Зализняком грамот Великого Новгорода и Пскова (ГВНП)⁶:

Таблица 3

Коэффициент препозиции *ся* в ДДГ, ГВНП и полоцких грамотах

Тип клаузы	Простые клаузы		Многоактантные	Тяжелые	Общий коэффициент
	Местоименные	Прочие			
ДДГ	83% 91 / 110	50% 13 / 26	26% 17 / 64	8% 6 / 74	46% 127 / 274
ГВНП	40% 6 / 15	1 / 6	22% 2 / 9	0 / 22	17% 9 / 54
ПГ	95% 20 / 21	22% 8 / 36	62% 23 / 37	1 / 19	48% 53 / 107

Самый низкий коэффициент препозиции фиксируется в ГВНП: препозитивное употребление *ся* обеспечивается в целом лишь местоименными клаузами. Интересно следующее: исходя из результатов анализа грамот XII–XIII вв. данной группы [Зализняк, 2008: 200], видно, что даже в них отделимость *ся* невысока, коэффициент препозиции составляет 67%. Этот показатель ниже, чем в берестяных грамотах соответствующего периода.

Положению энклитики *ся* в ДДГ сложно дать оценку. А.А. Зализняк относительно местоименных клауз пишет, что высокий коэффициент препозиции обусловлен стереотипностью формул, не менявшихся веками [там же: 200]. В начале статьи мы попытались показать, что изменения в синтаксисе грамот все же происходят: коэффициент препозиции *ся* ощутимо снижается. Это дает основания, в меньшей степени опираясь на функционирование *ся* в местоименных клаузах и в большей степени в многоактантных и тяжелых, полагать, что в ДДГ *ся* сохраняло препозицию относительно глагола лучше, чем в ГВНП.

Полоцкие грамоты имеют самый высокий коэффициент препозиции *ся*. С одной стороны, здесь прослеживается общая тенденция к препозитивному употреблению *ся* в местоименных клаузах. В число таких случаев входят и формулы, характерные для многих деловых текстов, такие как: *што ся оучиниль, што ся пригодить, того ся отступиль*. С другой стороны, видно, что и в многоактантных клаузах коэффициент весьма высок. Однако было замечено, что в них очень часто встречается смещенная препозиция, т.е. на самом деле *ся* отделимо от глагола в пределах легкой актантной группы.

⁶ Анализ примеров из ГВНП см. [Зализняк, 2008: 53, 76, 77, 132, 183, 190, 200].

В отличие от ДДГ полоцкие грамоты, несмотря на большое количество формульных конструкций, лучше отражают ситуацию, происходящую в живом языке, благодаря включению прямой речи в тексты грамот. На этих отрезках мы отмечаем препозитивное употребление *ся*, что является, на наш взгляд, косвенным подтверждением данных в таблице. Передача прямой речи, например, также указывает на то, что местоименные энклитики еще не совсем утратились в период XV в.: *Иван рек: «Я ся Микӯле у попеле знаю, аль брал есми у Микӯлы товар — селедци. А он ми довал за добрии. А селедци вел(ь)милихы. У том ми щькоды стало мног(о). Хоч(ь) ми за то отвьт дат(и) и за щькоду стоят(и)»* (№ 239 1480), хотя в основном тексте грамот употребляются только полноударные формы.

Таким образом, данные деловых текстов позволяют предположить, что позиция энклитики *ся* в период утраты системы энклитик (XIV–XV вв.) различалась по диалектным зонам. Выделяются на общем фоне западнорусские тексты⁷. Поскольку полоцкие грамоты создавались на территории Великого княжества Литовского и написаны на русьской мове, мы предполагаем, что система энклитик в целом — это переходная система от восточнославянского к западнославянскому типу. Автономное расположение *ся* характерно для западнославянских языков, в нашем случае особенно важен польский как один из языков Великого княжества Литовского. В деловых текстах на старопольском языке энклитика располагается в соответствии с законом Вакернагеля: *tako się przysiężnicy upominali jemu* ‘так присяжные упрекали его’; *Tego się wyznał krześcijan* ‘в том признался христианин’ (Ortyle magdeburskie ок. 1480); *iżby się który z rodzaju onego umarłego ozwał z do<s>tatecznym świadectwem* ‘чтобы тот, кто является родственником умершего, обратился с достаточным свидетельством’ (Statut cechu krawieckiego z 1491 roku). В современном польском *się* закону Вакернагеля в чистом виде не следует. Например, как и другие клитики, *się* избегает конечной позиции во фразе, но это правило неабсолютно: *Sytuacja nie poprawi się*. ‘Ситуация не улучшится’ (пример Г. Раппарта [Rappaport, 2005: 468]). Кроме того, Г. Раппорт приводит и другие примеры, типа: *Bać zaczął się po wyborach prezydenckich* (bać się ‘бояться’, zacząć ‘начать’) ‘Бояться мы начнем после президентских выборов’, где клитика занимает третью позицию во фразе, хотя и отделена от своего глагола [там же: 466].

Список литературы

1. Гилевска А.М. Отражение языковой ситуации Великого княжества Литовского в избранных текстах первой половины XVI в. // Славянский

⁷ Подчеркнем, что среди позднерусских текстов, рассмотренных А.А. Зализняком, лидером по общему коэффициенту препозиции (43%) являлись смоленские грамоты, хотя нельзя забывать, что они относились к XIII в. [Зализняк, 2008: 199].

- мир: язык, литература, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета: 28–29 ноября 2018 года / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., 2018. С. 91–93.
2. Духовные и договорный грамоты великих и удельных князей XIV–XVI века / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950.
  3. *Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1993.
  4. *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
  5. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М., 2015.
  6. *Темчина С.Ю.* О времени и условиях становления русской мовы в качестве литературного языка // Материалы V Міжнароднага конгреса беларусістаў. Минск, 20–21 мая 2010 года / Под ред. С.М. Запрудско-го, Г.А. Цыхуна. Минск, 2012. С. 47–53.
  7. *Толстая М.Н.* Синтаксис возвратного *сѣ в говоре гуцульского села Головы начала XX века // Діалекти в синхронії та діакронії: загально-слов'янський контекст. Тези доповідей міжнародної конференції. Ін-т укр. мови НАН України. Київ, 2014. С. 483–489.
  8. *Уржа А.В.* Роль синтаксических моделей и фигур речи в формировании первого плана и фона переводного текста // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2015. № 1. С. 613–623.
  9. *Циммерлинг А.В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.
  10. *Dłuska M.* Prozodia języka polskiego. 2nd ed. Warszawa, 1976.
  11. *Rappaport G.* Clitics as Features: A Non-semiotic Approach American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists. Cracow, August-September, 1998 // Literature. Linguistics. Poetics. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, Inc., 1998, pp. 460–782.
  12. *Zimmerling A.V.* Scrambling types in the Slavic languages Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 10 (17). М., 2011. С. 795–812.

Kseniya Dojkina

ENCLITIC СЯ IN OFFICIAL DOCUMENTS OF 14th–15th CENTURIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Vinogradov Institute for Russian Language,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019*

This article focuses on the placement of the enclitic *ся* in East Slavic official documents. The hypothesis is *ся* had transformed into affix in different East Slavic

dialects of 14th–15th centuries at a different pace and in different conditions. The research material is North-Eastern (testaments and treaties of Grand and Local princes), North-Western (Velikiy Novgorod and Pskov charts), and Western (Polotsk charts) texts. Testaments and treaties, and Polotsk charts have been scrutinized according to Zaliznyak's system. Velikiy Novgorod and Pskov charts had been researched by A. Zaliznyak and they are employed as additional evidence. It has been shown that in Polotsk charts enclitic *ся* is found before the host-verb more often than in other texts. This may be attributed to a Polish language influence, for the Polotsk enclitic system shares East and West Slavic features.

Key words: East Slavic enclitics; enclitic *ся*; coefficient of preposition.

About the author: *Kseniya Dojkina* — PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher at the Vinogradov Institute of Russian Language (e-mail: kseniya.dojkina@mail.ru).

References

1. Gilevska A.M. *Otrazhenie jazykovoj situacii Velikogo knjazhestva Litovskogo v izbrannyh tekstah pervoj poloviny XVI v.* [Reflection of the language situation of The Grand Duchy of Lithuania in selected texts of the first half of 16th century] Slavjanskij mir: jazyk, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhenoj 100-letiju so dnja rozhdenija zaslužennogo professora MGU imeni M.V. Lomonosova A.G. Shirokovej i 75-letiju kafedry slavjanskoj filologii filologičeskogo fakul'teta: 28–29 nojabrja 2018. Pod red. M.L. Remnevoj. M., 2018, pp. 91–93.
2. *Duhovnye i dogovornyj gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV–XVI veka.* [Testaments and treaties of Grand and Local princes 14th–16th centuries] Pod red. L.V. Cherepnina. M.; L., 1950.
3. Zaliznjak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod birch bark manuscripts]. M., 1993.
4. Zaliznjak A.A. *Drevnerusskie jenklitiki.* [Old Russian enclitics] M., 2008.
5. *Polockie gramoty XIII — nachala XVI veka.* [Polotsk charts of 13th–16th century] Pod red. A.L. Khoroshkovich. T. 1. M., 2015.
6. Temčinas S.Ju. *O vremeni i uslovijah stanovlenija rus'koj movy v kachestve literaturnogo jazyka.* [The time and conditions of the formation of Ruska mova as a literary language] Materialy V Miznarodnaga kongresa belarusistaŭ. Minsk, 20–21 maja 2010 goda. Pod red. Zaprudski C.M., Cyhun G.A. Minsk, 2012, pp. 47–53.
7. Tolstaja M.N. *Sintaksis vozvratnogo *se v govore gucul'skogo sela Golovy nachala XX veka.* [Syntax of reflexive *se in Gucul dialect of Golovy in the beginning of 20th century] Dialekti v sinhronii ta diahronii: zagal'noslov'jans'kij kontekst. Tezi dopovidej miznarodnoï konferencii. In-t ukr. movi NAN Ukraïni. Kiïv: KMM, 2014, pp. 483–489.
8. Zimmerling A.V. *Sistemy porjadka slov slavjanskih jazykov v tipologičeskom aspekte.* [Word order systems of the Slavic languages in the typological aspect] M., 2013.
9. Dłuska M. *Prozodia języka polskiego.* 2nd ed. Warszawa, 1976.

10. Rappaport G. *Clitics as Features: A Non-semiotic Approach*. American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists, Cracow, August–September, 1998. Literature. Linguistics. Poetics. Bloomington, Indiana. 1998, pp. 460–782.
11. Urzha A.V. *Rol' sintaksicheskikh modelej i figur rechi v formirovanii pervogo plana i fona perevodnogo teksta*. [The role of syntax models and figures of speech in the grounding of a translated text] *Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda*. 2015. № 1, pp. 613–623.
12. Zimmerling A.V. *Scrambling types in the Slavic languages*. *Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezh-dunarodnoj konferencii «Dialog»*, Vyp. 10 (17). M., 2011, pp. 795–812.

Т.Д. Венедиктова, А.В. Логутов

ПРАГМАТИКА И МЕДИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Очерчиваются возможности использования прагматического и медиологического подхода в рамках современной филологической теории литературного текста. В условиях развития новых технологий и связанных с ним форм опосредования культурной коммуникации развиваемая многочисленными теоретиками последних полутора столетий идея речи как действия становится особенно плодотворной. Динамическая связь текста и контекста, очевидная для современной гуманитаристики вообще, оказывается в центре внимания прагматики и медиологии как возможных подходов к анализу литературного текста. Исторически литература была первой художественной практикой, чьи артефакты стали тиражироваться. Она первой испытала на себе этот модус взаимодействия с широкой публикой и во многом определила то, каким образом эстетический опыт передавался в таких наследовавших ей технологиях, как фотография, кинематограф и интернет. С XVI по XIX в. функцию донесения информации до широкой аудитории аудитории монополично выполняло печатное слово, но с тех пор положение изменилось. Новые медиа создают почву для формирования разнообразных сообществ, и публика все активнее вторгается в эстетическое поле, не ограничиваясь пассивностью потребления. В интересах грамотной историзации этих процессов особенно важно расширить границы компетенций литературоведа, сократив разрыв между установками, порожденными «программным» сосредоточением на материале прошлого, и логиками, задаваемыми современными коммуникативными технологиями. Разговор о новых коммуникативных контекстах неизбежно приводит к вопросу о переосмыслении роли филологической науки, так как именно филологи впервые начали изучать массовую коммуникацию в контексте эстетического опыта.

Ключевые слова: литература; медиа; прагматика; филология; методология.

Венедиктова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

Логутов Андрей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: logutow@mail.ru).

Задача статьи — очертить новые области и возможности развития, которые открывает перед литературоведением освоение относительно новых аналитических «оптик» — прагматической и медиологической. Обе предполагают изучение текста в аспекте деятельности, связанной с его производством и восприятием, трансляцией и переработкой. Мексиканский поэт Октавио Пас определяет литературу как «сеть отношений или коммуникаций, систему взаимообмена воздействиями, в которой участвуют авторы, читатели и произведения» [Paz, 1987: 218]. По ходу этих коммуникативных процессов происходит конструирование и ревизия представлений о субъектности, об эстетических ценностях, о культурных порядках и о социальных иерархиях, — и на них также (а не только на собственно текстах) распространяется внимание исследователя. В результате формируется междисциплинарное проблемное поле — относительно новое и активно осваиваемое отечественной филологией. Тем важнее поставить вопросы:

- как и почему это поле сформировалось и в каком направлении развивается?
- как в нем уже проявила и еще может проявить себя наука о литературе?
- с какими вызовами при этом сталкивается литературоведение как профессия и академическая специализация?

Переживание жизни как потока перемен считается характерной чертой современности и связывается (справедливо) с обновлением медиа, нарастающей интенсивностью коммуникаций. Дистанция между возникновением алфавитного письма и изобретением печатного станка измерялась тысячелетиями, между началом распространения печати и появлением электрической связи протекли сотни лет, между появлением всемирной сети и распространением смартфонов — всего около десятка. Не удивительно, что интерес «к моментам порождения и изменения» в культуре [Бахманн-Медик, 2017: 122] и проблематика творческой адаптации к новизне определяют сегодня вектор развития социальных и гуманитарных наук.

По-своему чутко к изменчивости жизни и искусство: литература настойчиво раздвигает рамки представлений о себе, экспериментирует, включая в свою орбиту и нехудожественные тексты («нон-фикшн»), и популярную беллетристику, и «сетературу». Культурный ландшафт в целом определяется нарастающей неопределенностью границ между фикциональным и документальным, текстовым и нетекстовым, высоким и массовым, искусством и не-искусством. Тем заметнее склонность академического литературоведения охранительно относиться к границам того, что подлежит исследованию как «серьезный предмет», — отгораживаясь как раз от тех областей

производства и потребления словесности, где проходит сегодня передний край литературного эксперимента. Авангардистский поиск как никогда тесно связан с массовой коммуникацией, где текстовый канал функционирует в условиях активной взаимодополнительности с технологиями электронно-экранной культуры, — именно здесь возникают новые, как правило, спорные формы творчества. Симптоматично, что Нобелевские премии по литературе присуждались в последние годы за журналистику (Светлана Алексиевич) или песню (Боб Дилан), что частью культурных экспертов приветствовалось, а другую часть застало «врасплох». Очевидно, что достойной альтернативой и приветствиям, и сетованиям была бы реакция аналитическая, но как раз она маловероятна в отсутствие адекватной методологии.

Преобразование культурных функций и способов функционирования литературы происходит явочным порядком, помимо чьих-либо желаний и предпочтений, и порождает множество вопросов. Что происходит с художественным текстом под влиянием импульсов медиализации и глобализации, сообщающих ему небывалую прежде мобильность, вариативность, трансформируемость? Имеют ли отношение к литературе в «нормальном» ее понимании упомянутые документалистика и песня, фото-, кинороман, комикс, телесериал? Какими средствами исследовать эти и другие гибридные формы? Считать ли проблематику таких исследований маргинальной, а то и вовсе посторонней литературоведению, или... в каком-то смысле и как ни странно — ключевой? Второй ответ кажется контринтуитивным, а первый оправдывает отсутствие интереса к новому материалу ссылкой на непреложность дисциплинарных границ. В конце концов, у литературоведа довольно и традиционных забот, связанных с концептуализацией литературного процесса и историческим его описанием.

Природа исторического знания, однако, не сводится к описанию прошлого, но предполагает осмысление изменчивости общества и культуры, а это невозможно без рефлексивной соотнесенности прошлого с настоящим, т.е. полноценного освоения проблемной ситуации, описанной выше.

Необходимость прагматики: методологический вектор

Вторая половина XX в. в науке отмечена «поворотом», который обозначается как «прагматический (pragmatic)», «культурный (cultural)», «практический (practical)», «контекстный (contextual)» или «перформативный (performative)». Подразумевается в любом случае последовательное рассмотрение объекта исследования сквозь

призмы «деятельности», «опыта», «коммуникации». Иначе: фокусировка внимания не на статичной, самодостаточной структуре, а на процессе, предполагающем участников, контекст и непрерывную динамику.

Методологический сдвиг связан с продуктивной самокритикой структурализма. Продолжая заниматься семиотическими практиками, постструктуралистская теория сосредоточилась на деятельностной природе коммуникативных процессов. При этом оказались по-новому востребованы те направления научной мысли прошлого, что исследовали роль субъекта в познании, общении, смыслопорождении такие, как прагматизм Дж. Дьюи и близкие ему представления позднего Л. Витгенштейна, диалогика М. Бахтина, инсайты русских формалистов о «динамической форме», наблюдения аналитической философии над способами «производить действия при помощи слов». Речевой акт, речевой жанр, дискурс, — начиная с 1970-х годов эти категории все шире и последовательнее входят в арсенал филологии (больше лингвистики, чем литературоведения), культурологии, антропологии, социологии.

Ключевую роль в методологической перестройке сыграла идея контекста. «Когда и если знание понимается процессуально, как практика, контекст становится перформативным, диалогическим и интерактивным» [The Problem of Context, 1999: 33]. Контекст, воспринимавшийся прежде как стабильная и стабилизирующая рамка, теперь осознается как пространство, предполагающее активность интерпретационного выбора. Контекст включает толщу «неявного», не артикулируемого знания-опыта, он проникнут множественными связями и потому часто оказывается неожиданным в своем составе. Контекст не столько отражается в тексте, сколько «разыгрывается», и смысл текстового явления не определяется изнутри, однако и не детерминируется извне, не исчерпывается предполагаемым замыслом автора-адресанта и не сводится к совокупности уже предложенных прочтений. Текст можно использовать как инструмент понимания контекста, и наоборот, выстраивая в познавательных целях самые разные их «конstellации». Наконец, не только можно, но и нужно задавать далекой культуре вопросы, которые она никогда не сформировала бы сама и таким образом находить новые ракурсы для рассмотрения культуры собственной.

С самого начала анализ речи как деятельности предполагал двойственную направленность: на динамику смыслообразования, которая обнаруживает себя в структурах речи, и на обусловленность речи ситуациями общения. В прагматической оптике речь предстает чем-то вроде высокочувствительной мембраны, проводящей импульсы изнутри индивидуальной психики в социальное про-

странство, но также и в противоположном направлении, — что дает возможность аналитику удерживать в едином фокусе когнитивный, социокультурный и языковой факторы. В русле этой методологии формируются сложные междисциплинарные альянсы и уже благодаря этим альянсам происходят инновационные прорывы — даже в очень традиционных областях знания, таких, например, как история идей¹.

Что до науки о литературе, то в процессе, описанном ранее, она участвовала парадоксальным образом. Теория литературы была едва ли не главным двигателем сначала структуралистской, а потом и постструктуралистской мысли. Именно взаимодействию с литературной теорией новейшие направления социогуманитарной мысли во многом обязаны сосредоточенностью на субъекте, чуткостью к дискурсу (коммуникативно-речевой природе социальных и когнитивных процессов), навыками работы с виртуальным и экспрессивным измерением опыта (воображением и «воображаемым», нарративом, образностью, фигуративностью, перформативным потенциалом речи). Однако само литературоведение после того, как в нем к 1980-м годам иссякла энергия теоретического «бума», пришло в некоторую растерянность: пространство, где прежде располагался его общепонятный предмет, а именно «литература», оказалось отнюдь не пустым, но крайне неопределенным, лишилось «законного» наполнения и четкого контура. Теперь уже филологи принялись «оглядываться по сторонам», проявляя интерес к соседним дисциплинам, обогатившимся за счет недавних приобретений.

Рассмотрим этот процесс на примере отношений науки о литературе с социальной наукой. Перемену, произошедшую за последние

---

¹ Восприняв прагматическую «прививку» в виде идеи речевого перформатива, интеллектуальная история смогла генерировать новые возможности развития — тому примером так называемая Кембриджская школа. Историков этого направления занимает не так содержание идей, излагаемых в научных или политических текстах, как реализуемая в них иллюкативная сила, т.е. природа косвенно осуществляемых действий. Действия эти подразумевают наличие у пишущих субъективных интенций (не обязательно их осознание), но они же подхватываются читающими и нередко трансформируются, — исследователь имеет дело с процессом взаимодействия, вариативным, всегда незавершенным, по определению незавершимым. Кропотливый анализ языковых и образных микропорядков при этом не исключает, как могло бы показаться, а подразумевает внимание к макропорядкам социальной и культурной жизни. Мысль-высказывание перестает восприниматься как тождественная себе, — она наблюдается в движении между контекстами и субъектными позициями и представляет интерес именно в динамике уже совершившихся с ней и еще возможных метаморфоз. Историк изучает не ряд памятников мысли, вписанных в стабильные контексты эпох, культур и индивидуальных биографий, — но открывает свой предмет с новой стороны: как разноречивый, динамичный мир контактов и связей, «в котором один человек высказывается, а другой отвечает ему, и позиция другого не совпадает с позицией первого» [Кембриджская школа, 2018: 86].

десятилетия, некоторые ученые характеризуют как «литературный», или «поэтический поворот» [Imaginative Methodologies in the Social Sciences, 2014: 7]. В фокусе внимания обществоведов расположилось не «общество» (society) как система относительно объективная, внутренне упорядоченная и независимая от индивида, а «социальное» или «социальность» (sociality). Этим термином описывается совокупность дискурсивных практик, навыков, событий, в которых проявляется человеческая способность к выстраиванию коммуникативных связей. Поскольку «человеческая социальность в значительной степени является и всегда являлась виртуальной» [Sociality, 2012: 38], ей присущи воображаемость, в каком-то смысле «литературность». Общественная жизнь предстает как практика, параллельная литературной и понимаемая (возможно, даже наилучшим образом) через литературную. Между внутренними формами художественного текста и внешними формами-порядками, социальными, политическими, экономическими и др., предполагается не причинная, а более сложная и тонкая коррелятивная связь, и исследовать ее можно по-разному — как средствами литературной эстетики, так и средствами обществоведения.

Не менее продуктивный обмен стал возможен между литературоведением и когнитивистикой в той мере, в какой последняя все упорнее поднимала вопросы о взаимосвязи сознания с телесностью, мысли с бессознательным, знания с воображением. Механизмы смыслопорождения, как и механизмы социальности, рассматриваются в «расширении» (extended cognition, extended sociality) с учетом неперемногого участия чувств, аффектов, телесно-образных схем. «Расширенную» трактовку получает и категория формы: это отнюдь не «контейнер», вмещающий некоторое содержание, скорее — совокупность латентных действий («аффордансов»²), возможностей или способов «использования» текста, т.е. форма по определению динамична. «Рассеяние», трансформируемость форм и значений, которые в ранней теории интертекста трактовались как особые или пограничные состояния, теперь признаются условием его функционирования в культуре.

Из сказанного вытекает и необходимость пересмотра подходов к эстетическому. Предмет эстетики — не «законы красоты», не свойства образцово-прекрасных объектов, т.е. произведений искусства, — он опять-таки оказывается шире. Фактически, речь идет о рефлексии чувственного познания (именно так А. Баумгартен изначально определял новую науку в XVIII в.) в его многомерности и многофункциональности. С учетом взаимосвязи телесно-эмоционального и

---

² Термин, введенный психологом Джеймсом Дж. Гибсоном, сегодня все шире используемый за пределами психологии.

понятийного, — а ее принимают сегодня в качестве базовой посылки и гуманитарии, и естественники, — эстетика предстает средоточием смыслообразования, «сердцевиной нашей способности к осмысленному переживанию» [Johnson, 1987: 23]. Такое представление отвечает духу прагматической традиции, настаивавшей на том, что эстетический опыт не только неотделим от опыта социального, но и может считаться наиболее полным выражением жизненного опыта как такового³.

Радикальное расширение сферы эстетического не лишено рисков, хотя и выглядит оправданным в свете тотальной эстетизации сегодняшней жизни. То же можно сказать о распространении прагматических подходов к изучению литературы. Они чреваты размыванием дисциплинарных границ, уходом от традиционного текстоцентризма и от базовой (исторически) аксиоматики, постулирующей идею эстетической автономии литературы. Новейшие работы, трактующие литературный материал, часто не опознаются как «чисто литературоведческие» хотя бы потому, что озабочены не «сущностями» литературных форм и даже не их историческими вариантами, а скорее условиями их функционирования в культурной истории. Меняется стилистика научного письма: в нем преобладают гипотетичность и эссеизм, нередко — в сочетании с терминологической усложненностью (этот эффект происходит из активного терминотворчества при отсутствии у большинства новых терминов однозначных определений). Меняется, наконец, и самый уклад научной жизни, что также вызывает неоднозначные реакции. «Структуралистский императив научной точности уступил место лихорадочной смене недолговечных исследовательских программ — ярмарке методов, — констатирует российский исследователь западной академической культуры, — такая ускоренная трансформация свойственна скорее литературным, чем научным школам» [Зенкин, 2018: 337].

Считать ли наблюдаемую тенденцию кризисной и, если да, считать ли кризис губительным для науки или открывающим в ней новые перспективы? Отличить обретение от потери, наблюдая процесс «лицом к лицу», нелегко. Но альтернативой работе на рискованных рубежах становления нового является оукливание в пределах традиционно понимаемых задач. Эта «антистратегия» может дать временное ощущение уюта ценой утраты момента движения, а потому не обеспечивает ни преемственности научного развития, ни сохранения классического наследия, — целей, которыми пытается себя оправдать.

---

³ Дж. Дьюи определял эстетический опыт как «опыт, освобожденный от сил, которые препятствуют его развитию или искажают его, то есть подчиняют его чему-то внешнему» [Dewey, 1987: 278].

Необходимость медиологии

Литература в ее современном виде — дитя печати: мы привыкли к тому, что литературное произведение приходит к нам в форме печатной публикации. Это обстоятельство кажется разумеющимся само собой: знаком успешного внедрения медиума в жизнь всегда является то, что люди «забывают» о его технологической специфике, сосредоточиваясь на передаваемом «контенте», — медиум становится невидим. Но при столкновении с новыми медийными протоколами «старые» вновь обретают осязаемость. Мы осознаем, в частности, что материальные характеристики книги *одновременно также* и семиотичны, выразительны, поэтому книгу медиолог изучает не как «вещь», а как материальное событие или цепочку событий, как момент во времени (или точку в пространстве), где осуществляется особым образом устроенный коммуникативный обмен [McGunn, 1991: 21].

«Невидимость» медиума, собственно, и делает возможной фиксацию на имманентных свойствах текста, как бы оторванного от материального субстрата, соответственно, и от практик его производства, восприятия / потребления, попутных трансформаций. Связь литературного процесса и технологической стороны производства текстов нельзя считать открытием недавнего времени, она всегда осознавалась в областях филологии, которые имели дело с ненадежностью материальных носителей, например с изучением древних текстов и устной словесности. Сегодня, однако, вопрос о формах и протоколах передачи текстов остро стоит во всех литературоведческих дисциплинах. Уже исчерпавший себя спор о каноне уступил место более актуальной дискуссии: о составе и соотношении «неписанных» культурных установок, которые регулируют чтение, просмотр, слушание, т.е., фактически, о правилах участия в медийных практиках, о подразумеваемых ими ценностных ориентациях. Литературный процесс, понимаемый как производственная цепочка, имеющая множество акторов, до сих пор служит тем лекалом, по которому организованы процессы производства в других медийных полях, — но ни одно лекало, разумеется, не вечно. Навык работы с деятельностной природой литературного текста, включающей одновременно и эстетический, и технологический компоненты, выводит к пониманию важных культурных процессов, в которых литература участвует и как вид творческой деятельности, и как институт.

Расширение поля медийных возможностей рождает или обостряет проблему адаптации — в ситуациях, когда сходные эстетические установки, сюжетные построения и поэтики возникают на разных технологических субстратах. Литература послужила источником большей части выразительной и сюжетной палитры кинематографа, радио и

телевидения, но и сама испытала воздействие со стороны более новых медиа. С появлением Интернета вторжение новых технологий в литературные вотчины стало особенно очевидно. В Интернете мы сталкиваемся с взрывоподобным распространением текстовой продукции, которая оказывается в одной «упаковке» с визуальными и аудиальными сообщениями, — небывалая плотность их контакта требует осмысления, новых подходов и языков описания. Во всех этих случаях важно понимать медиа не только как технологии переработки, хранения и передачи информации, но и как подразумеваемые ими локусы / контексты всякий раз специфического смыслопроизводства. В той мере, в какой структуры коммуникации «воплощены социально» [Gitelman, 2006: 7], они объемлют, помимо технологий, разного уровня правила, нормы, установки, привычки и т.д. — опыт человеческого взаимодействия в самом широком спектре.

В силу исторических причин филология имеет «фору» по сравнению с другими дисциплинами, работающими с эстетическими практиками в полях медийного производства: книгопечатание было первой технологией массового воспроизводства информации, а читательские сообщества — первыми широкими сообществами потребителей художественной продукции. С XVI по XIX в. функцию донесения информации до широкой аудитории монополично выполняло печатное слово, но с тех пор положение изменилось. Новые медиа создают почву для формирования разнообразных сообществ, и публика все активнее вторгается в эстетическое поле, не ограничиваясь пассивностью потребления. В интересах грамотной историзации этих процессов особенно важно расширить границы компетенций литературоведа, сократив разрыв между установками, порожденными «программным» сосредоточением на материале прошлого, и логиками, задаваемыми современными коммуникативными технологиями.

Взаимоотчуждение медийных и литературных исследований преодолимо лишь при условии взаимной заинтересованности сторон. С обеих же сторон по этой части есть проблемы. Так, для современной медиологии характерна фокусировка на новейших коммуникативных практиках в ущерб старым и (слишком быстро!) «устаревающим», что нередко оборачивается узким пониманием медиа и узким пониманием исторического материала, содержащего неисчерпаемую массу смысловых возможностей. «Новые», на глазах возникающие эстетико-коммуникативные практики требуют не только эмпирического описания, но и осмысления, концептуализации, теоретизации, а это возможно не иначе, как путем построения широких гипотез и масштабных сравнений. Только так можно избежать плоского, буквалистичного, сосредоточенного исключительно на «сейчас» описания современного опыта. Другая возможная ловушка — технократический крен медийных исследований:

склонность сводить богатство коммуникации к обмену сигналами, игнорируя «собственно человеческие» измерения. В гуманитарном исследовании, как уже было сказано, более уместна и продуктивна «расширенная» трактовка природы медиа.

Наука о литературе не обязана быть наукой только о прошлом, хотя поиск ключей к актуальности и способность прогнозировать будущее, разумеется, не даются легко. Эти усилия могут быть успешны в меру расположенности литературоведов освоить исключительно ценное в современных условиях умение — раскрывать связи между материально-технологическим, антропологическим, когнитивным, социальным и эстетическим измерениями культурного текстового продукта. При этом есть масса оснований считать ключевым именно эстетическое измерение, поскольку оно глубже и плотнее всего связано с чуткой и драгоценной материей человеческого опыта.

Вызов профессии

В меняющемся ансамбле гуманитарных и социальных наук филологию едва ли стоит представлять «островком стабильности». Она тоже подвержена историческим изменениям: специализации «литературовед» (историк, теоретик литературы) не существовало 200 лет назад, и за это время ее наполнение не раз менялось. Филологи при этом не раз демонстрировали смелость выйти за пределы уже сложившихся дисциплинарных границ и предметных полей. Так, первопроходцами медийной теории в XX в. выступали именно историки литературы и культуры — достаточно назвать В. Беньямина, М. Маклюэна, У. Онга, Р. Уильямса или из числа наших соотечественников — В. Шкловского, Ю. Тынянова, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, В. Иванова, Ю. Цивьяна и др.

Современная нам тенденция применения филологического инструментария при анализе художественной продукции, реализованной в иных медийных техниках, выглядит еще выразительнее. Так, если мы обратимся к самому большому реестру диссертаций, выполняемых и защищаемых в мире, и посмотрим на диссертации по кино, то обнаружится следующее. За последние 10 лет по этой тематике защищено 2881 диссертаций (из них 1130 — в Великобритании, 1020 — в США, 436 — в Германии и 289 — в Китае). Дисциплины, в рамках которых выполнялись диссертации, категоризированы самими авторами следующим образом: «киноведение» — 966; «литература» — 390; «этнокультурные исследования» — 385; «теория коммуникации и массовая коммуникация» — 365; «лингвистика» — 10⁴. «Чистых»

---

⁴ Авторы благодарны профессору Д.О. Немец-Игнашевой за предоставленные данные. Подсчеты произведены по материалам ProQuest Dissertations & Theses Global. Это собрание содержит ссылки на пять миллионов диссертаций, выполненных и выполняемых в университетах ста стран мира, оно ежегодно пополняется.

киноведов, как выясняется, меньше, чем тех молодых ученых, чей интерес к кино реализуется в областях, связанных с литературной и этнокультурной коммуникацией. О чем это свидетельствует? О том, что киноведение — дитя филологических штудий? О том, что дисциплинарная «приписка» к филологии престижна? Или о том, что динамика роста на границах дисциплин существенно выше, чем внутридисциплинарная динамика? Все три ответа убедительны, каждый по-своему.

В любом случае, перед нами — еще одно свидетельство того, как наука отвечает на формируемый обществом запрос, заглядывая при этом вперед, разведывая еще неизвестные области, но и призывая на помощь хорошо фундированные дисциплинарные коды. Ролан Барт говорил, что для осуществления междисциплинарного исследования недостаточно выбрать предмет или тему и собрать вокруг них две или три области знания — в идеале нужно создать новый объект. На ту же ситуацию можно посмотреть и иначе: междисциплинарность предполагает *дисциплинарный* и *дисциплинированный* труд по созданию нового объекта, который потенциально принадлежит всем, открыт «общему пользованию», — и не в смысле хайдеггеррианской «заброшенности», а в смысле внимания со стороны существующих и вновь возникающих научных школ, их расположенности к сотрудничеству.

Определения литературы, единого для всех культур и времен, дать невозможно. А на вопрос, что такое литература *для нас сегодня*, можно ответить так: это феномен, способный замкнуть в очередной раз порвавшуюся «цепь времен». Мы переживаем нечто подобное «читательской революции» (*Leserrevolution*), имевшей место во второй половине XVIII в., — и тогда и сейчас речь идет о масштабном преобразовании культуры восприятия, но уже не только письменнопечатного текста, — в фокусе внимания исследователей текст вызывающе многопрофильный. Не исключено, что через 30–40 лет понятие «литература» изменится, как оно изменилось 200 с лишним лет назад, но не сузится, не «уточнится», как тогда, а опять-таки расширится. Пребывая в предвосхищении, отчасти опасливом, этой перемены, литературоведение экспериментирует с разными методологиями, в частности проникается новым интересом к количественным исследованиям. Мы слышим, что не теория нас «спасет», а вооруженный новейшими технологиями эмпиризм, работа с большими данными, которые сами подскажут, что же такое литература и чем она может стать, — родят, возможно, новое ее определение. Этот «теоретический нигилизм» — лишь временное, надо думать, состояние. Критерии профессионального соответствия, которые задает переживаемая нами ситуация, включают гибкость, подвижность, широту кругозора как культурного, так и медийного. Плюс

к тому: умение работать с исторически опробованными моделями, применяя их к новому материалу, и ставить новейшие практики в связь с «заслуженными» — для лучшего понимания тех и других.

Список литературы

1. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.
2. *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории.* М., 2018.
3. *Зенкин С.Н.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М., 2018.
4. *Dewey J.* Art as Experience. Carbondale, 1987.
5. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, 1987.
6. *Paz O.* A Literature of Convergences // *Convergences. Essays on Art and Literature.* San Diego, 1987.
7. *Gitelman L.* Always Already New Media, History, and the Data of Culture. Cambridge, Massachusetts, 2006.
8. *Imaginative Methodologies in the Social Sciences: Creativity, Poetics and Rhetoric in Social Research / Eds. M.Y. Jacobsen, M.S. Drake et al. L.; N.Y., 2014.*
9. *McGunn J.* The Textual Condition. Princeton: New Jersey, 1991.
10. *The Problem of Context / Ed. R. Dillely. N.Y.; Oxford, 1999.*
11. *Sociality: New Directions / Eds. N.J. Long, H.L. Moore. Oxford, 2012.*

Tatiana Venediktova, Andrey Logutov

PRAGMATICS AND MEDIOLGY OF A LITERARY TEXT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The present article attempts to demonstrate how pragmatics and media studies contribute to and benefit from literary studies. Given that the printed word was the first technology to allow large-scale mediated communication, modern media such as the Internet, film, photography, etc., may be approached using techniques originally developed for the study of literature. This practice already occurs within that 'poetic turn' whereby literary scholars focus on sociality, communitarian practice, and fictionality as products of interactions among a plurality of actors and discourses, texts and contexts, communities and ideologies. Such practices, however, have demanded that literary scholarship be reinvented and reshaped by pragmatics and mediology, disengaging from its current focus on a specific mode of cultural production (namely, text) and entering a broader landscape of technological forms. Within this landscape a new object of study

may be constructed and construed, in turn facilitating what Sergei Zenkin has called a 'trade-fair of approaches' and balancing the rigorism of traditional literary histories with the sometimes unwarranted excitement surrounding the advent of new technologies.

Key words: literature; media; media studies; mediology; pragmatics; methodology; philology.

About the authors: *Tatiana Venediktova* — Prof. Dr., Chair of the Discourse and Communication Studies Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvenediktova@mail.ru); *Andrey Logutov* — PhD, Associate Professor at the Discourse and Communication Studies Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: logutow@mail.ru).

References

1. *Bachmann-Medick D. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukax o kul'ture.* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture] M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. (In Russ.)
2. *Kembrizhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii.* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History] M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. (In Russ.)
3. *Zenkin S. Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty.* [Literary Theory: Problems and Results] M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russ.)
4. *Dewey J. Art as Experience.* Carbondale: Southern Illinois Press, 1987.
5. *Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason.* Chicago: University of Chicago Press, 1987.
6. *Paz O. A Literature of Convergences. Convergences. Essays on Art and Literature.* San Diego: Harcourt, 1987.
7. *Gitelman L. Always Already New Media, History, and the Data of Culture.* Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006.
8. *Imaginative Methodologies in the Social Sciences: Creativity, Poetics and Rhetoric in Social Research.* Eds. M.Y. Jacobsen, M.S. Drake et al. L.; N.Y.: Routledge, 2014.
9. *McGunn J. The Textual Condition.* Princeton: New Jersey: Princeton University Press, 1991.
10. *The Problem of Context.* Ed. R. Dille. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 1999.
11. *Sociality: New Directions.* Eds. N.J. Long, H.L. Moore. Oxford: Berghahn Books, 2012.

О.С. Октябрьская

АРТЕКОВСКИЙ ФЕНОМЕН В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье исследована органичная разновидность крымского текста русской детской литературы — артековский феномен. Это явление проанализировано на примере произведений А. Гайдара «Военная тайна», Е. Ильиной «Четвертая высота», М. Ефетова «Письмо на панцире». Рассмотрена полижанровая природа данных текстов, своеобразие их пространственно-временных характеристик, реалистическая и мифологическая составляющие их сюжетов. Проанализировано своеобразие детского микрокосмоса, представленного в анализируемых произведениях, своеобразие и маркированность образов главных героев. Исторический контекст и реалистическая составляющая повестей воспроизведены в большей степени через неомифологическую призму. Отмечено обращение писателей как к античным мифам (об Аю-Даге, Адаларах), так и к историко-культурным и историко-литературным, а также создание собственной мифологической основы, актуализация в трех основных повестях артековского текста космогонических мифов, антропогонических, героических и астральных, главной разновидностью которых становится солярный миф. Автор приходит к выводу о наличии в избранных для анализа произведениях значимых элементов топонимического текста, что позволило бы рассуждать об артековском тексте как самостоятельном явлении, но серьезная ограниченность общего числа произведений, способных составить артековский текст, завершенность советского этапа, наличие общих черт артековского текста с крымским и определенная самостоятельность и самобытность артековского начала позволяют говорить об артековском феномене в рамках общего крымского текста.

Ключевые слова: артековский феномен; крымский текст; миф; неомиф; школьная повесть; А. Гайдар; М. Ефетов; Е. Ильина.

Городское мифологическое пространство, представленное в произведениях художественной литературы, всё чаще становится предметом осмысления современных исследователей. Истоком развития этой темы можно назвать работы Л. Долгополова [Долго-

---

Октябрьская Ольга Святославовна — доктор филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: svyatolga@yandex.ru).

полов, 1985], Ю. Лотмана [Лотман, 1984], В. Топорова [Топоров, 2003] и др. Активно изучается московский [Селеменова, 2009; Ли На, 2015], петербургский тексты русской литературы. В последнее время городская составляющая становится все более условным фактором, а на первый план выходит мифологическое начало, которое оригинально сопрягается с конкретной пространственно-временной локализацией и определенными проблематикой и структурой. В связи с этим большой интерес в научном мире вызывают библейский, флорентийский тексты и т.д. Современное литературоведение все чаще обращает взгляд и к крымскому тексту [Люсый, 2003; Курьянов, 2014; Арзамасцева, 2015] русской литературы, который рассматривается в рамках не только взрослой литературы, но и произведений для детей.

Детская литература XX в., обращаясь к крымскому тексту, создает в том числе особую его разновидность, которую можно обозначить как артековский феномен. Такого рода произведения появились достаточно поздно — в конце 1920-х — в 1930-е годы, когда особую популярность получил детский пионерский лагерь «Артек», куда направляли детей Советского Союза и других стран. Артековскую тему затрагивали многие писатели, обращающиеся к этому материалу. За почти столетнее существование главного детского лагеря написано множество книг о нем, начиная со знаменитого очерка З. Соловьева и Ф. Шишмарёва «Лагерь в Артеке» (1926). Целую галерею составили документальные, публицистические, очерковые произведения об этом лагере: «В лагере счастливых» (1938) В. Котова (об орденоносной смене 1936 г.); «На берегу моря» (1929) Д. Лаврова; «Месяц в Артеке» В. Киселева (о смене Нади Рушевой) (1987); «Маленькие испанцы» Е. Кононенко (1937) и т.д. Эту тему поднимают и писатели, обращающиеся к жанру психологической повести о детях и подростках — А. Лиханов «Невинные тайны» (1990), В. Железников «Путешественник с багажом» (1960) и др. Однако особо стоит выделить произведения, которые могут составить так называемый артековский феномен как составную часть крымского текста.

Под «крымским текстом» исследователи понимают «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является ее знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей). Крымский текст формируется в определенный историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма. Он воспринимается обязательно и только с помощью единого интерпретирующего кода,

который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [Курьянов, 2014: 5]. И. Арзамасцева проецирует крымский текст на детскую литературу и относит к нему ряд произведений писателей XX–XXI вв. [Арзамасцева, 2015], отмечая некоторые отличительные особенности, среди которых связь современного реалистического сюжета с античным мифом, утопические мотивы, соединение сентиментальной романтики с трагедийным пафосом. В произведениях «артековского феномена» тоже органично соединяется античная мифология, неомифологизм, жанр каникулярной повести, приключенческая составляющая, психологическая проза и даже элементы житийной литературы. Однако доминирующим фактором, стержнем произведения становится именно пространственно-временная система координат конкретного произведения и связанная с этим мифологическая основа. Местом действия такого рода произведений становится пионерский лагерь «Артек», где в течение одной смены происходят основные события повести. Это детский микрокосм, который, с одной стороны, связан с остальным миром более или менее реалистическими нитями, а с другой — особый мир утопии, игры, мечты, насыщенный дружескими связями, приключениями, расследованиями. Кроме того, реалистический и романтический планы оттенены мифологической составляющей и утопической основой.

Произведений в детской художественной литературе, составляющих артековский феномен, не так много. Мы можем говорить о повестях А. П. Гайдара «Военная тайна» (1934), Е. Ильиной «Четвертая высота» (1945), М. Ефетова «Письмо на панцире» (1976) и некоторых других. Все эти произведения написаны в разные годы и отражают события определенного периода XX в., но каждое последующее произведение органично рефлексировано на реальные события, ставшие сюжетной основой предшествующих повестей. Все повести так или иначе отражают историю возникновения лагеря, основные вехи его существования. По мере формирования артековского феномена его временной диапазон существенно расширяется. В повести Гайдара начальной точкой отсчета исторического времени становится период революции и Гражданской войны, спроецированный на современную писателю действительность. Е. Ильина расширяет время действия своего произведения — периоды, существенно отстающие от времени основного действия повести (1930-е годы) и переносящие читателя как в прошлое, так и в будущее — недавнее прошлое обитателей лагеря, воспоминание о первых шагах «Артека», а также о годах Великой Отечественной войны, связавших бывших

товарищей по отряду — Гулю Королеву, Барасби Хамгокова и др., и послевоенное время, сохранившее память о погибших героях войны, когда-то отдыхавших в знаменитом лагере. Наибольший временной диапазон можно увидеть в повести «Письмо на панцире». Автор завязывает современный ему сюжет — поездка в крымский лагерь Виты Яшковой — на тему памяти о Великой Отечественной войне, о первых палатках «Артека» и даже о дореволюционном периоде этой уникальной части Крыма, а также об античных временах, когда складываются основные мифы Крымского полуострова. Такое расширение временного диапазона дает писателям возможность глубоко и всесторонне осмыслить артековскую тему и сделать шаг по пути создания именно артековского феномена.

Ядром повествования во всех произведениях становится сюжет о лагерной смене героев, попавших в «Артек» за особые заслуги (Гуля Королёва, Вита Яшкова и др.) или благодаря особым обстоятельствам (Алька Ганин). Реалистичность повествования, проявляющаяся в деталях, поступках героев, их портретах, в воспроизведении отдельных эпизодов и мизансцен, во многом условна — писатели создают общую особую атмосферу счастья и веселого и насыщенного важными событиями детского отдыха в лучшем лагере страны. В такого рода повествовании сильна доля утопичности, на что обращает внимание И. Арзамасцева [Арзамасцева, 2015]. Однако и реалистическая составляющая присутствует весьма активно. Жизнь ребят в «Артеке», их взаимоотношения с вожатыми и товарищами, воспоминания о долагерной жизни вписывают произведения всех трех авторов в жанр каникулярной повести. В повестях Ильиной и Ефетова акцент сделан на главном герое, который становится центром повествования. Гайдару интересны разные характеры, поэтому он тщательно выписывает образы Альки Ганина, Натки Шегаловой, Владика Дашевского и некоторых других. Во всех трех повестях реалистический аспект темы пионерского лагеря представлен определенными составляющими: причины направления в «Артек», приезд героя / героев в лагерь, его / их адаптация в новом коллективе, особенности жизни и распорядок дня, игры и приключения героев, как правило, таинственные происшествия и непростое возвращение домой или гибель, как в случае с Алькой. На фоне бытовых подробностей (обливание водой, игра в волейбол, подготовка к костру и т.д.), изображения установления дружеских отношений между детьми и детьми и вожатыми остро воспринята приключенческая составляющая — неизменный атрибут детских и подростковых игр. Герои ищут черепаху-почтальона, пытаются узнать тайну старого замка, исследуют окрестности лагеря и т.д.

Однако писатели и эти сцены изображают с известной долей романтики и утопии, но и относительно реалистично. Все приключения героев оканчиваются нарушением режима — поход к морю Владика и Альки, побег ночью Гули, ее прогулки на коне во время тихого часа и т.д., — выговором на общей линейке, наказанием или прощением вожатыми конкретного проступка и т.д. Это все укладывается не только в жанр каникулярной повести, но и содержит элементы романа воспитания и приключенческой повести.

Однако повести Гайдара, Ильиной, Ефетова отличает и особый антураж — крымский пейзаж, особый микроклимат Артека, обстановка в отрядах и т.д. создают неповторимую и уникальную атмосферу: «В Артеке почти всегда солнечно, тепло, а море очень редко штормит. Бури здесь бывают как исключение. Лесистые горы защищают Артек от ветров. Горы как бы заключили этот уголок Крыма в свои объятия» [Ефетов, 1976: 36]. Пространство основного действия повестей, составляющих артековский феномен, достаточно широко, но четко ограничено. Прежде всего это территория лагеря и примыкающие к ней локусы. Герои посещают крымские достопримечательности: Алупкинский дворец, Никитский ботанический сад, Гурзуф, Севастополь; оказываются волею обстоятельств в ялтинской больнице, Симферополе, Ай-Су, доме отдыха ЦИК и Совнаркома и т.д. Упоминание о других городах Советского Союза — Москве, Новгороде, Ленинграде, Мурманске и др., — республиках и даже странах (родных местах артековских пионеров) существенно расширяет художественное пространство каждой из повестей. Однако основное место и время действия — именно Артек и конкретная лагерная смена.

Кроме того, герои повестей — в какой-то мере выделенные персонажи, это лучшие в своем роде: Гуля Королева получает путевку в лагерь за удачно сыгранную роль в фильме, Вита награждена за хорошую учебу и активную работу октябрятской вожатой. Алька — сын двоих героев Гражданской войны, а Натка премирована за активную педагогическую работу. Именно пребывание в Артеке меняет ребят практически до неузнаваемости. Такая маркированность героев позволяет соединить романтико-утопическую составляющую с реалистической детализацией. Несмотря на то что место действия — Крым, собственно крымчан в повестях крайне мало — некоторые служащие лагеря, экскурсовод алупкинского дворца и т.д., в основном это именно те, кто приехал отдыхать или кого направили работать в первом лагере страны. Такая локализация — временная, пространственная и образная — создает не просто оригинальный мир повестей, но и позволяет говорить о своеобразном артековском микрокосмосе.

Художественное время, пространство, образная система продиктованы основным содержанием, построением данных произведений и особым семантическим смыслом. Повествование реалистично и мифологично одновременно. Конкретика повестей, реалистичность детализации густо замешаны на исторической и мифологической основе одновременно. Примечательно, что и исторический контекст, и реалистическая составляющая восприняты в большей степени через неомифологическую призму.

В трех анализируемых повестях представлены основные типы мифов, переосмысленные и творчески преображенные, а также соотнесенные с реалиями конкретной эпохи и их утопической реализацией. Писатели не только включают в свои произведения сюжеты древних мифов (о Медведь-горе, Адаларах и т.д.), но и активно используют элементы историко-культурных и историко-литературных мифов, а также весьма активно порождают собственную мифологию. Так, все три автора обращаются к космогоническому мифу и повествуют о создании особого уникального явления под названием Артек. С одной стороны, это творение природы и идеальная локация, а с другой — сам лагерь — дело рук советского «демиурга» Сергея Петровича Соловьева, благодаря усилиям которого создан вначале палаточный, а затем и каменный детский лагерь. По мере движения времени образ Соловьева из романтического все более становится легендарным: изустные рассказы, памятные знаки и овеванная преданиями жизнь Соловьева дают этому серьезную основу. Уникальность местности и особой атмосферы лагеря сопрягается с краткосрочностью пребывания там ребенка, который меняет привычные условия, ежедневные обязанности и обязательства на отдых и развлечения, поэтому и воспринимает свою лагерную действительность как некий идеал. Однако писатели советской эпохи оттеняют «райское наслаждение» героев некими драматическими обстоятельствами,рывающимися извне: от военных учений и болезненной операции до смерти героя.

Своеобразной разновидностью космогонического мифа можно назвать задействованный в повестях антропогонический миф. Практически все три повести демонстрируют появление нового персонажа, наделенного особым типом сознания, что вполне соответствовало идеалам литературы взрослой. Таким образом, писатели вплотную подходят к неомифу о рождении нового человека в новых условиях. В связи с этим актуализирована символика камня и ее тесная связь с образом нового человека. В артековском тексте это и «каменное» спокойствие Сергея Ганина, Шегалова-старшего, и Мальчиша Кибальчиша, могила и памятник Альки, и памятная

плита с именами героев Отечественной войны, бывших артековцев, и камень-скала, в которую превращается матрос Соловьев. В этом плане антропогонический миф смыкается с мифом героическим и рождает героя нового времени, показывая его своеобразность и социальную ангажированность с раннего возраста (Алька Ганин, Соловьев, Вита Яшкова, Гуля Королева и др.). Особый климат Артека, жаркое солнце и теплое море дают возможность реализовать в анализируемых произведениях солярный миф, который переосмысливается на уровне образной системы, характерного антуража, проблематики повестей и конкретной детализации.

Таким образом, можно говорить о наличии в избранных для анализа произведениях значимых элементов топонимического текста, но учитывая ограниченность общего числа произведений, посвященных артековской теме, завершенность советского этапа, наличие общих черт артековского текста с крымским, но определенная самостоятельность и самобытность артековского начала, можно говорить об артековском феномене в рамках общего крымского текста.

Список литературы

1. *Арзамасцева И.Н.* «Крымский текст» детской литературы: история и современность // Литература в школе. 2015. № 6. С. 4–7.
2. *Гайдар А.П.* Военная тайна. М., 1935.
3. *Долгополов Л.* Миф о Петербурге и его преобразование в начале века // Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л., 1985.
4. *Ефетов М.* Письмо на панцире. М., 1976.
5. *Ильина Е.* Четвертая высота. М., 1946.
6. *Курьянов С.О.* Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) // Учен. зап. Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27 (66). № 2. С. 171–176.
7. *Ли На.* Миф о Москве в «Московской трилогии» М.А. Булгакова: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
8. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам, 18. Тарту, 1984.
9. *Люсий А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003.
10. *Селеменова М.В.* Московский текст в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
11. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

THE ARTEK PHENOMENON IN 20th CENTURY
RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

Drawing on A. Gaidar's novel 'The Military Secret' (*Voyennaya Taina*), E. Ilina's 'A Fourth Height' (*Chetvertaya Vysota*), and M. Efetov's 'The Inscription on the Tortoise Shell' (*Pismo Na Pantsire*), the article explores the Artek phenomenon, the organic variety of the Crimean text in Russian children's literature. It analyzes the polygenic nature of these texts, the originality of their spatial and temporal characteristics, the realistic and mythological components of their plots, the originality of the child's microcosm, specifics and markedness of the images of the main heroes. The historical context and realism of the narratives are greatly introduced through a neo-mythological prism. The article discusses how the writers employ ancient, historical cultural and historical literary myths in their works, and how they establish their own mythological basis. The Artek text is deemed a phenomenon as there are meaningful analytical elements of the toponymic text in it. However, to be more precise, the Artek phenomenon should be considered within a broader framework of the Crimean text as the works constituting the Artek text are limited in number, the Soviet period which had a direct bearing on the contents of the books is over, and the Artek all-year-round children's camp being a unique place and experience should be discussed as something out of this world altogether.

Key words: Artek phenomenon; Crimean text; myth; neomyth; the novel about school; A. Gaidar; E. Ilina; M. Efetov.

About the author: *Olga Oktyabrskaya* — Prof. Dr., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: svyatolga@yandex.ru).

References

1. Arzamasceva I.N. «Krymskij tekst» detskoj literatury: istoriya i sovremenost'. *Literatura v shkole*. 2015. № 6. S. 4–7.
2. Gajdar A.P. *Voennaya tajna*. M., 1935.
3. Dolgopolov L. Mif o Peterburge i ego preobrazovanie v nachale veka. Dolgopolov L. *Na rubezhe vekov. O russkoj literature konca XIX — nachala XX veka*. L., 1985.
4. Efetov M. *Pis'mo na pancire*. M., 1976.
5. Il'ina E. *Chetvertaya vysota*. M., 1946.
6. Kur'yanov S.O. Neskol'ko slov o Krymskom tekste (Razgranichenie ponyatij Krymskij motiv, obraz Kryma i Krymskaya tema). *Uchen. zap. Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye kommunikacii»*. 2014. T. 27 (66). № 2, pp. 171–176.

7. Li Na. *Mif o Moskve v «Moskovskoj trilogii» M.A. Bulgakova*: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2015.
8. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. *Trudy po znakovym sistemam*, 18. Tartu, 1984.
9. Lyusyj A.P. *Krymskij tekst v russkoj literature*. SPb., 2003.
10. Selemeneva M.V. Moskovskij tekst v russkoj literature HKH v. (na materiale hudozhestvennoj prozy 1910–1950-h gg.). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2009. № 2, pp 20–27.
11. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy*. SPb., 2003

Н.Н. Старикова

НАРРАТИВ ПАМЯТИ: «ЛИЧНАЯ» ИСТОРИЯ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВЕНСКОМ РОМАНЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
119991, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В».*

На примере романа М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012), действие которого охватывает семь десятилетий словенской истории XX в., рассматривается актуальная тенденция репрезентации прошлого через воплощение индивидуального переживания реальных событий: в частной судьбе одной словенской семьи отражается хроника целой эпохи. В романе нашли отражение важнейшие этапы жизни Словении: события Второй мировой войны (фашистская оккупация, освободительная борьба и гражданская война), провозглашение социалистической Югославии (1945), ее существование и крах, наконец, появление Республики Словении (1991) и первые десятилетия ее независимого пути. В 2013 г. роман был отмечен премией, присуждаемой литературными критиками Словении, и включен в шорт-лист национальной премии «Кресник» за лучший роман года. Повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и послевоенного социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери, представительницы студенческой молодежи 1960-х годов. Прототипами трех главных действующих лиц послужили родители автора и она сама. Структура повествования связана с вербализацией памяти посредством нарратива. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, Кресе опирается как на лично пережитое, так и на воспоминания отца и матери, которые интерпретирует весьма субъективно, часто делая акцент на этическом звучании поступка в политическом контексте эпохи. Таким образом, принцип достоверности сочетается с субъективным авторским прочтением конкретных эпизодов истории. Автор использует рассказ от первого лица, разворачивающийся в настоящем времени, тем самым снимая временной разрыв между прошлым и сегодняшним днем, существующий в читательском сознании.

Ключевые слова: современный словенский роман; «личная» история; вербализация памяти; повествовательные стратегии.

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, заведующая Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (e-mail: nstarikova@mail.ru).

«Память приводит прошлое в настоящее, однако окрашивает его в свои особые цвета и оттенки» [Хаттон, 2004: 15]

Тенденции переосмысления прошлого — личного и исторического — активно развиваются в современном мире, воплощаясь в самых различных формах. В «эпоху всемирного торжества памяти мир затопила нахлынувшая волна вспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью» [Нора, 2005: электронный ресурс]. В этом возвращении к прошлому реализуется потребность человека сохранить тождественность самому себе, поскольку «не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о причинности, а, следовательно, и о той цепи причин и действий, из которых состоит наше я, или наша личность» [Юмм, 1965: 407]. Согласно концепции П. Рикера, одним из способов функционирования этого механизма является «нарративная идентичность», «сохранение преемственности самосознания посредством “рассказывания историй”» [Спиридонов, 2010: 154], при этом рассказчик не просто передает события прошлого, а наделяет их смыслом и самоопределяется. Не этим ли обусловлено обращение многих современных европейских прозаиков к воплощению личного переживания реальных событий, в том числе эпизодов новейшей истории? Современная словенская проза здесь не исключение — повествовательные стратегии, связанные с нарративом памяти, используют в своих произведениях писатели разных поколений: от Г. Войновича (род. 1980) — романы «Югославия, моя страна» (2011), «Инжир» (2016) до М. Кошуты (род. 1936) — мемуары «Моряк на козе» (2015). Важное место в этом ряду занимает книга М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012), посвященная судьбе партизанского поколения и одна из лучших на эту тему, вышедших в Словении в последнее время.

Маруша Кресе (1947–2013), литератор, журналистка, общественный деятель, получила признание в Европе за свою гуманитарную миротворческую деятельность и борьбу за права человека в период военного конфликта в Югославии 1991–1995 гг. (награждена Почетным знаком Президента ФРГ «За заслуги», 1996). Она родилась в Любляне в семье героев национально-освободительной борьбы Франца Кресе-Чобана (1919–1980) и Людмилы Кресе (1922–1999), изучала историю искусств, сравнительное литературоведение и психодинамическую терапию в Словении, США, Великобритании,

Нидерландах, пробовала себя в качестве психотерапевта. С 1990 г. Кресе жила и работала в Берлине, Граце, Тюбингене, как независимый журналист писала для немецких и австрийских журналов, газет и радиостанций. В 2012 г. вернулась в Словению.

На родине читатель впервые познакомился с прозой Кресе в 2006 г., когда крупное издательство “Mladinska knjiga” опубликовало сборник ее автобиографических рассказов «Все мои Рождественские праздники», в том же году удостоенный престижной премии «Фабула» за малую прозу. Книга, проблематика которой связана с осмыслением роли женщины в современном мире, имела в Словении резонанс благодаря стилистическому изяществу нарратива, удачному соединению в нем юмора и «серьеза», снижающему ложный пафос и безапелляционность воинствующего феминизма. Более трагическая интонация присуща сюжетам следующего сборника рассказов, «Все мои войны» (2009), где писательница сквозь призму личного восприятия конкретных событий, начиная с войны во Вьетнаме и заканчивая осадой Сараево, рассуждает о своем времени как об эпохе постоянных вооруженных конфликтов. Военная тема становится центральной в романе «Страшно ли мне?», его действие охватывает более семи десятилетий, с 1941 по 2012 г., по сути, все важнейшие этапы словенской истории второй половины XX в., среди которых фашистская оккупация, освободительная борьба и гражданская война, создание Югославии, ее существование и крах, появление Республики Словении и первые десятилетия ее независимого пути. Повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и послевоенного социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери, представительницы студенческой молодежи, которая в 1960-е годы под музыку «Битлз» и «Роллинг Стоунз» критиковала общественные институты, выступала с политическими требованиями, искала новые способы самореализации. Все три главных персонажа безымянны, маркированы местоимениями лица «он», «она». Писательница, однако, не скрывала, что прототипами героев послужили ее отец, мать и она сама: «В детстве я наслушалась рассказов о том, кто что пережил во время войны, в каких краях все происходило <...>. Вот почему этот сюжет рассказывают мужчина, женщина и ребенок, рассказывают с достоверными биографическими деталями» [Bevc, 2011: 1557]. В романе разворачивается история любви двух молодых партизан, которая выдерживает испытание голодом, холодом, болью, страхом во время войны, помогает героям выжить в условиях коммунистической диктатуры. В этой, казалось бы, частной судьбе отдельно

взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи, что дает автору возможность затронуть ряд болезненных вопросов, до сих пор «неудобных» для граждан Словении и других возникших на обломках СФРЮ независимых государств: раскол общества во время оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззакония властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных противоречий после 1980 г. и в постюгославский период. Все эти виражи югославской и словенской истории воспроизводятся через монологи героев, в которых они заново проживают случаи из своей прошлой жизни.

Композиционно роман разделен на три части и эпилог, в каждой из частей представлен конкретный отрезок времени: с 1941 по 1952, с 1952 по 1968, с 1968 до середины 1990-х годов, в эпилоге действие происходит в 2012 г. Сюжет вкратце таков: парень и девушка встречаются в партизанском отряде, вскоре он становится командиром, она комиссаром. Со своей бригадой оба проходят тяжелейший путь, хорошо известный военным историкам, но в романе представленный пунктирно: форсирование Колпы, госпиталь в Кочевском Роге¹, переговоры на острове Вис². В одном из боев герой получает тяжелое ранение, чудом остается в живых, но теряет ногу. Военная судьба сводит молодую пару с Й.Б. Тито и другими лидерами партизанского движения: женой Эдварда Карделя³ Пепцей, Матией Мачеком⁴, вошедшим впоследствии в высшие эшелоны новой власти. После войны молодые люди учатся, играют свадьбу, получают от новой власти реквизированную у «контрреволюционных элементов» квартиру, героя выбирают депутатом республиканской скупщины, героиня осваивает специальность художника-реставратора и занимается спасением пострадавших во время войны национальных культурных ценностей. Глава семьи получает правительственные звания и награды, супруги попадают в число «проверенных» кадров социалистической элиты, их регулярно приглашают на правительственные приемы в резиденции Тито. Между тем старшая дочь, поездив автостопом по Европе в

---

¹ Кочевский Рог — гористая местность на юге Словении. С 1942 г. там находился главный штаб словенского партизанского движения и партизанские госпитали.

² Вис — остров в Адриатическом море возле далматинского побережья. В 1944 г. там находилась «пещера Тито», командный пункт, откуда он руководил антифашистским сопротивлением.

³ Кардель Эдвард (1910–1979) — словенский политик и публицист, соратник Й.Б. Тито, идеолог КПЮ, занимал ряд высших должностей в СФРЮ.

⁴ Мачек Матия (1908–1993) — в период национально-освободительной борьбы начальник главного штаба партизанских бригад, занимал должности в силовых структурах и правительстве Республики Словения.

конце 1960-х годов, после неудачного замужества уезжает сначала в Америку, а потом, к ужасу отца, в Германию, которая навсегда останется для него вражеским государством. В 1980 г. пара присутствует на похоронах Тито. Финал третьей части посвящен командировке дочерей героев, ставших журналистками, в воюющую Боснию. В эпилоге многочисленные потомки героической партизанской четы — их дети, внуки и правнуки отправляются в морское путешествие по следам отца главного героя, в 1930-е годы уехавшего на заработки в Южную Америку и пропавшего там без вести.

Структура повествования связана с вербализацией памяти посредством нарратива. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, Кресе опирается как на лично пережитое, так и на воспоминания своих родителей, которые интерпретирует весьма субъективно, часто делая акцент на этическом звучании поступка в историко-политическом контексте эпохи. Принцип достоверности писательница сочетает с правом на субъективное прочтение конкретных страниц истории. Авторским становится и выбор исторических эпизодов, и определение их смысловой нагрузки. При воссоздании атмосферы военного времени и титовской эпохи писательнице не удалось избежать и стереотипов так называемой протезированной памяти (*prosthetic memory* — термин Э. Ландсберг [Landsberg, 2004: 3] — культурной памяти, сформированной благодаря соединению широко доступных и распространяемых средствами массовой информации фактов и мифов (например, восприятие словенцами Триеста, в 1954 г. отошедшего Италии, как этнически «своего», по праву принадлежащего Словении города). Субъективное видение прошлого, а также гендерно-эмоциональная (в зависимости от того, от чьего лица — мужчины или женщины идет рассказ) подача отдельных фактов усложняют положение читателя, далекого от политических реалий описываемой эпохи. Отнюдь не каждому словенскому читателю понятно, о каких обстоятельствах и личностях идет речь. На это, в частности, обращает внимание автор предисловия к роману С. Храстель [Hrastelj, 2012: 193]. Историко-документальная канва описываемых событий такова: Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., в течение нескольких дней территория Словении была оккупирована и разделена между Италией, Венгрией и Германией, которой отошла большая часть словенских земель. В июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа активизировал партизанское движение. Однако лидеры ряда политических партий встали на сторону новых властей. В 1943 г. на занятых Германией территориях для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии Югосла-

вии были организованы находившиеся в подчинении Вермахта добровольческие вооруженные подразделения словенцев, получивших название «домобранцы». Словенское общество раскололось, что повлекло за собой гражданскую войну. Одной из самых трагических страниц начала социалистического этапа национальной истории стала расправа над участниками домобранцами. Находившиеся на довоенной границе с Австрией в районе Блайбурга и Ветриня десятки тысяч военнопленных были в конце мая 1945 г. переданы британцами частям Югославской армии и массово расстреляны без суда. 29 ноября 1945 г. в Белграде была принята декларация о ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии, в которую на правах республики вошла Словения. Первые годы коммунистического правления шли по советскому сценарию, затем многонациональное государство сделало попытку найти свой путь. Сорок с лишним лет, вплоть до провозглашения в 1991 г. независимости, политическое, экономическое и культурное развитие Словении в целом было подчинено общеюгославскому идеологическому курсу с его партийными чистками и сфабрикованными судебными процессами, противостоянием Тито и Сталина (1948 г.⁵), слежкой за гражданами и партийным контролем в сфере образования и культуры, с одной стороны, и подлинным интернационализмом, энтузиазмом созидания и практическим воплощением в жизнь партизанского лозунга «Братство — единство», созданием особого — югославского — культурного пространства — с другой. После распада империи Тито последние иллюзии были разрушены, героические идеалы партизанской борьбы «вышли из моды», попал под общее развенчание тоталитаризма, патриотические приоритеты изменились — настоящими спасителями отечества вдруг оказались те, кто когда-то перешел на сторону захватчиков.

Важные моменты истории репродуцируются в романе через воспроизведение их восприятия очевидцами — так автор вводит в текст значимую для нее историко-культурную проблематику. Братоубийственное противостояние словенских красных и белых периода оккупации выразительно представлено в нескольких небольших сценах первой части романа.

«Вчера взяли в плен несколько наших деревенских. В детстве мы все время болтались вместе. Смотрю, как они перепуганные сидят на

---

⁵ Резолюция Коминформбюро, опиравшаяся на доклад Жданова «О положении в Коммунистической партии Югославии», опубликованная 29 июня 1948 г., привела к открытому разрыву КПЮ с другими коммунистическими партиями, а затем и политической конфронтации Югославии с СССР. Все сторонники Сталина были исключены из КПЮ и подвергнуты репрессиям.

земле и ждут. Ждут. Воплощенное несчастье. Останавливаюсь перед Миланом. Когда-то я была в него чуть-чуть влюблена. Чуть-чуть. Впрочем, может, и нет, не знаю.

“Милан, что на тебя нашло, ты чего прибился к фашистам? За чем? Почему не ушел с нами?”

Милан отводит глаза.

“Мы вместе с дядей и двоюродным братом записались. А дядя еще сказал, чтобы и мой отец, его брат, присоединился к белогвардейцам. Правда-то на их стороне. Да и священник его благословил”» [Кресе, 2017: 17]. В этом эпизоде есть существенная для понимания менталитета словенского крестьянина подробность — роль в его жизни католических священников, большинство которых поддерживало словенских домобранцев⁶. Использование католической церкви в качестве рычага давления на население являлось одной из особенностей оккупационной системы в Оперативной зоне Адриатического побережья⁷.

Тема Блайбургской бойни — массового уничтожения бойцами ЮА пленных домобранцев и участников других воинских соединений, воевавших на стороне Вермахта, поднимается в романе опосредованно, упоминаются лишь действия англичан, которые «отправили спасавшихся бегством белогвардейцев и усташей назад в Югославию» [Кресе, 2017: 70]. А вот событиям 1948 г. и их последствиям уделено пристальное внимание. Кресе воспроизводит эти страницы истории, опираясь на свидетельства отца и матери, членов КПЮ, которые в момент «лобового столкновения» Москвы и Белграда оказались к этой пропагандистской войне абсолютно не готовы. Нарочитый гротеск эпизода с партсобранием (трудовой коллектив журнала «Младина» должен публично откреститься от сталинского курса, на верность которому еще вчера присягал) подчеркивает зловещую абсурдность происходящего:

«В дверях меня подстерегает Цирил. Грубо притягивает к себе и шепчет:

“Ты не за Сталина. Ты — против. Он наш враг”.

Тупо на него смотрю.

“Разве Сталин? Ты ошибаешься. Еще сегодня утром он был нашим другом”, — шарахаюсь от него в смятении.

---

⁶ Одним из идеологов Словенской домобранской лиги был люблянский епископ Г. Рожман.

⁷ Оперативная зона Адриатического побережья (нем. Operationszone Adriatisches Küstenland, OZAK), итал. Zona di Operazioni Litorale Adriatico) — район оккупации нацистской Германии на Адриатическом побережье на территории современных Италии, Словении и Хорватии в период Второй мировой войны.

“Ты против Сталина. Думаешь, что будешь говорить”.

“Ты имеешь в виду англичан?”

“Нет, русских. Англичане все еще союзники. Теперь еще больше. И американцы. Запомни. Друзья”.

“Господи, помоги”, — думаю я.

Сидим за круглым столом. Цирил и двое других, которых не знаю, задают нам вопросы. Строго по очереди. Как в школе.

“Сталин наш враг”.

“Мы готовы защищать наши границы от Красной Армии. Мы должны. Так, как мы защищали их от Гитлера <...>”

“Сталин нам не друг”, — повторяю как попугай.

“С нами англичане, американцы. Весь западный мир”.

Про китайцев спрашивать не осмеливаюсь.

На очереди Катя.

“Тито, Сталин! Тито, Сталин!” — выкрикивает она.

Так, как все мы делали еще вчера. Собственно говоря, еще сегодня утром. Катя извлекает на свет божий еще Ленина, и Маркса с Энгельсом. Толкаю ее локтем и шепчу:

“Сталин больше нам не друг”.

Катя не сдается. Я должна что-то сделать. Трогаю ее лоб рукой и быстро встаю.

“У Кати высокая температура. Мне кажется, она бредит. Я отведу ее домой”.

Поднимаю ее со стула, закутываю в свое пальто, прижимаю к себе. Уходя, с гневом смотрю Цирилу прямо в глаза» [там же: 104–105].

Дома супруги начинают лихорадочно избавляться от всего, «что связано с Советским Союзом и напоминает о вчера еще братском народе» [там же: 106]. Среди самого дорогого — медаль «Герой Советского Союза», присланная из Москвы в 1943 г., маленький советский флаг, книги на русском языке: Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Тема 1948 г. продолжит развиваться во второй части романа, здесь к взрослым рассказчикам присоединяется третий — ребенок: «Еще вчера папа и мамин брат разговаривали о каких-то процессах. О врагах народа. О преследовании классовых врагов. Когда они заметили, что я в комнате, то замолчали. Не знаю, почему» [Кресе, 2017: 120]. В начале 1950-х репрессированные начинают возвращаться из лагерей, пытаются жить заново. Беседуя с одним из них, бывший командир партизанского отряда вдруг осознает, что его уверенность в законности титовских судилищ поколеблена, что пострадать во время антисталинской кампании мог любой. Многие из тех, кто попал под каток репрессий, и после освобождения не узнают причины своего ареста и аргументации

приговора. Герои начинают испытывать душевный дискомфорт — радость победы, надежда на лучшую жизнь, успешная самореализация омрачаются чувством страха, смятением, подчас несогласием с тем, что происходит вокруг. Эти внутренние противоречия ярко раскрывает, на первый взгляд, невинный эпизод, связанный с работой VII конгресса СКЮ, состоявшегося в Любляне весной 1958 г. Героиня искренне радуется такому большому событию: «Наконец, мы дождались — в Любляне пройдет съезд коммунистической партии Югославии <...>. Наконец, и мы стали центром мира <...>. Слушаю, слушаю о пути нашей партии, единственно правильном, о том, кто мы, и чего еще достигнем. Говорят о красоте нашей страны и достоинстве нашего народа» [там же: 133]. Вдруг по громкой связи ее просят на выход. Оцепенев от ужаса — в президиуме сидит сам Тито — женщина выходит из зала, краем глаза замечая, как муж, бледнея, поднимается со своего места в почетном первом ряду. Счастливая развязка этой ситуации — все дело в оставшейся дома грудной дочке, которая отказывается от бутылочки и требует маму — только подчеркивает, каким уязвимыми в условиях политической диктатуры могут быть даже те, кто, казалось бы, облечен ее доверием.

Партийная власть стремится поощрять патриотизм граждан, участие в рядах антифашистского сопротивления становится пропуском в мир льгот: всем, «кто был в партизанах, или подполье, или помогал Освободительному фронту, при расчете стажа для пенсии эти годы будут учитываться вдвойне» [там же: 127]. Оказавшись в особой комиссии, занимающейся этим вопросом, героиня сталкивается с потоком людей, стремящихся нажиться на былой трагедии, приписывающих себе чужие заслуги. Номенклатурные блага, спецраспределители, спецпайки привлекают в ряды коммунистов все больше проходимцев, многие из тех, кто, сражаясь за свободу родины, прошел войну «от звонка до звонка», рисковал жизнью, потерял здоровье, оказываются не у дел. Обесценивание идеалов партизанского братства ведет героев к разочарованию в достигнутом; внешне благополучная жизнь не делает их счастливыми. Единственно, чего оба по-настоящему хотят — чтобы у их детей все сложилось. Однако сыновья и дочери героического партизанского поколения на волне вольных 1960-х требуют перемен. В этом конфликте с властью некоторые «отцы», по мнению Кресе, были на стороне бунтующей молодежи. Не случайно о студенческих волнениях 1968 г., прокатившихся по университетским городам СФРЮ, в романе рассказывает не дочь героев, их участница, а ее отец, высокопоставленный функционер, лично знакомый с

главным «охотником» за студенческими головами, шефом госбезопасности республики. Только благодаря вмешательству отца, которого уважает сам Тито, дочь и ее друзей-студентов оставляют в покое. Через двенадцать лет бывший партизан и народный вождем встретятся в последний раз — на гражданской панихиде в здании Скупщины Югославии. Похороны Тито, состоявшиеся 8 мая 1980 г. в Белграде, показаны глазами героини, вместе с мужем получившей персональное приглашение на траурное мероприятие. Для обоих это прощание символизирует конец великой эпохи. «Народные герои, те, кто еще остался, шагали за гробом Тито. Так как он уже почти не может ходить, его усадили на почетную трибуну. Смотрю на решительный шаг героев, несущих награды Тито, смотрю на него, прислушиваюсь к себе. Во мне что-то умирает, что-то, как мне казалось, давно умершее <...>. Решимость, борьба за лучшую жизнь, воодушевление, которое не позволяло нам сдаваться, наше товарищество <...>. Маленькая надежда. Теперь она умирает. Герои. Он. Я. Это их лебединая песня? Это его лебединая песня? Это моя лебединая песня?» [Кресе, 2017: 157].

С распадом многонациональной Югославии время народных героев окончательно уйдет в небытие. Эпоха, ставшая для них судьбой, «укладывается» в романе в промежуток между двумя днями: октябрьским днем 1944 г. и августовским днем 1992 г. Между днем освобождения Белграда, о котором восторженно, в духе интернационализма рассказывает в письме своему комиссару ее боевая подруга Мария, и одним из дней осады Сараево, куда с миротворческой миссией отправились дочери этого комиссара, прошла вся жизнь военного поколения. Узнав, что девочки поехали в Боснию, бывшая партизанка Мария, когда-то воевавшая за ее освобождение, звонит из Белграда в Любляну, чтобы предупредить о страшной угрозе «боснийской пропаганды», которой подвергаются все оказавшиеся на этой, теперь «вражеской» территории. И мать этих девочек, неггибаемый комиссар 4-й словенской народно-освободительной бригады, вдруг окончательно осознает: «разваливается все. Наша страна. Наша дружба. Наша история. Наши жизни» [там же: 165].

Лишенный идеализации, но исполненный глубокого уважения к совершенному в годы войны человеческому подвигу портрет поколения бойцов с фашизмом в романе Кресе — дань памяти эпохе и людям, воспоминания о которых нужно сохранить именно теперь, «когда мир, построенный ими, рухнул» [Bevc, 2011: 1558]. В финале автор детально реконструирует фрагмент своего реального путешествия по местам боевой славы родителей: добравшись

до лесной чащи, где когда-то была сформирована их партизанская бригада, дочь при виде покосившейся «маленькой стыдливой красной звезды» склоняется «в благоговейном молчании» [Кресе, 2017: 169]. И цитирует не по возрасту горькую фразу сына-тинейджера, сказанную во время недавней поездки: «Я еду из родной страны, где вдруг стало стыдно, что твой отец был народным героем, еду в Германию, где я могу с гордостью об этом сказать» [там же: 170].

Воссоздавая эпоху, ставшую судьбой для целого поколения, Кресе использует рассказ от первого лица, разворачивающийся в настоящем времени, тем самым максимально приближая события прошлого, снимая временной разрыв между историей и сегодняшним днем, существующий в читательском сознании. Она, как писал Б. Эйхенбаум, «берет время под руку» [Из переписки, 1984: 201], добиваясь эффекта присутствия: прошлое начинает «совершаться» на наших глазах. В то же время, выстраивая свою картину эпохи, наделяя исторические события личностным смыслом, Кресе демонстрирует избирательность (услужливость) реминисцентного механизма, иногда подсознательную пристрастность в интерпретации прошлого, а также определенную референциальность нарративной стратегии [Когон, 2008:11].

Список литературы

1. Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским. *Вступительная заметка, публикация и комментарии О. Панченко* // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218.
2. *Кресе М.* Страшно ли мне? М., 2017.
3. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 20.02.2019).
4. *Спиридонов Д.В.* Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2. С. 154–166.
5. *Хаттон Патрик Х.* История как искусство памяти. СПб., 2004.
6. *Юм Д.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1965.
7. *Svetka Bevc z Marušo Krese* // *Sodobnost*. 2011. Let. 75. № 12. S. 1551–1563.
8. *Hrastelj S.* Partizanski prapori in Antigona // *Krese M.* Da me je strah? Novo Mesto, 2012. S. 187–201.
9. *Koron A.* Avtobiografija in naratologija: sodobne pripovednoteoretske kategorije v raziskavah avtobiografaskih pripovedi // *Jezik in slovstvo*. 2008. Let. 53. № 3–4. S. 7–21.
10. *Landsberg A.* *Prosthetic Memory. The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture.* N.Y., 2004.

Nadezhda Starikova

**THE NARRATIVE OF MEMORY: A ‘PERSONAL’ HISTORY
OF THE EPOCH IN THE CONTEMPORARY
SLOVENIAN NOVEL**

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119334*

Drawing on M. Krese’s novel “Da me je strah?” (“*Me, Scared?*”, 2012), which covers seven decades of 20th-century Slovenian history, this article discusses the current literary trend when the past, or an epoch, is represented through the prism of someone’s real-life experiences, here it is the private story of a Slovenian family. The novel reflects all the most important stages in recent Slovenian history: the events of World War II (fascist occupation, liberation struggle, and the civil war), the proclamation of socialist Yugoslavia (1945), its rise and fall, and finally the emergence of sovereign Slovenia (1991) and first decades of its independence. In 2013, the novel was awarded a special prize by literary critics in Slovenia and was included in the short list of the national literary prize ‘Kresnik’ for the best novel of the year. The narrators are the main heroes, a man and a woman, anti-fascist resistance fighters and post-war socialist activists, and later their daughter, an activist of the Yugoslav student youth movement of the 1960s. The prototypes of the three main characters of the novel are M. Krese’s parents and M. Krese herself. The narration structure is associated with verbalization of memory through narrative. Reconstructing several decades of her family’s life, Krese relies on personal experiences and memories of her parents, which she interprets very subjectively, and she puts an emphasis on the ethical sound of an act in the political context of the epoch. The principle of reliability is thus combined with the author’s subjective reading of specific historical events and episodes. The author uses first-person narration, unfolding it in the present tense and thereby removing from the reader’s mind the time gap between the past and present.

Key words: contemporary Slovenian novel; ‘personal’ history; memory verbalization; narrative strategies.

About the author: *Nadezhda Starikova* — Prof. Dr., Head of the Department for Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: nstarikova@mail.ru).

References

1. *Iz peregiski Yu. Tyinyanova i B. Eyhenbauma s V. Shklovskim*. Vstupitel'naya zametka, publikaciya i komentarii O. Panchenko [From the correspondence of Yu. Tyinyanov and B. Eichenbaum with V. Shklovskiy. Introductory note, publication and comments of O. Panchenko]. *Voprosy literatury*, 1984, № 12, pp. 185–218. (In Russ.)

2. Krese M. *Strashno li mne?* [*Me, Scared?*] Moscow, *Centr knigi Rudomino Publ*, 2017. 176 p. (In Russ.)
3. Nora P. *Vsemirnoye torzhestvo pamyati* [World Triumph of Memory]. *Ne-prikosnovenny zapas*, 2005, № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. (accessed: 20.02.2019) (In Russ.)
4. Spiridonov D.V. *Problema narrativnoy identichnosti i istoricheskoy tipologii syuzheta*. [The problem of narrative identity and historical typology of the plot]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 2010, № 1–2, pp. 154–166. (In Russ.)
5. Hutton Patrick H. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Sankt-Peterburg, *Izdatel'stvo «Vladimir Dal'»*, 2004. 424 p. (In Russ.)
6. Hume D. *Sochineniya v 2 tt.* Moscow, *Izdatel'stvo «Mysl'»*, 1965, vol. 1. 659 p. (In Russ.)
7. *Cvetka Bevc z Marušo Krese* [Cvetka Bevc with Maruša Krese]. *Sodobnost*, 2011, № 12 (75), pp.1551–1563.
8. Hrastelj S. *Partizanski prapori in Antigona* [*Partisan Prapors and Antigone*]. Krese M. *Da me je strah?* Novo Mesto, *GOGA Publ*, 2012, pp.187–201.
9. Koron A. *Avtobiografija in naratologija: sodobne pripovednoteoretske kategorije v raziskavah avtobiografaskih pripovedi* [Autobiography and narratology: contemporary narrative theoretical categories in the research of autobiographical narratives]. *Jezik in slovstvo*, 2008, № 3–4 (53), pp. 7–21.
10. Landsberg A. *Prosthetic Memory. The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York, *Columbia University Press*, 2004. 224 p.

М.Е. Балакирева

**СЮРРЕАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО:
ФЕНОМЕН ГРУППЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Р. ДЕСНОСА И Ж.-А. БУАФФАРА**

*Национальный научно-исследовательский университет —
Высшая школа экономики
190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123*

Для авангардного искусства, а особенно для сюрреализма, характерен определенный набор коллективных практик, направленных на реализацию нехудожественных целей: завоевание легитимности, борьбу с конкурентами, приобретение символической власти. Однако иногда коллективные высказывания и взаимодействия служат раскрытию творческого потенциала как всей группы, так и отдельных ее участников. Для сюрреалистов период «творческих коллективных взаимодействий» приходится в основном на 1920-е годы, и группа в этот период воспринимается как поле художественного эксперимента. Совместно сюрреалисты создают ряд произведений, оттачивают техники и разрабатывают сюрреалистический канон. Влияние коллективного мышления на индивидуальное творчество в 1920-е приводит к тому, что сюрреалисты начинают вводить в неколлективные произведения отсылки к участникам группы, фактически то превращая их в героев романа, то делая частью изменчивого сюрреалистического текста.

Образцами подобного включения участников группы в художественный текст можно считать произведения Р. Десноса «Рроз Селяви» и Ж.-А. Буаффара «Номенклатура»: в них авторы намеренно вводят имена сюрреалистов, чтобы затем подвергнуть их преобразованию в духе автоматического письма. С одной стороны, появление имен собственных в текстах служит консолидации группы, созданию и укреплению внутригрупповых связей, но, с другой — подобное «цитирование» словно вводит читателя в мир сюрреалистического текста и включает его в словесную игру. Будучи частью ирреального мира, сюрреалист своим присутствием в нем доказывает реальность его существования.

Ключевые слова: сюрреализм; коллективное творчество; феномен группы в авангарде.

Поэты и художники, входившие в авангардные группы, как правило, подтверждали свою причастность к тому или иному ху-

---

Балакирева Маргарита Евгеньевна — преподаватель Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (e-mail: margaritabalakireva@yahoo.fr; mebalakireva@hse.ru).

дожественному движению публикацией некоторого количества совместных произведений, обладающих как простой (манифесты, памфлеты, листовки), так и сложной (журналы, антологии, каталоги) текстовой структурой [Kleiber, 2016]. В подобных совместных высказываниях особенно важна была отсылка к группе как к некоему единству или сообществу, «коллективная цитата», которая служила скорее металитературным целям, например, продвижению группы в культурном поле или борьбе за легитимность [Le Coq, 2012], поэтому часто подобные работы не рассматриваются исследователями как собственно литературные произведения [Balakireva, 2016]. Однако в сюрреализме отношение «индивидуального» и «коллективного» акта творения выстраиваются иначе, и групповая конфигурация становится важным элементом литературного творчества, а коллективные игры, опросы или сеансы грез превращаются в «фабрики идей», питающие творчество индивидуальное. Столь сильное влияние группы в 1920-е годы приводит к тому, что в свои произведения сюрреалисты вводят участников сюрреалистического сообщества, посвящают им стихотворения, ссылаются на них в теоретических работах или превращают их в героев романов. В этот период сам феномен «коллективного» мыслится как часть эксперимента, а группа — как место поиска художественных техник и практик, которые позволят новому объединению отмежеваться от круга дадаистов. До официального «закрепления» статуса группы в манифесте 1924 г. и «символического» посвящения в авангард с публикацией памфлета «Груп» на смерть А. Франса группа существует как объединение друзей, стремящихся к изучению коллективного взаимодействия, конструированию связей и сети интеракций. Совместное творчество в 1919–1924 гг. [период «интуитивной» формы сюрреализма, подробнее см.: Гальцова, 2012: 112–113; Murat, 2013: 34] становится особенно актуальным, и отсылки к участникам движения в индивидуальном творчестве превращается в своего рода маркирование «своих» и «чужих». После 1924 г. группа окончательно оформляется, получает статус авангардной (становится еще одним признанным «измом») и переходит к теоретическому осмыслению своей деятельности, а к 1930-м и сама идея «группы» эволюционирует: сюрреалисты продвигают идею «научного» подхода к творчеству и заявляют о себе как о группе, занимающейся научными исследованиями нерациональных форм познания, что в целом нивелирует творческий аспект ранних коллективных взаимодействий, в которых продукт творчества воспринимался как самоцель, а не как материал для последующего осмысления и анализа. Сюрреализм становится *узнаваемым*, и потребность в конструировании сети личных взаимодействий исчезает: группа начинает действовать как общность,

лишенная индивидуальных черт, выходит из пространства текстового в пространство музейное [Floyd, 2017], и сами коллективные взаимодействия усложняются [Bauduin, 2014: 162–167], переходят от простой текстовой к сложной визуально-вербальной коммуникации [Jolles, 2006; 2013].

В данной статье речь пойдет о ранних работах сюрреалистов, а именно о характерных для 1920-х годов произведениях «Рроз Селяви» Р. Десноса и «Номенклатуре» Ж.-А. Буаффара и о тех эстетических эффектах, которые возникают благодаря включению участников движения в сюрреалистический текст.

Феномен группы в произведении Р. Десноса «Рроз Селяви»

Считается, что первые публикации с упоминаниями сюрреалистов принадлежали Т. Тцара, который, еще не будучи лично знаком с группой А. Бретона, написал несколько стихотворений-посвящений, опубликованных с 1918 по 1920 г. в разных дадаистских журналах (поэмы Тцара посвятил Л. Арагону, А. Бретону, Ф. Супо). В сюрреалистических журналах первым поэмы-посвящения стал печатать Деснос, причем сначала он включил имена близких ему по духу друзей в поэтический текст («Рроз Селяви», *Rrose Sélavy, Littérature, nouvelle série*, № 7), а затем уже вынес их в посвящения и названия стихотворений (*l'Aumonyme, Littérature, nouvelle série*, № 10). Важно отметить, что стихотворения-посвящения чаще всего включают прямую речь, непосредственное обращение к адресату послания [Bonniol, Poli, 2008: 56–58] (монолог у «могилы», с дружеским «ты» и лирическими отступлениями у Ф. Супо и Б. Пере; словесные игры и дружеские подшучивания у Десноса) и служат скорее консолидации группы, сплетению внутренних связей, отсылкам [Foster, 2019], созданию «тайного» языка или «арго», понятного только «своим» (форма сюрреалистического диалога), нежели преследуют какие-то художественные цели [Earle, 2013]. Они похожи на «стихотворение на случай», отражающее присутствие сюрреалистов в жизни друг друга, их постоянное взаимодействие как на социальном, так и на творческом уровнях. Однако встречается и другое использование имен собственных и отсылок, где участники группы превращаются в часть произведения. Такое включение группы в художественный текст характерно, например, для Десноса и его произведения «Рроз Селяви» [Desnos, 1922: 14–22] — первого официального упоминания группы в сюрреалистическом художественном тексте.

В заметки «Рроз Селяви» Деснос включает имена сюрреалистов, обыгрывая их фонетически и рифмуя с другими словами: имена встраиваются в словесную игру и, лишённые денотата (отсылки к

конкретному персонажу), наполняются другими смыслами, вторя программному тексту Бретона «Слова без морщин», опубликованному в том же номере как теоретический пролог к опытам поэта. В иной реальности, реальности словесной, имена получают своих «двойников» по созвучиям, подобно тому, как Рроз Селяви является «двойником» М. Дюшана [Dumas, 2012: 94] (Aragon — estragon, Eluard — élu des draps, Baron — bâillon de l'âme, Francis (Picabia) — Cassis, Vaché — rochers). Фонетическая игра помещает имена в иной контекст, дополняет их, как бы разворачивает в пространстве — где слово, разрываясь, образует несколько других (Delaunay — de l'eau naït, P. Eluard — le poète élu des draps) или же расширяется, принимая в себя другие буквы или выбрасывая «лишние» (André Breton — l'hydre du tonnerre). Однако включение имен друзей во фразы парадоксальным образом преобразует текст. Строго говоря, оторвать имя от того, к кому оно относится, в контексте журнала, где имена эти появляются с завидным постоянством, оказывается практически невозможным. И имена, распадаясь на слова и слоги, словно вводят живых наблюдателей (сюрреалистов) в мир «ирреального функционирования слова», и наблюдатели эти обладают, в художественном плане, амбивалентной натурой, находясь в довольно сложных отношениях с ирреальностью — то ли порождают ее, то ли созидают, то ли фиксируют. Имя собственное, в контексте словесной игры, становится и отсылкой к конкретному лицу, дружеским посланием, подмигиванием, внезапно обнаруженным в тексте; и доказательством объективного существования иной реальности: в мире слов имя собственное тоже живет «своей жизнью» и, более того, словно вводит носителя имени в этот мир. Получается, что имена сюрреалистов как бы подтверждают «своим присутствием» в тексте существование сюрреальности, подобно тому, как сюрреалист подтверждает реальность грезы своим присутствием в ней и фиксацией всего, что там происходит (см. гипнотический сеанс, опубликованный в № 6 *Littérature, nouvelle série*, в котором существование неизвестной планеты подтверждается самим фактом присутствия на ней Б. Пере). Свой текст Деснос заканчивает следующим образом:

Слова, вы мифы и похожи на мирты мертвых.

Арго Рроз Селяви, не это ли искусство превращать аистов в лебедей?

[игра слов: «лебедь» — омофон слова «знак», *cygne* = *signe*, а слово *cygogne*, аист, содержит в себе в начале и в конце оба слова *signe* / *cygne* и «лишний» слог *go*, вставленный между. — Прим. авт.]

Законы наших желаний есть игральные кости без досуга [Desnos, 1922: 22]

Деснос говорит о словесных играх Рроз Селяви как об искусстве превращения реальности в знаки, творческом акте, схожим с ми-

росозиданием, созданием нового объекта из уже данного. Слово, трансформируясь незначительно, меняет и объект, и фразу, и смысл высказывания. Оно само по себе есть миф, и, изменяясь, оно превращает миф в текст, превращает привычное пространство письма в зыбкое, эфемерное, лишенное границ и значений [Гальцова, 2012: 417–423].

Произведение Десноса включает разрозненные предложения, каждое из которых — отдельный мир слова, в каждом слово трансформируется и мерцает, застывая на границе между одним значением и другим. Подобное «мерцание» невозможно воспроизвести в одном лишь слове, вырванном из контекста. Контекст, окружение, синтаксис, соположение разрозненных слов является важнейшим условием игры в омонимы: то, что сюрреалисты ищут, находится не в конкретном слове, но в *движении, потенциальном переходе слов друг в друга*. И, хотя идея движения (как идеологическая установка) будет владеть умами сюрреалистов в 1930-е годы, само стремление к передаче пограничных ситуаций (ср. с понятием «*ультратонкое*» (*inframince*) у М. Дюшана), движение между одним и другим словом (образом слова) уже в начале 1920-х становится для сюрреалистов важным элементом в цепочке доказательств ирреальности. Текучесть и подвижность слова — не просто способность языка для сюрреалистов, а отражение «другой жизни» слова, когда оно бесконечно мерцает в мире ирреальном, отсылая к разным денотатам в мире реальном, и все разрозненные предметы этого мира суть воплощения того мерцающего слова. Отсылка к именам сюрреалистов — это тоже своего рода попытка поймать имя собственное в его вечном движении и перетекании из значения в значение, попытка уловить эту трансформацию в ее движении и расшатать незыблемость имени. Ничто не имеет заданных границ, слово — потенциально любое — растягивается, сжимается, передвигает слоги и становится другим, и не просто словом, но предметом, объектом, частью реальности, и сюрреалисты, являясь свидетелями трансформаций и как читатели, и как активные участники (т.е. как части текста), тоже изменяются и становятся чем-то другим: частью сюрреального мира и словосочетанием одновременно.

Феномен группы в произведении Ж.-А. Буаффара «Номенклатура»

Подобное «разворачивание» / «мерцание» имен существительных, переработанное в форме словарного описания, представлено в произведении «Номенклатура» Ж.-А. Буаффара (в № 4 *Révolution surréaliste*). Словарность вообще интересует сюрреалистов, как и

многих авангардистов той поры: словарь для них — это и форма, которую можно «расшатать» / перекроить / дополнить, и воплощение социального института, неизменности языка, который можно разрушить [Kleiber, 2013]. Так, еще в «Словах без морщин» Бретон утверждал, что в слове заключено множество значений («свойств»), из которых лишь одно отражено в словаре. И потому следует «изучить слово само по себе» и «реакции слов друг на друга» [Breton, 1922: 12]. Ж.-А. Буаффар, публикуя свою «Номенклатуру» (одно из значений которого — словник в словаре) в № 4 *Révolution surréaliste*, по всей видимости, вдохновляется «Глоссарием» Лейриса (часть которого опубликована в том же номере *RS* на с. 20–21) и ранними работами Десноса. Он использует ту же технику словесной игры, поиска фонетических соответствий и созвучий, что и Деснос с Лейрисом, а в качестве материала выбирает имена сюрреалистов — как Деснос в «Проз Селяви», причем располагает их не как в словаре, по фамилиям, но отдает предпочтение личным именам, расставленным в алфавитном порядке (Андре, Пьер, Робер и пр.). Всего в «Номенклатуре» упомянуты 26 имен, которые можно объединить в девять блоков по буквам (А, В, F, G, J, L, М, Р, R). Среди включенных в «словарь имен собственных» встречаются не только сюрреалисты, но деятели искусства, оказавшие на группу сильное влияние или относившиеся к ней с интересом (де Кирико, Реверди, Пикассо, Руссель):

Aragon = l'ouragan	Gérard = frange, assisses, gigantes	Péret (mon père) = jambes, père
Artaud = hart		Picasso = paraboles
Baron = arbre, fleurons	Leiris = risques, échelles, irisées	
Boiffard = boire, affres	Limbour = limbes, proues	Reverdy = rêve, épie
Breton = dés, tonne	Lübeck = luths, rebecs	Roussel (tes aisselles) = aisselles, rousseur
	Makine = câline	
Chirico = orchidée, orgie	Masson = son	Soupault = opium
Crevel = crâne, réveil	Morise = horizon	
Desnos = noces	Naville (hier) = île	Tual = lente tuerie, ailes tues
	Noil = anneau salé	
Eluard = é ludé		Vitrac (t'interrogent) = arcs ivres
Ernst = à fest		

Буаффар берет имя собственное, разделяет его на отдельные слоги и составляет из них новые слова, как бы препарирова слово, показывая, что в имени может скрываться дополнительный смысл, обусловленный особенностями самого языка, а не только контекстом или функцией отсылки к конкретному носителю (человеку). В фонетическую игру сюрреалист включает как имена, так и фамилии,

делает высказывание более сложным — не только составляет своего рода анаграммы (Aragon / ouragan), но и добавляет дейктические местоимения, глаголы, разворачивает слово до фразы, наделяет его *динамикой*. А сами фразы, «описывающие» имя, подходят на элементы автоматического письма [Stockwell, 2017: 63–70]:

Robert Desnos — nocés de la haine et des bordels
Raymond Roussel — la rousseur du monde sourit à tes aisselles
Paul Eluard — ailes sol éludé
André Breton — prête aux dés l'encre tonne [Boiffard, 1925: 22].

В отличие от Десноса (который рифмует слова, например, Pêret / jamais, Delaunay / de l'eau naït) Буаффар «разворачивает» слог, выискивая в имени *описание* — через составляющие его звуки (André = grête aux **dés** / Breton = l'encre **tonne**; Noll = **anneau salé**), это уже не игра омофонов, как у Десноса, но скорее игра созвучий, эффект эха, отзвуков, что расходятся по фразе при произнесении имени. И опять присутствие имен собственных в произведении делает текст амбивалентным: с одной стороны, они становятся частью структуры языка, преломляются и растворяются в языке, «разбегаясь» по разным словам и фразам; с другой стороны, они словно превращаются в свидетелей словотворчества, подтверждают его бесконечное движение и вообще существование иной реальности, а иногда даже пророчествуют (так Дали в «Дневнике одного гения» называл Р. Кревеля тем, кто носит в своем имени смерть, поскольку оно было созвучно французскому глаголу *stever*, «подыхать») [Дали, 2016: 78]. Группа предстает как фиксатор ирреальности, и ее участники, каждый по отдельности, включаются в игру автоматического письма, но, сами объединенные социальной связью, они придают автоматическому тексту целостность, преумножая его смыслы и значения.

Упоминания группы или включение имен сюрреалистов в произведении особенно характерны для 1920-х годов, а в 1930-е подобных отсылок практически не встречается. Если в 1920-е годы сюрреалистам было важно подтвердить групповой аспект отсылкой к участникам движения в текстах (подтвердить целостность движения), то в 1930-е сюрреалисты, уже сформировавшиеся как группа, обращают внимание на коллективные тексты, воззвания, письма, листовки, но в творчестве все больше дистанцируются от «коллективности» и становятся скорее носителями сюрреалистического стиля, чем последователями жестко фиксированной нормы. По всей вероятности, объясняется это изменением самой функции «коллективного»: сюрреалисты переходят от творческого взаимодействия к социально ангажированной деятельности, стремясь заявить о себе как о революционной группировке, жаждущей переkreить буржуазное искусство

[Donkin, 2017]. Итогом такого социального поворота становится все большая индивидуализация творчества и отход от коллективных форм творения. Приобретая все большую социальную целостность в идеологии, сюрреалисты все дальше «расходятся» в творческом плане, создавая бесконечные вариации «сюрреального».

Список литературы

1. *Гальцова Е.Д.* Сюрреализм и театр. М., 2012.
2. *Дали С.* Дневник одного гения. М., 2016.
3. *Balakireva M.* Concept paradoxal de collective création dans l'avant-garde française // *Studia UBB Dramatica*. 2016. LXI, 2. P. 141–154.
4. *Bauduin T.M.* Surrealism and the Occult. Occultism and Western Esotericism in the Work and Movement of André Breton. Amsterdam, 2014.
5. *Boiffard J.A.* Nomenclature // *Révolution surréaliste*. 1925. № 4. P. 22.
6. *Bonniol C., Poli M.-S.* Un monde particulier de réception: les effets de la familiarisation avec l'œuvre à travers le discours du spectateur // *Sociologie de l'Art*. 2008. № 3. P. 49–68.
7. *Breton A.* Les mots sans rides // *Littérature nouvelle série*. 1922. № 7. P. 12–14.
8. *Desnos R.* Rose Sélavy // *Littérature nouvelle série*. 1922. № 7. P. 14–22.
9. *Donkin H.* André Breton and Vladimir Mayakovsky: Poeticizing Politics and Politicizing Poetry // *Dada / Surrealism*. 2017. № 21. URL: <https://doi.org/10.17077/0084-9537.1319> (дата обращения: 06.08.2019).
10. *Dumas M.-C.* Ce qui aura empêché Desnos d'être Desnos? // *Revue d'histoire littéraire de la France*. 2012. № 1. P. 93–104.
11. *Earle J.* Surrealism's Secret Societies // *L'Esprit Créateur*. 2013. № 3. P. 129–142.
12. *Floyd K.M.* Writing the Histories of Dada and Surrealist Exhibitions: Problems and Possibilities // *Dada / Surrealism*. 2017. № 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17077/0084-9537.1327> (дата обращения: 06.08.2019).
13. *Foster V.* The Return of the Surreal: Towards a Poetic and Playful Sociology // *Qualitative Sociology Review*. 2019. 15 (1). P. 148–164.
14. *Jolles A.* The Curatorial Avant-Garde: Surrealism and Exhibition Practice in France, 1925–1941. Philadelphia, 2013.
15. *Jolles A.* The Tactile Turn: Envisioning a Postcolonial Aesthetic in France // *Yale French Studies*. 2006. № 109. P. 17–38. URL: <https://www.jstor.org/stable/4149283> (дата обращения: 06.08.2019).
16. *Kleiber P.-H.* Les Dictionnaires surréalistes (1924–1976). Alphabet et déraison. Paris, 2013.
17. *Kleiber P.-H.* Le surréalisme en anthologie: un chant du cygne? // *Corinne Blanchard et al., Pour la poésie*. Paris, 2016. P. 409–420.
18. *Le Coq S.* Le travail artistique: effritement du modèle de l'artiste créateur? // *Sociologie de l'Art*. 2004. № 3. P. 111–131.
19. *Murat M.* Le Surréalisme. P., 2013.
20. *Stockwell P.* The Language of Surrealism. L., 2017.

Margarita Balakireva

**SURREALISM AND INDIVIDUAL CREATIVITY:
THE PHENOMENON OF GROUP IN THE PROSE
OF R. DESNOS AND J.-A. BOIFFARD**

*Higher School of Economics (St. Petersburg)
123, Griboyedov canal embankment, St. Petersburg, 190068*

Avant-garde art, and especially surrealism, is characterized by a specific set of collective practices aimed at realizing non-artistic goals: gaining legitimacy, fighting competitors, and acquiring symbolic power. However, sometimes collective statements and interactions serve to reveal the creative potential of both the entire group and its individual members. For surrealists, the period of “creative collective interactions” falls mainly on the 1920s, and the group in this period is perceived as a field of artistic experiment. Together, surrealists create a number of works, hone techniques and develop a surreal canon. The influence of collective thinking on individual creativity in the 1920s leads to the fact that the surrealists begin to introduce references to the members of the group into non-collective works, actually turning them into heroes of the novel, now making them part of a mutable surreal text. R. Desnos’ *Rose Sélavy* and J.-A. Boiffard’s *Nomenclature* can be regarded as examples of incorporating group members into an artistic text: in them, the authors deliberately introduce the names of surrealists, in order to transform them in the spirit of automatic writing. On the one hand, the appearance of proper names in the texts serves to consolidate the group, create and strengthen intra-group ties, but, on the other hand, such “quoting” is a guarantee of surrealism and confirms the materiality of the word game. Being part of the surreal world, the surrealist proves its real existence.

Key words: surrealism; collective creation; phenomenon of the group in the avant-garde.

About the author: *Margarita Balakireva* — Teaching Fellow, School of Arts and Humanities, Higher School of Economics (St. Petersburg) (e-mail: margaritabalakireva@yahoo.fr; mebalakireva@hse.ru).

References

1. Gal’cova E.D. *Sjurrealizm i teatr* [Surrealism and Theater]. Moscow, RGGU 2012. 542 p. (In Russ.)
2. Dali S. *Dnevnik odnogo genia* [Diary of a Genius]. Moscow, Azbuka-Klassika 2016. 288 p. (In Russ.)
3. Balakireva M. Concept paradoxal de collective création dans l’avant-garde française. *Studia UBB Dramatica*, 2016. LXI, 2, pp. 141–154.
4. Bauduin T.M. *Surrealism and the Occult. Occultism and Western Esotericism in the Work and Movement of André Breton*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2014. 262 p.

5. Boiffard J.A. Nomenclature. *Révolution surréaliste*, 1925, № 4, p. 22.
6. Bonniol C., Poli M.-S. Un monde particulier de réception: les effets de la familiarisation avec l'œuvre à travers le discours du spectateur. *Sociologie de l'Art*, 2008, № 3, pp. 49–68.
7. Breton A. Les mots sans rides. *Littérature nouvelle série*, 1922, № 7, pp. 12–14.
8. Desnos R. Rose Sélavy. *Littérature nouvelle série*, 1922, № 7, pp. 14–22.
9. Donkin H. André Breton and Vladimir Mayakovsky: Poeticizing Politics and Politicizing Poetry. *Dada / Surrealism*, 2017, № 21. URL: <https://doi.org/10.17077/0084-9537.1319> (accessed: 06.08.2019).
10. Dumas M.-C. Ce qui aura empêché Desnos d'être Desnos? *Revue d'histoire littéraire de la France*, 2012, № 1, pp. 93–104.
11. Earle J. Surrealism's Secret Societies. *L'Esprit Créateur*, 2013, № 3, pp. 129–142.
12. Floyd K.M. Writing the Histories of Dada and Surrealist Exhibitions: Problems and Possibilities. *Dada / Surrealism*, 2017, № 21. URL: <https://doi.org/10.17077/0084-9537.1327> (accessed: 06.08.2019).
13. Foster V. The Return of the Surreal: Towards a Poetic and Playful Sociology. *Qualitative Sociology Review*, 2019, 15 (1), pp. 148–164.
14. Jolles A. The Curatorial Avant-Garde: Surrealism and Exhibition Practice in France, 1925–1941. Philadelphie, *Pennsylvania State University Press*, 2013. 288 p.
15. Jolles A. The Tactile Turn: Envisioning a Postcolonial Aesthetic in France. *Yale French Studies*, 2006, № 109, pp. 17–38. URL: <https://www.jstor.org/stable/4149283> (accessed: 06.08.2019).
16. Kleiber P.-H. Les Dictionnaires surréalistes (1924–1976). *Alphabet et dérivation*. Paris, Honoré Champion, 2013. 2 vol. 880 p.
17. Kleiber P.-H. Le surréalisme en anthologie: un chant du cygne? *Corinne Blanchaud et al., Pour la poésie*. Paris, Presses universitaires de Vincennes, 2016, pp. 409–420.
18. Le Coq S. Le travail artistique: effritement du modèle de l'artiste créateur? *Sociologie de l'Art*, 2004, № 3, pp. 111–131.
19. Murat M. Le Surréalisme. Paris, *Le Livre de Poche*, 2013. 408 p.
20. Stockwell P. The Language of Surrealism. London, *Red Globe Press*, 2017. 202 p.

Д.Д. Черепанов

ДРАМА «ДОМАШНИЙ УЧИТЕЛЬ» И ПОЗДНЕЕ ТВОРЧЕСТВО Я.М.Р. ЛЕНЦА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается вопрос о соотношении между поздними текстами Я.М.Р. Ленца и его творчеством страцбургского периода. В центре внимания — драма «Домашний учитель» (“Der Homeister”) и «московские» замечания Ленца о ней. В противовес распространенному пониманию драмы, опирающемуся на собственные высказывания писателя середины 1770-х годов, Ленц в поздние годы утверждал, что его произведение не было направлено против института домашних учителей, но должно было улучшить их положение. Такое истолкование пьесы обусловлено московским контекстом. Публикации Н.И. Новикова, с кругом которого писатель был связан в 1781–1792 гг., свидетельствуют, что для московских просветителей не мог стоять вопрос об упразднении «гофмейстеров». В то же время сопоставление произведений Ленца с воззрениями его окружения показывает, что многое в последних было созвучно «старым» идеям писателя. В частности, педагогический трактат «О воспитании и наставлении детей» (1783) выделяет в области частного образования те же проблемы, что и Ленц в «Домашнем учителе». В этих условиях Ленц возвращается к теме подлинного общения или, вернее, тоски по нему, которую можно считать центральной и для его драмы 1770-х годов. Живо реагируя на свое окружение, писатель заостряет вопрос о преодолении человеческой раздробленности, занимавший и новиковский кружок. Это позволяет думать, что Ленц считал «московскую» трактовку пьесы не отступлением от своей старой позиции, а ее последовательным развитием в новой среде.

Ключевые слова: немецкая литература; XVIII век; Просвещение; Бурия и натиск; Я.М.Р. Ленц; Н.И. Новиков.

Последние годы жизни Я.М.Р. Ленца (1751–1792), известного представителя эпохи «Бурии и натиска», жившего с 1781 г. в Москве¹, до недавних пор привлекали относительно мало внимания. Интерес исследователей был сосредоточен на таких драмах Ленца, как «До-

---

Черепанов Даниил Дмитриевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ddcherep@gmail.com).

¹ О биографии и творчестве Ленца в поздние годы см. [Леманн-Карли, 1996; Scholz, 1991; Tommek, 2017].

машный учитель» (*Der Hofmeister*, 1772) и «Солдаты» (1775), а также на теоретических работах писателя [Бурикова, 2008]. Ситуация начала меняться после появления критического издания «Московских сочинений и писем» под редакцией Х. Томмека [Lenz, 2007]. По мере вхождения этих текстов в научный оборот встает вопрос о соотношении поздних текстов Ленца с его произведениями 1770-х годов. В частности, обращает на себя внимание «московский» комментарий Ленца к «Домашнему учителю». Как известно, драма оканчивалась словами Фрица фон Берга: «По крайней мере для тебя, мой милый мальчик, я никогда не стану нанимать гувернеров!» [Lenz, 1967: 104]. Вместо домашних учителей Фриц и его дядя, тайный советник фон Берг, предлагали школы, интернаты и т.д. Тайному советнику принадлежат известные слова: «Не должно быть домашних учителей на свете! Это отродье ни на что не годно» [Lenz, 1967: 28]. Имеется в виду, что несвободное положение домашнего учителя разрушает личность образованного человека: «кто отказывается от собственной свободы, отравляет лучшие свои жизненные силы <...> и убивает сам себя» [Lenz, 1967: 25]. Именно так — как выступление против института частных учителей — понимает намерения писателя, например, Ангела Ханзен, автор монографии о «Домашнем учителе». Ленц, пишет исследовательница, «использует героя, чтобы выразить собственные мысли», «осудить институт домашних учителей <...> и способствовать упразднению домашнего воспитания в Германии» [Hansen, 2000: 204]. Анализируя высказывания Ленца об этом месте в «Письмах о моральном значении “Страданий юного Вертера”» (1775), Ханзен считает, что в середине 1770-х годов писатель, несмотря на критику со стороны современников, все же не отказался от предложенной образовательной реформы [Hansen, 2000: 204–205]. В Москве же Ленц неоднократно утверждает, что он никогда не возражал против института домашних учителей и частного образования. Так в «Эссе об образовании» (“*Essai sur l’éducation présenté à Sg. Exc.*”, 1788f.) писатель подчеркивает, что в его произведении «важнейшее для общества» сословие домашних учителей (“*Educateurs*”) отнюдь не высмеивалось [Lenz, 2007: 221]. В «Письме домашнему учителю о воспитании» (“*Brief vom Erziehungswesen an einen Hofmeister*”, 1789f.) он также отмечает, что «онный фарс отнюдь не имел своей целью унижить звание *гофмейстера*» [Lenz, 2007: 501]. Комедия должна была исправить положение учителей и «стать спасением для всякого разумного гофмейстера», высмеивая прежде всего «дурное устройство таких домов, где *больше* ценят лакея, чем домашнего учителя» [Lenz, 2007: 501]. Таким образом речь идет уже не об упразднении домашнего образования, а о его правильном устройстве. Следует ли это понимать как отказ от прежних воззрений Ленца?

Кажется, что такое истолкование писателем «Домашнего учителя» обусловлено московским контекстом. Известно, что писатель был тесно связан с кругом Н.И. Новикова, а с 30 октября 1783 г. был членом московской масонской ложи «У трех знамен», куда его ввел Иоанн Георг Шварц, также связанный с Новиковым [Gündel, 1996: 66]. По издававшимся Новиковым текстам видно, что об отмене домашнего обучения в России в то время не могло быть и речи, и в то же время Ленц мог найти у московских просветителей целый ряд мыслей и устремлений, ему созвучных. Так, в опубликованном Новиковым трактате «О воспитании и наставлении детей» (1783) выделены четыре сферы, в которых возникают проблемы, препятствующие домашнему образованию — это «1) род жизни родителей, 2) внутреннее учреждение домостроительства, 3) поступки родительские с гофмейстерами и гофмейстеринами и, наконец, 4) выбор сих самых особ» [Новиков, 1951: 426]. Все четыре имеют прямые параллели в «Домашнем учителе» Ленца. Новиков обращает особое внимание на третий пункт, «поступки родительские с гофмейстерами». Имеется в виду, что «родители не держат <...> своего слова либо в плате договорных денег, либо в доставлении им прочих небольших потребностей», а также отказываются покупать вещи, необходимые для обучения, «презрительно обходятся» с учителями [Новиков, 1951: 430]. Это до мелочей совпадает с описанным Ленцем в «Домашнем учителе»: изначально обещанные 300 дукатов ежегодного жалования (1 действие, 2 явление) еще до начала обучения начинают сокращаться, а ко второму году превращаются в 60 дукатов (2 действие, 1 явление). Отказ в «доставлении ... прочих небольших потребностей» также упоминается у Ленца: «чисто одеваться» гофмейстер должен за свой счет (1 действие, 3 явление), а обещанную лошадь и отпуск ему не предоставляют [Lenz, 1967: 13, 30]. У Ленца, правда, не упоминается недостаток учебных принадлежностей, но стоящее за ним отношение родителей к воспитанию показано, например, в сцене, где майор фон Берг с возмущением отказывается отвечать своему брату на «чудной» („wunderlich“) вопрос о содержании обучения [Lenz, 1967: 11]. Совпадает драма Ленца с трактатом Новикова и в том, что предсказывает быструю деградацию учеников и учителя, который в подобных условиях «будет пробавляться по желанию родителей и детей также оставит пробавляться как-нибудь в учении» [Новиков, 1951: 432] — именно так складывается судьба Лойфера и его воспитанников. Третий момент, презрительное обхождение с учителем, с точки зрения Новикова является наиболее разрушительным. Именно этот аспект выделяется и в драме Ленца: в одной из самых первых сцен майорша, обращавшаяся вначале к учителю «господин... Лойфер» (здесь чувствуется авторская ирония,

поскольку “Läuffer” в дословном переводе означает «слуга», «посыльный»), напоминает ему о его положении «прислуги» [Lenz, 1967: 13]. К этой же проблеме Ленц возвращается в «Письме о воспитании», говоря о «дурном устройстве» домов, где всякий слуга стоит выше, чем домашний учитель [Lenz, 2007: 501].

По всей видимости, общение с кругом Новикова, многое в котором было созвучно «старым» идеям Ленца, побудило писателя вернуться к центральной теме его драмы 1770-х годов — теме подлинного общения или, вернее, тоски по нему. Тема эта, как часто указывают, была важна для Ленца, привыкшего «перерабатывать психологические конфликты в художественные произведения» [Scholz, 1991: 115]. Для Новикова неверный «род жизни родителей» означает, прежде всего, страсти и слабости, которые ведут к «рассеянной» жизни, «любящей только ненатуральное и мало-важное» и «не ведущей истинных радостей» [Новиков, 1951: 428]. По мнению просветителя, такое отношение к жизни не просто затрудняет воспитание, но делает невозможным общение в семье: родители не только «не имеют времени на обхождение с детьми», но и «не в состоянии <...> чувствовать сии чистые натуральные утехи» [там же]. В комедии Ленца яркий пример «рассеянного» отношения к миру дан в образе майорши, живущей развлечениями и мелочным тщеславием. Девиз ее — «нынче смотрят прежде всего на то, умеет ли человек себя подать» (“ob ein Mensch sich zu führen wisse”) [Lenz, 1967: 13]. Этот тезис раскрывается, когда она начинает, соревнуясь с графом Вермутом, говорить о вымышленных расходах на приобщение к культуре. Внутренняя пустота майорши определяет атмосферу в доме и становится одной из главных причин катастрофических событий, так как именно одиночество и узкий кругозор ее дочери, Густхен, приводят последнюю к увлечению Лойфером и падению.

Страдает от затрудненных отношений и сам Лойфер. Очевидные симптомы этого содержатся в первых же словах комедии: «Отец говорит, что я не гожусь в адъюнкты. Думаю, что недостаток этот — в его кошельке; он не хочет платить за место» [Lenz, 1967: 11]. Не находит Лойфер понимания у тайного советника фон Берга, который мог бы дать молодому человеку место в государственной школе, но отказывается с ним всерьез разговаривать [Lenz, 1967: 11]. Однако виноват в происходящем и сам Лойфер, который не способен критически взглянуть на себя. В то время как сам он считает, что «был бы все еще чересчур учен для классного наставника» в местной школе, «даже если бы снова забыл за ненужностью все, чему выучился» [Lenz, 1967: 11], тайный советник, наиболее проникательный из

персонажей, видит в нем «бездельника в галунах», который провел годы не столько в университете, сколько «в кондитерской Генделя и в кофейне Рихтера» [Lenz, 1967: 11]. Не лучше обстоит дело в семье самого тайного советника: он поверил дурным слухам о сыне, Фрице, и обманул доверие последнего; Фриц, в свою очередь, забыл о любимой Густхен, что стало одной из причин ее злоключений. Еще печальнее положение в семье Петуса: как выясняется в финале, Петус-старший выгнал из дома свою мать (она появляется на сцене как слепая нищенка), затем из-за денег проклял сына, а Петус-младший был близок к тому, чтобы обмануть девицу Рехаар. Все эти линии счастливо заканчиваются общим покаянием и примирением в последней сцене пьесы благодаря стечению обстоятельств, среди которых выигрыш в лотерею, — финал, который лишь подчеркивает неразрешимость проблемы обычными средствами².

В московских текстах Ленца продолжает звучать мечта о преодолении границ, разделяющих людей и препятствующих общению. Это касается разных сфер: для масонской ложи Ленц предлагает план трехязычных ассамблей с участием дам, чтобы расширить круг общения, для остзейских губерний он строит проекты для оживления торговли и образования, параллельно работает над переводами с русского, готовит проспект для перевода Библии на русский язык [Томмек, 2017]. Показательно сравнение предложений, высказанных Новиковым в 1783 г., и Ленцем в конце 1780-х гг. Новиков, как и Ленц, стремится улучшить положение домашних учителей. В цитируемом трактате он сначала достаточно решительно пишет о необходимости оказывать «гофмейстерам» «почтение» со стороны хозяев дома, «чтоб поступали они с ним как с высокоценным другом их фамилии» [Новиков, 1951: 433]. Однако здесь же поясняется, что «дружба» господ заключается в том, «чтоб они при детях своих никогда презрительно о нем не рассуждали, чтоб не требовали они от него такой униженной покорности, как от домашнего официанта или лакея, и чтоб они не позволяли сим людям никаких презрительных оказывать к нему поступок» [Новиков, 1951: 433]. Изменение сословных границ остается, таким образом, делом несбыточным; даже и повсеместное распространение «великой и нужной той истины», что учитель «много споспешествует общественному благу *и без чинов и титулов* весьма достоин почтения и уважения» (*Курсив мой.* — Д. Ч.), представляется Новикову весьма далекой целью [Нови-

---

² Кажется, что пьеса Ленца в известном смысле продолжает традицию поздних драм Шекспира: «Бури», «Зимней сказки», «Цимбелина» и «Перикла», — «неопределенности» в которых «гораздо больше, чем в куда более благополучных, хотя и «мрачных» комедиях «Мера за Меру» и «Все хорошо, что хорошо кончается» [Иванов, 2016: 75].

ков, 1951: 433]. Пока же он предлагает дать воспитанникам училищ, академий и семинарий «случай часто видеть и посещать общества благовоспитанных людей», т.е. «допускать их к своим столам и за-бавам» [Новиков, 1951: 436–437]. На этом фоне отчетливо видны особенности параллельного проекта Ленца, представленного в «Эссе о воспитании». Писатель мечтает о новом типе отношений между педагогом и его учениками: «Что, если какой-нибудь богатый человек предложит ученому пожить его доме, чтобы в течение нескольких лет быть его детям вместо отца? Между ними не потребуется ни договора, ни сделки, и никто не будет ни требовать, чтобы этот ученый муж учил детей как сельский грамотей, ни обращаться с ним, как с *ремесленником*, которому заказали пару туфель» [Lenz, 2007: 222]. Х. Томмек считает, что здесь в иронической форме подчеркивается незащищенность прав домашнего учителя, не закрепленных письменным контрактом [Томмек, 2007: 447]. Однако кажется, что у Ленца речь идет скорее о дружеских, а значит, не поддающихся формализации, отношениях между *равными*. Он говорит не о защите прав наемного работника, а об искреннем благорасположении со стороны отца семейства: «Сударь, скажет в таком случае отец, предлагаю Вам мой дом, чтобы Ваш талант мог себя проявить; детям моим это пойдет на пользу и они будут Вам признательны, вернее же, я буду их поручителем и найду способ оплатить их долг» [Lenz, 2007: 222]. Воспитательная деятельность «нового Ментора» заключается в том, что он живет в доме и ведет научную работу, а также беседует с детьми, направляя их интерес в нужную сторону. В трактате Новикова предлагается еще одна важная мера, которая могла сказаться на ходе мысли Ленца. Он советует «всякой фамилии <...> содержать гофмейстера целый год вне своего дома и не требовать от него за то ничего более, кроме того, чтоб учился он здешнему языку» [Новиков, 1951: 435–436]. Просветитель пытается представить это как разумное вложение средств, но все же очевидно, что такая стипендия прежде всего служит к благу самого учителя. Ленц идет в своем, параллельном, предложении еще дальше, надеясь, что по истечении нескольких лет, когда иностранный ученый освоит язык и нравы новой страны, принявшая его семья использует свое влияние, чтобы помочь ученому занять место на государственной службе и таким образом приобрести «собственное скромное состояние» (*batir sa petite fortune*) [Lenz, 2007: 222]. Появляющееся в этом же месте слово “Client” показывает, что Ленц осознает, как трудно соединить идею общения между равными с такой благотворительностью, и все же изображает дружескую помощь ученому как вклад хозяина дома в дело общего просвещения и соединения всех. Таким образом, тема преодоления границ между отдельными людьми и сословиями

звучит у Ленца гораздо решительнее, чем у Новикова, и больше напоминает утопию.

Итак, можно думать, что Ленц, возвращаясь в Москве к пьесе 1772 г., не воспринимает замечания как отступление от прежних взглядов. Он соотносит свои практические проекты с новым культурным контекстом, но при этом вполне последовательно развивает по-прежнему занимающую его тему подлинного общения, которую можно считать центральной и для пьесы «Домашний учитель».

Список литературы

1. Бурикова С.А. «Новая эстетика» в драматургии Я.М.Р. Ленца: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
2. Иванов Д.А. Жанр трагедии в творчестве Шекспира (к постановке проблемы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 5. С. 53–78.
3. Леманн-Карли Г. Я.М.Р. Ленц и Н.М. Карамзин / Пер. Н.Ю. Алексеевой // XVIII век. № 20. СПб., 1996. С. 144–156.
4. Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951.
5. Gündel V. Jakob Michael Reinhold Lenz' Mitgliedschaft in der Moskauer Freimaurerloge "Zu den drei Fahnen" // Lenz-Jahrbuch. 1996. № 6. S. 62–74.
6. Hansen A. Der Hofmeister von J.M.R. Lenz: Ein Versuch einer Neuinterpretation. N.Y., 2000.
7. Lenz J.M.R. Moskauer Schriften und Briefe / Hrsg. und komm. von Heribert Tommek. 2 Bde. Berlin, 2007.
8. Lenz J.M.R. Werke und Schriften. Bd. 2. Stuttgart, 1967.
9. Scholz R. Zur Biographie des späten Lenz // Lenz-Jahrbuch. 1, 1991. S. 106–134.
10. Tommek H. Kommentarband // Moskauer Schriften und Briefe. Bd. 2. Berlin, 2007.
11. Tommek H. Moskauer Schriften und Briefe // J.M.R. Lenz-Handbuch. Berlin; Boston, 2017. S. 267–289.

Daniil Cherepanov

“DER HOFMEISTER” AND J.M.R. LENZ’ LATE WORK

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article dwells upon the relation between texts by J.M.R. Lenz created during his later years in Moscow (1781–1792) and his Strasbourg years. The focus is on ‘Der Hofmeister’ and remarks upon this play made by Lenz in Moscow. It is traditionally assumed that the play was a way to raise voice against education through private teachers. This view is partially based upon Lenz’ own words from the 1770’s. In Russia, however, Lenz stated that he intended only to improve the situation

of such teachers, not to abolish them. Analysis shows that this interpretation is due to the Russian context. The writer was closely related to the circle around Nikolay Novikov whose articles demonstrate that education in Moscow could not be imagined without private teachers. This study shows that Lenz still found in this circle many ideas familiar and dear to him. Prominently, Novikov's treatise 'O vospitanii i nastavlenii detej' (1783) / 'On Bringing Up Children' accentuates the same problems caused by education through private teachers, as Lenz in his 'Hofmeister'. Lenz thus makes a comeback to the topic of communication — or, rather, the lack thereof, — which was a matter of concern in Novikov's circle and can be considered to be the main idea of 'Hofmeister'. Therefore, it can be assumed that, from Lenz' point of view, his new interpretation of the play was not a retraction, but a consequent development of his opinions.

Key words: German literature; 18th century; Enlightenment; Sturm und Drang; J.M.R. Lenz; N.I. Novikov.

About the author: *Daniil Cherepanov* — PhD, Teaching Fellow at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ddcherep@gmail.com).

References

1. Ivanov D.A. To the Problem of Tragical Genre in Shakespeare's Works. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2016, 5, pp. 53–78. (In Russ.)
2. Lehmann-Carli G. J.M.R. Lenz i N.M. Karamzin [J.M.R. Lenz and N.M. Karamzin]. *XVIII vek*. [The 18th Century], 1996, 20, pp. 144–156. (In Russ.)
3. Gündel V. Jakob Michael Reinhold Lenz' Mitgliedschaft in der Moskauer Freimaurerloge "Zu den drei Fahnen". *Lenz-Jahrbuch*. 1996, 6, pp. 62–74.
4. Hansen A. *Der Hofmeister von J.M.R. Lenz: Ein Versuch einer Neuinterpretation*. N.Y., Peter Lang Publ., 2000. X, 302 p.
5. Lenz J.M.R. *Moskauer Schriften und Briefe*. 2 vols. Berlin, Weidler Verlag, 2007. X, 526, 814 p.
6. Scholz R. Zur Biographie des späten Lenz. *Lenz-Jahrbuch*, 1991, 1, pp. 106–134.
7. Tommek H. Kommentarband. *Moskauer Schriften und Briefe*. Vol. 2. Berlin, Weidler Verlag, 2007. 814 p.
8. Tommek H. *Moskauer Schriften und Briefe. J.M.R. Lenz-Handbuch*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, pp. 267–289.

УРАЛЬСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Ю.В. Казарин, Е.В. Петрухина

УРАЛЬСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ШКОЛА¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассмотрено формирование Уральской семантической школы (далее — УСШ) и достигнутые ею основные результаты. Руководитель школы — заслуженный деятель науки РФ профессор Л.Г. Бабенко. В истории школы прослеживаются три этапа: 1. Основание и становление (90-е годы XX в.); 2. Разработка концепций идеографических словарей (10-е годы XXI в.); 3. Развитие комплексных междисциплинарных исследований (20-е годы XXI в.). За весь период сформирован состав школы, защищено 10 докторских и около 40 кандидатских диссертаций, опубликовано 22 идеографических словаря, 30 монографий, 15 учебников и учебных пособий, 22 сборника научных статей и материалов конференций. Научная деятельность осуществлена в двух направлениях: 1) фундаментальное исследование актуальных проблем семантики слова, предложения и текста и 2) лексикографическая параметризация полученных результатов с использованием компьютерных технологий. Доминирующая тема — *«Идеографическая лексикография: новые типы словарей и их роль в сохранении и развитии русской национальной культуры»*. Достигнуты серьезные научные результаты в ее теоретической разработке и подготовке принципиально новых для рус-

---

Казарин Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: said55@ya.ru).

Петрухина Елена Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elena.petrukina@gmail.com).

¹ Уральская семантическая школа: Уральский федеральный университет // Энциклопедия когнитивной лингвистики: научные школы и направления. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Тамбов: ООО «Цифра», 2013. С. 14–29; Уральская семантическая школа: история, люди, события / [авт.-сост. Ю.В. Казарин]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 348 с.

ской и зарубежной лексикографии различных идеографических словарей: 1) словарей-тезаурусов списочного типа (словарей русских прилагательных, синонимов русского языка); 2) толково-идеографических словарей (словарей русских глаголов, существительных, синонимов, глагольных предложений, ключевых концептов и др.). В перспективе — создание Универсального идеографического словаря, Большого толкового словаря синонимико-антонимических комплексов.

Ключевые слова: Уральская семантическая школа; идеографическая лексикография; этапы формирования; достижения и перспективы.

Истоки и предпосылки формирования школы находятся в начале 1980-х годов, когда по инициативе проф. Э.В. Кузнецовой на кафедре современного русского языка Уральского госуниверситета была организована исследовательская группа «Русский глагол», которая продолжала работать и после ухода Эры Васильевны из жизни (в 1988 г.). На основе группы к концу 1990-х годов сформировалась Уральская семантическая школа [далее — УСШ], которой все эти годы и по настоящее время руководит заслуженный деятель науки РФ профессор Л.Г. Бабенко. Результатом деятельности УСШ в первый период стали монографии, в том числе: «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой» [1997] и «Русская глагольная лексика: денотативное пространство» [1999], а также толковый идеографический словарь русских глаголов [ТСРГ, 1999]. В первом десятилетии XXI в. были написаны новые монографии, учебники и создана серия идеографических словарей двух типов: во-первых, словарей-тезаурусов русского языка (синонимов русской речи [СТССР, 2007], русских прилагательных [СТРП, 2010]), во-вторых, толковых идеографических словарей русских существительных [БТСРС, 2007], русских глаголов [БТСРГ, 2007], семантических моделей русских глагольных предложений [РГПЭСС, 2002], синонимов русской речи [БТССРР, 2008]. Во втором десятилетии XXI в. были разработаны новые версии толковых идеографических словарей синонимов: толковых словарей, рассчитанных на широкого пользователя, на изучающих русский язык как родной и иностранный [ССРЯ, 2011; ССРЯС, 2011], осуществлено издание нового словаря-тезауруса синонимов русского языка [СТСРЯ, 2017], были опубликованы словарь ключевых концептов русского языка [КРЯКК, 2017], Проспект Универсального идеографического словаря русского языка [УИСРЯ].

Тема «*Идеографическая лексикография: новые типы словарей и их роль в сохранении и развитии русской национальной культуры*» стала главной и доминирующей в научной деятельности УСШ в течение всего времени существования Школы, она остается актуальной до сих пор. Были достигнуты серьезные научные результаты в разра-

ботке теоретических основ и подготовке принципиально новых для русской и зарубежной лексикографии идеографических словарей

К основным результатам УСШ в этой области можно отнести следующее: 1) полное идеографическое (понятийное) описание русской лексики различных грамматических классов: существительных, глаголов, прилагательных и др., на базе которого выявлены основные категории, формирующие русскую языковую картину мира; 2) определение наиболее значимых для русского национального сознания фрагментов языковой картины мира, полученных на основе данных идеографических словарей синонимов; 3) создание общей теории идеографической лексикографии, на основе которой разработана принципиально новая для лексикографии серия словарей активного типа; 4) выявление базовых ключевых концептов в русской языковой картине мира, структуры концептосферы русского языка, когнитивное моделирование ментальной сущности концептов, отображенное в словаре «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи»; 5) многоаспектное лексикографическое описание в полном объеме семантических моделей русских глагольных предложений. В настоящее время завершается работа над созданием Большого толкового идеографического словаря синонимов русской речи (5-й том), Комплексного идеографического словаря-тезауруса русского языка. Началась работа по созданию Большого толкового словаря синонимико-антонимических комплексов и серии авторских идеографических словарей (О. Мандельштама, И. Анненского и др.).

Это принципиально новые для русской и зарубежной лексикографии работы, соединяющие принципы толкового и идеографического словарей, построенные по принципу структурной иерархии лексико-семантических парадигм, при этом каждая лексическая единица получает толкование.

Научно-исследовательская деятельность УСШ не ограничивается только практической идеографической лексикографией, реально она осуществляется в двух направлениях: 1) фундаментальном исследовании актуальных теоретических проблем русского языка, текста и дискурса, 2) прикладном — внедрении и применении полученных результатов фундаментальных исследований в прикладных целях с использованием информационных и компьютерных технологий.

Фундаментальные исследования связаны с изучением теоретических проблем семантики слова, предложения и текста, теоретической лексикографии. Конкретные научные проблемы, решением которых в настоящее время заняты члены кафедры, следующие:

- семантика слова, предложения и текста в пространственном измерении (денотативное, лексико-семантическое и концеп-

туальное пространства), изучаемая в различных аспектах: структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом, прагматическом, социолингвистическом и др.

- русская лексика в антропологическом аспекте: особенности репрезентации русской языковой картины мира, её фрагментов; национально-культурный и образный компоненты в структуре языковой картины мира; проблема общего и специфического в языковых картинах мира;
- механизмы репрезентаций знаний о мире в словаре и дискурсе; ментальные репрезентации и пространства; когнитивная психология эмоций: эмотивная семантика и категоризация эмоций; концептосфера русского языка в динамике: от словаря к дискурсу; ключевые концепты и их репрезентации в русском языке и речи; когнитивное моделирование семантики слова, предложения и текста;
- репрезентация отношений тождества и противопоставления в языке (русские синонимы и антонимы) в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом отношении;
- идеографическая лексикография как основной инструмент познания и представления в лексикографических параметрах языковых картин мира. Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и национальной культуры: теоретические проблемы идеографической лексикографии, разработка концепций активных словарей нового типа, авторских идеографических словарей. Принципы и способы идеографического описания системной организации лексики разной грамматической и семантической природы;
- комплексное лингвистическое исследование природы художественного текста, разработка теоретических принципов и аспектов его анализа; обнаружение особенностей индивидуально-авторских картин мира, специфики идиостиля; изучение природы языковой и текстовой личности;
- дискурс-анализ в различных коммуникативных средах: художественном, политическом, юридическом, медийном и др.

Прикладные исследования включают следующие научные подходы:

- информационные технологии в лексикографии; создание, разработка и использование компьютерных технологий и программ: электронных баз данных, компьютерных картотек, программ обработки текстов и поиска по текстам и др. — для формирования словарных статей, хранения и обработки словарной информации;

- практика идеографической лексикографии, создание серии новых идеографических словарей русского языка;
- лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертиза конфликтных текстов; лингвистические исследования в сфере правовой коммуникации. Разработка, апробация и внедрение новых методик лингвистической экспертизы; решение диагностических и идентификационных задач в автороведческой экспертизе при помощи компьютерных технологий обработки текста.

Общее количество членов УСШ за весь период ее существования — более 50 человек, из них 10 докторов наук, более 40 кандидатов наук. В настоящее время Школа насчитывает около 20 членов, из них принимают активное участие в разработке коллективных научных проектов 17 человек, в том числе 5 докторов наук, 5 кандидатов наук. Члены УСШ в последние двадцать пять лет опубликовали 22 идеографических словаря (включая электронные версии, доработанные переиздания и проспекты), 30 монографий, 15 учебников и учебных пособий, 22 сборника научных статей и материалов конференций. Защищено 10 докторских, около 50 кандидатских диссертаций. Организовано и проведено более 30 научных конференций разного статуса и ранга: международных, российских, в том числе более двадцати Кузнецовских чтений в память об Эре Васильевне Кузнецовой.

Большую роль в лексикографической деятельности коллектива УСШ играет Научная лаборатория компьютерной лексикографии, официально организованная 1 февраля 2001 г. Главным приоритетом деятельности лаборатории является организация универсальной идеографической базы данных и техническое обеспечение лексикографических проектов: создание баз данных новых словарей и работа с ними; поиск иллюстративного материала из разных электронных источников: Национального корпуса, Машинного фонда института Русского языка АН РАН, Машинного фонда лексикографической лаборатории МГУ и мн. др.; компьютерный набор словарных статей в соответствии с разработанной моделью для каждого словаря, подготовка словарей к изданию (внесение редакторской правки, разметка и черновая верстка).

Из всего сказанного вытекает, что Уральская семантическая школа добилась значительных научных результатов, имеющих высокое теоретическое значение для дальнейшего развития когнитивной лингвистики в целом и для когнитивной семантики в частности, а также для системной лексикографии, лексикологии и фразеологии.

Список литературы

1. Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
2. Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999.
3. ТСРГ: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999. 694 с.
4. РГПЭСС: Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2002. 462 с.; Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. 2-е изд. Серия «Филологические словари русского языка». М., 2015. 470 с.; Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2016. 510 с.
5. БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005. 2-е изд. М., 2007. 864 с. (Фундаментальные словари).
6. БТСРГ: Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2007. 576 с. (Фундаментальные словари).
7. СТСРР: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2007. 632 с.
8. БТСРР: Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2008. 784 с.
9. СМРГП: Информационно-поисковая система: «Семантические модели русских глагольных предложений»; создана на базе «Экспериментального синтаксического словаря: Семантические модели русских глагольных предложений» / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. URL: <http://lexrus.rudefault.aspx?p=2814>
10. СТРП: Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам + CD с электронной версией словаря / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2010. 228 с. (автор-составитель): 2014 (2-е изд.), 2015 (3-е изд.); Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Серия «Филологические словари русского языка». 3-е изд. М., 2015. 864 с.
11. ССРЯ: Словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2011. 687 с.
12. ССРЯС: Современный словарь русского языка. Синонимы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2011. 832 с.
13. УИСРЯ: Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект. М.; Екатеринбург, 2015. 208 с.

14. КРЯ: Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.
15. Словарь-тезаурус синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2017. 447 с.
16. Уральская семантическая школа: Уральский федеральный университет // Энциклопедия когнитивной лингвистики: научные школы и направления. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Тамбов, 213. С. 14–29.
17. Уральская семантическая школа: история, люди, события / [авт.-сост. Ю.В. Казарин]. Екатеринбург, 2011. 348 с.

Yuri Kazarin, Elena Petrukhina

URAL SEMANTIC SCHOOL²

*Yeltsin Ural Federal University
19 Mira street, Yekaterinburg, 620002*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses the formation of the Ural Semantic School and the main results it has achieved. The head of the School is Liudmila Babenko, an Honoured Scholar of the Russian Federation. The history of the School may be divided into three stages, i.e. 1) its establishment and development (in the 1990's); 2) the formation of the concepts of ideographic dictionaries (in the 2000's); 3) the development of complex interdisciplinary studies (in the 2010's). During these periods, the School has formed its structure; additionally, its work has been reflected in 10 habilitation theses, 40 PhD theses, 22 ideographic dictionaries, 30 monographs, 15 textbooks and manuals, and 22 collections of articles and proceedings of conferences. The School's academic activity follows two main paths, i.e. 1) the fundamental study of relevant issues of the semantics of the word, sentence, and text; 2) the lexicographic parametrisation of the results attained with the use of computer technologies. The topic *Ideographic Lexicography: New Types of Dictionaries and Their Role in the Preservation and Development of Russian National Culture* has played a key role in the activity of the School. As regards the results of its activity so far, the School has come up with new theoretical provisions and innovative approaches both for Russian and non-Russian lexicography in

---

² Ural Semantic School. Ural Federal University // Encyclopaedia of Cognitive Linguistics: Scholarly Schools and Directions. All-Russian Public Organisation "Russian Association of Cognitive Linguistics Specialists". Tambov: ООО «Tsifra», 2013, pp.14–28. Ural Semantic School: History, People, Events // Compiled and authored by Yu.V. Kazarin]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2011, 348 p.

creating its ideographic dictionaries, i.e. 1) thesaurus-like dictionaries based on word lists (dictionaries of Russian adjectives, synonyms of the Russian language) and 2) explanatory ideographic dictionaries (dictionaries of Russian verbs, nouns, synonyms, verb sentences, key concepts, etc.). The School is planning to create a Universal Ideographic Dictionary, a Great Explanatory Dictionary of Synonym and Antonym Complexes.

Key words: Ural Semantic School; ideographic lexicography; formation stages; achievements and prospects.

About the authors: *Yuri Kazarin* — Prof. Dr. (Philology), Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg), Ural Institute for Humanities (Yekaterinburg, Russia) (e-mail: said55@ya.ru); *Elena Petrukhina* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com).

References

1. *BTSRG: Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Angliiskie ekvivalenty.* [Great Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2007, 576 p. (Fundamental'nye slovari).
2. *BTSRS: Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy.* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2005. 2 ed. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2007, 864 p. (Fundamental'nye slovari).
3. *BTSSRR: Bol'shoi tolkovyi slovar' sinonimov russkoi rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy.* [Great Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Speech: Ideographic Description, Antonyms, Phraseological Units] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2008, 784 p.
4. *KRYa: Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'.* [The Sphere of Concepts of the Russian Language: Key Concepts and their Representation in Language and Speech (with Reference to Lexis, Phraseology, and Paremiology)] Ed. by Prof. L.G. Babenko. 3rd Ed. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2017, 1020 p.
5. *RGPESS: Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'.* [Russian Verbal Sentences: Experimental Syntactic Dictionary] Ed. by Prof. L.G. Babenko. 2nd Ed. Moscow: Flinta-Nauka, 2002, 462 p.; *Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'.* [Russian Verbal Sentences: Experimental Syntactic Dictionary] Ed. by Prof. L.G. Babenko. 2nd Ed. Moscow: Izd-vo «Russkie slovari», Seriya «Filologicheskie slovari russkogo yazyka», 2015, 470 p.; *Russkie glagol'nye predlo-*

- zheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar'. [Russian Verbal Sentences: Experimental Syntactic Dictionary] Ed. by Prof. L.G. Babenko. 2nd Ed. Moscow: Slovare.ru, 2016, 510 p.
6. *Russkaya glagol'naya leksika: denotativnoe prostranstvo*. [Russian Verbal Lexicon: Denotative Space] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Yekaterinburg: Ural University Press. 1999, 460 p.
  7. *Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm: Pamyati Ery Vasil'evny Kuzntsovoi*. [Russian Verbal Lexicon: The Overlapping of Paradigms. In Memory of Era Vasilyevna Kuznetsova] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Yekaterinburg: Ural University Press, 1997, 520 p.
  8. *Slovar'-tezaurus sinonimov russkogo yazyka*. [Thesaurus Dictionary of Synonyms of the Russian Language] Ed. by Prof. L.G. Babenko. M., SLOVARI XXI v., 2017, 447 p.
  9. SMRGP: Informatsionno-poiskovaya sistema: «Semanticheskie modeli russkikh glagol'nykh predlozhenii»; sozdana na baze «Eksperimental'nogo sintaksicheskogo slovarya: Semanticheskie modeli russkikh glagol'nykh predlozhenii». [Reference and Search Engine: Semantic Models of Russian Verbal Sentences; Based on *Experimental Syntactic Dictionary: Semantic Models of Russian Verbal Sentences*] Ed. by Prof. L.G. Babenko. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2814>
  10. *SSRYa: Slovar' sinonimov russkogo yazyka*. [Dictionary of Synonyms of the Russian Language] Edited by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST: Astrel', 2011, 687 p.
  11. *SSRYaS: Sovremennyy slovar' russkogo yazyka. Sinonimy*. [Contemporary Dictionary of the Russian Language: Proposal] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST: Astrel', 2011, 832 p.
  12. *UISRYa: Universal'nyi ideograficheskii slovar' russkogo yazyka: prospect* [Universal Ideographic Dictionary of the Russian Language]. M.; Yekaterinburg, 2015, 208 p.
  13. *STRP: Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam + CD s elektronnoi versiei slovarya*. [Thesaurus Dictionary of Russian Adjectives Divided into Thematic Groups] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: Prospekt, 2010, 228 p. (compiler): 2014 (2nd Ed.), 2015 (3rd Ed.); Slovare.ru, 2016, 785 p.; *Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam + CD s elektronnoi versiei slovarya*. [Thesaurus Dictionary of Russian Adjectives Divided into Thematic Groups = CD with an Electronic Version of the Dictionary] Ed. by Prof. L.G. Babenko. 3rd Ed. Moscow: Izd-vo «Russkie slovari», Seriya «Filologicheskie slovari russkogo yazyka», 2015, 864 p.
  14. *STSR: Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi*. [Thesaurus Dictionary of Synonyms of Russian Speech] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2007, 632 p.
  15. *TSRG: Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy*. [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms] Ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-Press, 1999, 694 p.

16. *Ural'skaya semanticheskaya shkola: istoriya, lyudi, sobytiya*. [Ural Semantic School: History, People, Events] Compiled and authored by Yu.V. Kazarin. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2011, 348 p.
17. *Ural'skaya semanticheskaya shkola: Ural'skii federal'nyi universitet*. [Ural Semantic School. Ural Federal University] Entsiklopediya kognitivnoi lingvistik: nauchnye shkoly i napravleniya. Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov». [Encyclopaedia of Cognitive Linguistics: Scholarly Schools and Directions. All-Russian Public Organisation “Russian Association of Cognitive Linguistics Specialists”]. Tambov: OOO “Tsifra”, 2013, pp. 14–29.

Т.М. Воронина

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ СМЫСЛ «НЕОБХОДИМОСТЬ»
В СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НЕОБХОДИМЫЙ,
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ, НУЖНЫЙ, НЕПРЕМЕННЫЙ И ПОД.)¹**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19*

В современной лингвистике акцентируется значимость интерпретативной функции языка. Один из универсальных интерпретативных смыслов — необходимость; для необходимости как модального смысла выделяют различные частные значения, прежде всего такие, как объективная (онтологическая), деонтическая и субъективная (эпистемическая). В статье самостоятельным объектом изучения являются имена прилагательные со значением необходимости, отображающие смыслы «Необходимость / случайность» и «Обязательность / необязательность». На первом этапе мы рассмотрели прилагательное *необходимый* как прототип этой категории единиц, способный реализовать все четыре типа необходимости; проанализировали его семантику, употребление в контекстах, представленные в толковых и идеографических словарях. На втором этапе мы рассмотрели материал на фоне парадигматических связей: синонимических, антонимических, деривационных. Анализ показал, что соответственно выражаемым значениям лексемы группируются в 8 синонимических рядов. Прилагательное *необходимый* является доминантой только в случае одной из разновидностей онтологической внешней необходимости, а для остальных рядов основная семантическая идея с большей четкостью выражается другими лексемами, которые вступают в различные синонимические, антонимические и деривационные отношения. Четыре синонимических ряда (с доминантами *Необходимый*, *Неизбежный*, *Обязательный 1*, *Вынужденный*) выражают значение онтологической внешней необходимости; два синонимических ряда (с доминантами *Нужный*, *Обязательный 2*) выражают значение онтологической внутренней необходимости; лексемы *Обязательный 3* и *Обязательный 4* образуют синонимические ряды со значениями деонтической и эпистемической необходимости. Различие способов интерпретации действительности в сознании говорящего, реализуемых в семантике данных прилагательных,

---

Воронина Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: tmv313@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–02005).

дополнительно подчеркивается группировкой лексем, деривационно связанных с синонимическими рядами, и их антонимическими корреляциями. Таким образом, имена прилагательные способны выражать различные типы необходимости и соответственно разные способы интерпретации действительности в сознании говорящего, что подчеркивается особенностями их употребления и сочетаемости, а также спецификой парадигматических связей. Эти данные должны находить отражение при репрезентации смысла *необходимость* в идеографическом словаре.

Ключевые слова: интерпретация; модальность; прилагательные со значением необходимости; синонимия; идеографический словарь.

Введение

В современной когнитивной лингвистике акцентируется мысль о том, что одной из важнейших функций языка является интерпретативная. Н.Н. Болдырев, говоря об интерпретирующем характере языка как проявлении его антропоцентрической природы, утверждает, что есть «основание говорить о третьей ключевой, помимо когнитивной и коммуникативной, интерпретирующей функции языка [Болдырев, 2016: 11]. По его мнению, интерпретативную модель мира отражают прежде всего модусные категории: «Интерпретация знаний о мире является основной функцией оценочных и, шире, модусных концептов и категорий в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: отрицание, модальность, эвиденциальность, определенность / неопределенность, приближенность, экспрессивность, тональность и др.» [Болдырев, 2016: 15]. Интерпретационные смыслы оказываются в фокусе внимания при описании семантики — когда, например, в толкование включается модальная рамка. Модальность — широко исследуемая категория в грамматике, поскольку она «является одним из основных “эгоцентрических” механизмов естественных языков» [Плунгян, 2011: 318].

Данное исследование посвящено рассмотрению семантики лексем, отображающих смыслы *необходимость / случайность* и *обязательность / необязательность* и образующих соответствующие подгруппы в составе группы «Универсальные смыслы» (наряду с группами «Возможность / невозможность», «Неопределенность / определенность», «Неограниченность / ограниченность» и т.д.) — в соответствии с идеографической сеткой, разработанной руководителем Уральской семантической школы профессором Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2015 а]. Рассматривая классы слов, отображающих универсальные смыслы и отношения, Л.Г. Бабенко подчеркивает их семантическую и когнитивную специфику: «уникальность их семантики — предельная обобщенность, отвлеченность, а также когнитивная функция — осуществление модусной интерпретации и категоризации действительности» [Бабенко, 2015 б: 684].

Лексемы с модальной семантикой в идеографических словарях

В практике идеографической лексикографии единицы с модальной семантикой традиционно выделяются в особые группы. При этом о сложности лексикографического описания интерпретационных смыслов свидетельствуют значительные расхождения в том, как они представляются в словарях. Например, в Русском семантическом словаре [РСС, электр. ресурс] в третьем томе среди имен существительных с абстрактной семантикой выделен класс «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценностность». Интересующие нас подгруппы с семантикой необходимости располагаются внутри группы «Модальность» в идеографической сетке следующим образом: смыслы *неизбежность*, *неотвратимость*, *несомненность* отнесены в группу «Реальность. Достоверность. Неотвратимость. Несомненность. Определенность» и таким образом включены в противопоставление по признаку реальность / нереальность; смыслы *обязательность*, *ожидаемость* включены в группу «Возможность. Осуществимость. Обязательность. Неопределенность», которая в свою очередь противопоставлена другой группе, включающей смыслы *долженствование*, *необходимость*, *надобность*. В четвертом томе Русского семантического словаря среди модальных глаголов смысл *обязательность* специально не выделен, а к необходимости и долженствованию добавляется еще один смысл — *вынужденность*.

В словаре «Лексическая основа русского языка» *необходимость* и *обязательность* объединены в одной подгруппе и наряду с возможностью / невозможностью и намерением включены следующие классы: 3.3. предпосылки волевого акта < 3.0. воля < Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния; кроме того, *необходимость* включена в группу Причинность в составе класса I. Абстрактные отношения и формы существования материи [Лексическая основа русского языка, 1985].

Возможно, это связано с тем, что в различных теориях иерархия модальных значений, в том числе необходимости, выстраивается по-разному.

Модальность необходимости в кругу смежных явлений

В концепции функционально-грамматического описания языка, выполненного Санкт-Петербургской школой функциональной грамматики, значения возможности и необходимости рассматриваются в сфере потенциальности как предикативной ирреальной модальности: «Оценка модальным субъектом некоторой предметной ситуации как возможной предполагает, что детерминирующий фактор допускает

как «положительное разрешение» потенциальной ситуации (ее реализацию), так и «отрицательное» (ее нереализацию)»; необходимость предполагает только один вариант развития ситуации, т.е. некоторый «исход ситуации оценивается как абсолютно предпочтительный». Эпистемическая модальность выделяется на том же макроуровне, что и предикативная модальность и модальность волеизъявления; эпистемическая модальность определяется как степень познанности говорящим описываемой связи между субъектом и признаком и разделяется на два значения — вероятности и достоверности [Беляева, Цейтлин, 1990: 123–126].

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев выделяют онтологическое долженствование, которое далее делится на алетическое и деонтическое («Алетическое долженствование связано с объективными потенциями реального мира, деонтическое — с нормативным и ненормативным поведением»), и эпистемическое долженствование («уверенное заключение относительно какой-л. ситуации») [Булыгина, Шмелев, 1991: 15].

В Русской корпусной грамматике [Падучева, 2014: электр. ресурс] три вида необходимости выделяются на одном уровне: онтологическая понимается как логическая необходимость; деонтическая необходимость — это обязательство; эпистемическая необходимость — это убеждение говорящего в высокой вероятности ситуации.

Лексические средства выражения необходимости в теории функциональной грамматики представлены в виде функционально-семантического микрополя. К ним относятся конструкции с модальными лексемами *вынужден, принужден, следует, стоит, надлежит*, существительные *долг, обязанность*, глагольно-именные обороты *иметь смысл, есть необходимость*. Особое положение в системе этих средств занимает лексема *должен*. По словам С.Н. Цейтлин, «эта лексема наиболее точно передает общее значение необходимости, причем она может быть использована для передачи всех без исключения семантических вариантов данного значения» [Цейтлин, 1990: 147].

Материал исследования

Материал для исследования модальных смыслов обычно составляют единицы, устанавливающие отношение возможности между субъектом и предикатом высказывания либо применительно ко всему высказыванию в целом: модальные глаголы, предикативы и краткие прилагательные. В процессе нашей работы над этими группами толкового идеографического словаря синонимов [Большой толковый словарь синонимов русской речи: в печати] выяснилось,

что существует достаточно большое количество прилагательных с семантикой необходимости, обязательности.

Отмеченная абстрактность семантики группы могла бы предполагать анализ отвлеченных существительных (ср. сами названия групп: «Возможность», «Необходимость» и т.п.). Однако проблема в их лексикографической презентации состоит в том, что в толковых словарях либо к подобным существительным даются синонимические толкования, т.е. семантические различия между ними не прослеживаются, например:

необходимость. Надобность, потребность [СОШ, электр. ресурс];

необходимость. 2. Обязательность, неизбежность, закономерность [РСС, электр. ресурс];

либо они толкуются через производящие прилагательные, а сами прилагательные — друг через друга, соответственно семантические различия между ними также не прослеживаются и отнесение их к идеографическим группам затруднительно:

необходимость. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: необходимый;

необходимый. 1) Такой, без которого нельзя обойтись; очень нужный. 2) Обязательный, неизбежный.

обязательный. 1) а) Необходимый для исполнения; неперенный.

неперенный. Совершенно обязательный [Ефремова 2006].

Таким образом, словарные толкования и идеографическое распределение подобных прилагательных требуют уточнения.

Семантика прилагательного *необходимый*

На первом этапе мы рассмотрели семантику и употребление прилагательного *необходимый* как прототипа исследуемой категории единиц с целью проверить, реализует ли оно все четыре типа необходимости, обозначенные в Русской корпусной грамматике: онтологической внешней и внутренней необходимости, деонтической и эпистемической.

В словарях выделяется два—четыре (с учетом оттенков) модальных значения для данного прилагательного:

необходимый. 1. Такой, без которого нельзя обойтись, нужный.

2. Обязательный, неизбежный [СОШ, электр. ресурс];

необходимый. 1. Такой, без которого трудно, невозможно обойтись; нужный. 2. Такой, который нужно обязательно сделать, осуществить. 3. Неизбежный, обязательный. 4. Филос. Закономерный, вытекающий из самой природы вещей [БТС, электр. ресурс].

Анализ примеров употребления прилагательного *необходимый* по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ, электр.

ресурс] показывает, что оно репрезентирует все четыре типа необходимости:

1. Эпистемическую необходимость, которая выражается в том случае, когда о реальности ситуации у говорящего нет достоверного знания, но он убежден в высокой вероятности этой ситуации: *Собрав богатый материал, превратив его в обжигающий своей драматической глобальностью сюжет, автор тем не менее отказался от последнего слова, от, казалось бы, необходимого авторского комментария, и я думаю, именно потому роман состоялся* [В. Ерофеев. Герой-предатель // «Огонек», 2014] — ‘по мнению говорящего, существовала высокая вероятность появления авторского комментария’.

2. Онтологическую внешнюю необходимость, которая обусловлена какими-либо внешними объективными обстоятельствами: *Мы встретились — это была случайность; мы полюбили друг друга — это было необходимым последствием нашей встречи!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)] — ‘встреча обусловила то, что герои полюбили друг друга’.

3. Онтологическую внутреннюю необходимость, которая обусловлена потребностями субъекта: *... уезжая весной 1917 года в Петроград, родители наши рассчитывали летом вернуться и потому увезли только самые необходимые вещи* [Л.К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец — Корней Чуковский (1971)] — ‘вещи, которые требуются в определенной ситуации, без которых трудно обойтись’.

4. Деонтическую необходимость, которая обусловлена чьими-либо требованиями, обязательствами перед кем-, чем-либо: *Несколько компаний, в том числе «Роснефть», отказались предоставить необходимые документы, и дело дошло до суда* [Е. Корицина. Обязали разглашать (2010.08.18) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/tek/503285.shtml>, 2010] — ‘документы, которые компания обязана предоставить по требованию’.

Синонимические комплексы как средства выражения модальных значений необходимости

На втором этапе мы рассмотрели материал на фоне парадигматических связей: синонимических, антонимических, деривационных.

Анализ показал, что соответственно выражаемым значениям лексемы группируются в восемь синонимических рядов, причем, как представляется, прилагательное *необходимый* является доминантой только в случае (1) — одной из разновидностей онтологической внешней необходимости, а для остальных рядов основная семантическая идея с большей четкостью выражается другими лексемами, которые вступают в различные синонимические, антонимические

и деривационные отношения. Как подчеркивает Л.Г. Бабенко, для лексико-семантической системы важны различные типы отношений, связывающих близкие по семантике лексемы между собой. Обосновывая включение в словарную статью идеографического словаря синонимов зон антонимических корреляций и синонимических рядов, словообразовательно связанных с заголовочным, она отмечает: «Макроструктура каждой словарной статьи “Большого идеографического словаря синонимов русской речи” смоделирована таким образом, что она позволяет отобразить всю совокупность смыслов, регулярно выражаемых всеми синонимическими рядами, составляющими одну смысловую микрогруппу и включенными в словарную статью с учетом их статуса в качестве основного синонимического ряда или близкородственного ему» [Бабенко, 2018: 87].

Итак, рассмотрим синонимические ряды прилагательных, выражающие различные типы необходимости, на фоне близкородственных деривационных синонимических рядов, а также антонимических корреляций.

А. Синонимические ряды прилагательных со значением онтологической внешней необходимости

(1) **Необходимый**, закономерный, предсказуемый, ожидаемый, *книжн.* облигаторный ‘такой, существование или осуществление которого является логическим следствием из чего-л.’: *Мы встретились — это была случайность; мы полюбили друг друга — это было необходимым последствием нашей встречи!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]; *Мы, конечно, всегда работаем, даже с тем, что, как нам говорят, невозможно развить, и надеемся, но когда что-то получается, нельзя сказать, что это ожидаемый и закономерный результат* [О. Тимофеева. Выход № 1465 // Русский репортер, 2015].

Словообразовательными корреляциями в данном случае являются ряды производных существительных — *Необходимость, закономерность, предсказуемость, ...*; а также наречий — *Необходимо, закономерно, предсказуемо, ...*, среди которых как маркер реализации именно этого смысла отметим единицу *с необходимостью*, которая больше не фигурирует ни в одном из синонимических комплексов; таким же маркером является антонимическая корреляция *случайный*.

(2) **Неизбежный**, верный, неминуемый, необходимый, неотвратимый, непредотвратимый, обязательный, *книжн.* фатальный, *устар.* роковой, *устар.* фаталистический, *трад.-поэт.* неминучий ‘такой, который произойдет, наступит, свершится обязательно (о чем-л. негативном)’: *Все в жизни казалось ей неизбежным, она привыкла подчиняться не думая и теперь только заплакала тихонько, не находя слов в сердце, сжато горем и тоской* [М. Горький. Мать (1906)]; *Он сдался и принял это как необходимое и меньшее зло* [М. Валева. Кусаки, ры-

жий бес // Наука и жизнь, 2008]. Специфика семантической идеи данного синонимического ряда состоит во включении в качестве событийного актанта какой-л. ситуации, которая отрицательно оценивается субъектом.

Словообразовательными корреляциями выступают ряды производных существительных и наречий, среди которых следует выделить единицу с *неизбежностью*, антонимические же корреляции отсутствуют.

(3) **Обязательный**¹, необходимый, неременный, *книжн.* облигаторный ‘такой, который всегда присутствует в мире или фрагменте мира’: *Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость. Даже родители, обязательные, неизменные до этого, сейчас не виделись впереди* [Р. Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009]; *Все-таки он производил вполне устойчивое впечатление литератора, профессионала шаманского нашего дела, и несмотря на необходимые чудачества, в нем виден был вполне надежный и крупный современный поэт* [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // Новый Мир, 1976].

Словообразовательные корреляции этого ряда — ряды производных существительных и наречий, однако более важны в данном случае антонимические корреляции: *необязательный*, а в специальных контекстах — *факультативный*.

(4) **Вынужденный**, обязательный, необходимый, принужденный ‘такой, осуществление которого диктуется обстоятельствами, совершаемый кем-л. не по своей воле’: *Устав от вынужденного безделья и скуки, я бежал с южного курорта в хмурый, но милый Ленинград* [И.А. Ефремов. Озеро горных духов (1942–1943)]; *Вспомним, что у нас долгое время дело стояло в том, что свободный труд производительнее обязательного!.. Да и этой простой истины не хотели понять многие!..* [Н.А. Добролюбов. Литературные мелочи прошлого года (1859)].

Словообразовательные корреляции — ряды существительных и наречий, среди которых следует отметить выражение *по необходимости*, антонимические корреляции — *необязательный, добровольный, свободный*.

Б. Синонимические ряды прилагательных со значением онтологической внутренней необходимости

(5) **Нужный**, желаемый, желательный, необходимый, обязательный, требуемый, требующийся, нелишний, *книжн. устар.* потребный, *разг.* надобный ‘такой, который следует или хочется иметь кому-л., без которого трудно или невозможно обойтись’: *Мы сложили в мою «Победу» нужные вещи и припасы и отправились в сторону Калужской области, за город Юхнов* [В. Дудинцев. Белые одежды / Третья часть

(1987)]; *Таким образом, наш обычный язык — обязательное орудие, без которого науке не обойтись* [К. Левитин. Изреченная мысль. Встреча четвертая // «Знание — сила», 2009].

Словообразовательные корреляции для данного ряда более разветвленные. Среди рядов существительных есть не только синтаксические дериваты (*Нужность, желательность* и под.), но и такие, которые обозначают саму ситуацию, состояние субъекта: *Нужда, потребность, необходимость, надобность, потребность*. Наречные ряды отсутствуют, но есть ряды модальных слов *Нужно, надо, необходимо, устар. надобно*, а также конверсивные по отношению друг к другу глагольные ряды, характеризующие ситуацию со стороны объекта (*Требоваться / потребоваться, понадобится*) и субъекта (*Нуждаться, требовать*).

Антонимическую корреляцию составляет ряд прилагательных *Ненужный, нежелательный, необязательный, излишний, лишний*.

(6) **Обязательный2**, необходимый, неперемный, нужный ‘такой, который кто-л. осуществляет в соответствии с его намерением, планом’: *Выходя в прогулочный дворик, я не мог заставить себя начать свой обязательный бег — подолгу стоял, запрокинув голову, и смотрел на небо* [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]; *И все из-за того, что переводчик поставил себе неперемную целью сохранить количество шекспировских строк неизменным* [К.И. Чуковский. Высокое искусство (1968)].

Словообразовательную корреляцию составляют производные наречия, антонимическую — прилагательное *необязательный*. От деонтической модальности, рассмотренной далее, выражаемый смысл отличается совпадением субъекта необходимости и субъекта воли.

В. Синонимический ряд прилагательных со значением деонтической необходимости

(7) **Обязательный3**, должный, нужный, положенный, неперемный, императивный, необходимый, подобающий, надлежащий, требуемый, предписанный, принятый, непреложный, неукоснительный ‘такой, существование, осуществление которого диктуется волей (требованием) какого-л. субъекта или правилами, законами, нормами’: *Но право, пользование которым становится обязательным, превращается в повинность* [В.О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 41–53 (1904)]; *Похоже, спутников для него подобрали по случаю, без должной подготовки к опасному заданию* [В. Быков. Болото (2001)].

Словообразовательные корреляции достаточно разветвленные: это и существительные *Долг, обязанность, обязательство*; и глаголы, слова категории состояния и прилагательные со значением долженствования: *Должен, обязан; Требуется; Должно, подобает, следует*,

велено, принято; Приходится, придется; Положено, полагается. Антонимические корреляции отсутствуют.

Г. Синонимический ряд прилагательных со значением эпистемической необходимости

(8) **Обязательный4**, должный, непременный, точный, *разг., перен.* железный, *разг. -сниж.* беспременный ‘такой, осуществление которого говорящий считает в очень высокой степени вероятным’: *Он всегда совершенно точно знал, чего хочет, и отлично предвидел опасности, возможные последствия и обязательные неприятности* [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)]; *...<страх> не исчез, но тоже стал привычным, будничным, чем даже моя бездомность и должная наступить рано или поздно нищета* [А. Кабаков. Последний герой (1994–1995)].

Словообразовательные корреляции — ряд производных наречий, прилагательное *должен*, а также ряд вводных слов со значением уверенности: *Скорее всего, вероятнее всего, должно быть, конечно, разумеется* и под.

Антонимическую корреляцию в данном случае могли бы составить единицы со значением эпистемической возможности (*Предполагаемый, вероятный, возможный, гипотетический, гипотетичный, допустимый, мыслимый, потенциальный, предположительный*), однако четкого бинарного противопоставления здесь, скорее всего, нет, поскольку эпистемическая оценка является градуальной: невозможный — возможный — обязательный.

Заключение

Таким образом, в семантической сфере «Универсальные смыслы» рассмотренные имена прилагательные и синонимические ряды выражают различные типы необходимости и соответственно разные способы интерпретации действительности в сознании говорящего. Кроме того, конкретизация семантики может выводить некоторые из рассмотренных синонимических рядов за рамки сферы «Универсальные смыслы». Так, **Обязательный3**, должный, нужный, положенный, непременный, императивный, необходимый, подобающий, надлежащий, требуемый, предписанный, принятый, непреложный, неукоснительный ‘такой, существование, осуществление которого диктуется волей (требованием) какого-л. субъекта или правилами, законами, нормами’ — не в чистом виде модальный смысл деонтической необходимости, поскольку компоненты ‘требование субъекта’, ‘правила, нормы’ относят данный синонимический комплекс к социальной сфере; **Нужный**, желаемый, желательный, необходимый, обязательный, требуемый, требующийся, нелишний, *книжн. устар.*

потребный, *разг.* надобный ‘такой, который следует или хочется иметь кому-л., без которого трудно или невозможно обойтись’ — это и сфера внутреннего мира человека, а именно прагматической, утилитарной оценки; **Обязательный2**, необходимый, неременный, нужный ‘такой, который кто-л. осуществляет в соответствии с его намерением, планом’ — здесь мы также видим пересечение со сферой внутреннего мира человека, а именно интеллектуальной деятельностью.

Эти особенности подчеркиваются особенностями употребления и сочетаемости рассмотренных лексем и рядов, а также спецификой парадигматических связей. Эти данные должны находить отражение при репрезентации смысла *необходимость* в идеографическом словаре.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Когнитивные основания репрезентации универсальных смыслов и отношений в словарях-тезаурусах русского языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. 2015 б. С. 683–685.
2. *Бабенко Л.Г.* Моделирование семантики русских синонимов в идеографическом словаре (на материале словарных статей синонимов с эмоциональной семантикой) // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 81–99.
3. *Бабенко Л.Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Екатеринбург, 2015 а. С. 22–42.
4. *Беляева Е.И., Цейтлин С.Н.* Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 123–126.
5. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
6. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. В печати.
7. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с. // Gramota.ru [сайт]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&pe=x&word=%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 01.02.2019).
8. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 14–21.
9. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: около 160000: В 3 т. М., 2006.

10. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984. 1168 с.
11. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.02.2019)
12. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014 // Проект корпусного описания русской грамматики Rusgram.ru [сайт]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 01.02.2019).
13. Плуменя В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. 672 с.
14. РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. // Словари.ру [сайт]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672>. (дата обращения: 01.02.2019)
15. СОШ: Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2005. 944 с. // Словари.ру [сайт]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 01.02.2019)
16. Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 142–156.

Tatyana Voronina

**THE INTERPRETATIVE MEANING
OF NECESSITY IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN
ADJECTIVES ('NEOBKHODIMY' / IMPORTANT,
'OBYAZATELNY' / IMPERATIVE, 'NUZHNY' / NECESSARY,
'NEPREMENNY' (MANDATORY))**

*Yeltsin Ural Federal University
19 Mira street, Yekaterinburg, 620002*

Modern linguistics places special emphasis on the interpretative function of the language. One of the universal interpretative meanings is that of necessity. Necessity as a general modal meaning includes more specific meanings such as objective (ontological), deontic and subjective (epistemic) necessity. The article focuses on Russian adjectives with the meaning of necessity, particularly the meanings of 'necessity / contingency' or 'obligation / absence of obligation'. At the first stage we considered the Russian adjective '*neobkhdimiy*' as a prototype for this category of units. This adjective can realize all the four types of the meaning of necessity. We analyzed its semantics, usage in different contexts, and the ways its meaning is described by explanatory and ideographic dictionaries. At the

second stage, we considered this adjective in the light of its paradigmatic relations: synonymic, antonymic and derivational. Our analysis has shown that depending on their meanings, lexemes can be grouped into 8 synonymic chains. Adjective ‘*neobkhodimy*’ is dominant only in one type of meaning, that of ontological external necessity while in other chains the main semantic idea is more clearly conveyed by other lexemes, which enter into various synonymic, antonymic and derivational relationships. Four synonymic chains (with the dominants ‘*neobkhodimy*’ (necessary), ‘*neizbezhny*’ (inevitable), ‘*obyazatelny*’1 (obligatory), and ‘*vynuzhdenny*’ (forced)) express the meaning of ontological external necessity. Two synonymic chains (with the dominants ‘*nuzhny*’ (needed), ‘*obyazatelny*’2 (obligatory)) express the meaning of ontological internal necessity; lexemes ‘*obyazatelny*’3 and ‘*obyazatelny*’4 form synonymic chains with the meanings of deontic and epistemic necessity. The different ways of interpreting reality that exist in the mind of the speaker and are realized in the semantics of these adjectives are further emphasized through the grouping of lexemes derived from the words in the synonymic chain (entry words) and their antonymic correlations. Thus, adjectives can express different types of necessity and, therefore, different ways of interpreting reality, which is highlighted by the peculiarities of their usage, combinability and their paradigmatic relations. These data should be reflected in the representation of the meaning of *necessity* in ideographic dictionaries.

Key words: interpretation; modality; adjectives with the meaning of necessity; synonym; ideographic dictionary.

About the author: *Tatyana Voronina* — PhD (Philology), Associate Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (e-mail: tmv313@yandex.ru).

References

1. Babenko L.G. Kognitivnye osnovaniya reprezentatsii universal’nyh smyslov i otnoshenij v slovarjah-tezaurusah russkogo yazyka [Cognitive foundations of representations of universal meanings and relations in thesauri of the Russian language]. *Kognitivnye Issledovaniya Jazyka [Cognitive Studies of Language]*, 2015b, XXII, pp. 683–685. (In Russ.)
2. Babenko L.G. Modelirovanie semantiki russkikh sinonimov v ideograficheskom slovare (na materiale slovarnykh statey sinonimov s emotivnoy semantikoy) [Modeling of Russian synonym semantics in a conceptual dictionary (on the basis of dictionary entries of synonymic sets with emotive semantics)]. *Voprosy Leksikografii*, 2018, 13, pp. 81–99. (In Russ.) doi: 10.17223/22274200/13/5.
3. Babenko L.G. Sinopsis (svod) ideograficheskoy klassifikatsii russkoy leksiki (obshchaya global’naya struktura slovarya) [Synopsis of Ideographic Classification of Russian Lexicon (General Structure of the Dictionary)]. *Universal’nyy ideograficheskiy slovar’ russkogo yazyka: prospekt [Universal Ideographic Dictionary of the Russian Language: Proposal]* / Ed. by L.G. Babenko. Moscow, Ekaterinburg, *Kabinenty Ucheny*, 2015a, pp. 22–42. (In Russ.)

4. Belyaeva E.I., Tseitlin S.N. Sootnoshenie znachenij vozmozhnosti i neobhodimosti v semanticheskoj sfere potencial'nosti [Relation between meanings of possibility and necessity in the semantic sphere of potentiality]. *Teorija Funkcional'noj Grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka, 1990, pp. 123–126. (In Russ.)
5. Boldyrev N.N. Kognitivnye shemy jazykovoj interpretacii [Cognitive schemes of linguistic interpretation]. *Voprosy Kognitivnoj Lingvistiki*, 2016, 4, pp. 10–20. (In Russ.) doi: 10.20916/1812–3228–2016–4–10–20.
6. Bol'shoj tolkovyj slovar' sinonimov russkoj rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy [Big explanatory dictionary of synonyms of the Russian language: ideographic descriptions, antonyms, phraseologisms] / edited by Prof. L.G. Babenko. — in print (In Russ.)
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. [Big explanatory dictionary of the Russian language] Ed. by S.A. Kuznetsov. St.Petersburg, *Norint*, 2001. 1536 p. *Gramota.ru* [web-site]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&pe=x&word=%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%B9> (accessed: 01.02.2019) (In Russ.)
8. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Koncept dolga v pole dolzhenstvovaniya [Concept of debt in the semantic field of obligation]. *Logicheskij Analiz Jazyka. Kul'turnye Koncepty* [Logical Analysis of Language. Cultural Concepts]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 14–21. (In Russ.)
9. Efremova T.F. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 160000 [Contemporary explanatory dictionary of the Russian language: approximately 160,000]: in 3 volumes. Moscow, *Astrel: AST*, 2006. (In Russ.)
10. Leksicheskaja osnova russkogo jazyka: Kompleksnyj uchebnyj slovar' [Lexical foundation of the Russian language: comprehensive learners' dictionary] / edited by V.V. Morkovkin. Moscow, *Russkij jazyk*, 1984. 1168 p. (In Russ.)
11. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Russian National corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 01.02.2019) (In Russ.)
12. Paducheva E.V. Modal'nost'. Materialy dlja proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki [Modality. Materials for the project of corpus-based description of Russian grammar]. Manuscript. Moscow, 2014 // *Proekt korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* [Project of corpus-based description of Russian grammar]. *Rusgram.ru* [web-site]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed: 01.02.2019) (In Russ.)
13. Plungyan, V.A. Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammar meanings and grammar systems of world languages]. Moscow, *Russian State University for the Humanities Publ.*, 2011. 672 p. (In Russ.)
14. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klasam slov i znachenij [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary,

- systematized according classes of words and meanings] / edited by N.Y. Shvedova. Moscow, *Azbukovnik*, 1998. *Slovari.ru [web-site]*. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672> (accessed: 01.02.2019) (In Russ.)
15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and idiomatic expressions] / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. Moscow, *Azbukovnik*, 2005. 944 p. *Slovari.ru [web-site]*. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (accessed: 01.02.2019) (In Russ.)
  16. Tseitlin S.N. Neobhodimost' [Necessity]. *Teorija Funkcional'noj Grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, *Nauka*, 1990, pp. 142–156. (In Russ.)

А.М. Плотникова

«ПРИЗРАЧНЫЕ» ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТОЛКОВЫХ И ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19*

В статье рассматривается феномен «призрачных» слов, то есть таких лексических единиц, которые, будучи представленными в толковых и идеографических словарях русского языка, не фиксируются в корпусах текстов или имеют единичные фиксации. Дается характеристика значений «призрачных» прилагательных (например, *какаоовый, мотоциклетский, пододеяльничковый, фетишистический, швабровый*), анализируются особенности их семантизации в словарях. Исследование, проведенное на базе словаря-тезауруса русских прилагательных под редакцией Л.Г. Бабенко, позволило сделать вывод о распределении исследуемых прилагательных по идеографическим классам. В результате исследования обнаружено, что значительная часть «призрачных» прилагательных сконцентрирована в сфере физиологических и бытовых потребностей человека, идеографических сферах «Транспорт», «Техника», в то время как в сферах «Оценка», «Восприятие» и «Эмоции» «призрачные» прилагательные почти не содержатся. Причина такого распределения заключена в специфике значений качественных и относительных прилагательных, привязанности первых к субъективным оценкам и обращенности вторых к вещному миру. Несмотря на высокую концентрацию относительных прилагательных в классах «Общественно-государственная сфера», «Социальная сфера жизни человека», число «призрачных» слов здесь невелико, что объясняется развитием многозначности в сфере социальной лексики, более сложными связями прилагательных с производящей основой и появлением метафорических значений как у производящего существительного, так и у производного прилагательного (например, *фаворитский* — в спорте: имеющий наи-

---

Плотникова Анна Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: annamp@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–02005).

большие шансы на первенство). Плотность «призрачных» прилагательных в отдельных классах (например, в идеографическом классе «Одежда»), является свидетельством того, что лакунарность признаков картины мира сознательно восполняется лексикографами. Обсуждается проблема вариантности и паронимии в сфере «призрачных» прилагательных. Паронимические ряды, включающие «призрачные» прилагательные, например: *скоморошеский*, *скоморошинический*, *скоморошный*, демонстрируют богатые словообразовательные возможности языковой системы.

Ключевые слова: прилагательные; идеографический словарь; идеографические классы; семантика; русский язык.

Введение

На периферии словарного состава языка находится огромное количество малоупотребительных, редких в силу их устаревшего или устаревающего характера слов, которые с точки зрения их восприятия носителями языка рассматриваются как агнонимы. Помимо таких слов, в современных толковых и идеографических словарях представлены лексические единицы, которые не вызывают сложностей в понимании, но встречаются лишь в единичных контекстах. Например, в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ, электр. ресурс] не зафиксировано ни одного контекста на слова *пододеляльниковый*, *пуловерный*, *мокасинный*, *склочнический*, *переплетчицкий*, между тем как эти слова получают фиксацию в толковых и идеографических словарях.

Рассматривая древние тексты, в которых встречается ошибочное написание слова, И.Г. Добродомов говорит о существовании призрачных слов: «Призрачность ошибочно возникшего слова может касаться как самого слова, его грамматической характеристики (левой стороны словарной статьи), так и его истолкования, семантической характеристики (правой стороны словарной статьи). Так называемые гапаксы — слова, встречающиеся в текстах только один раз, — обычно оказываются кандидатами в призрачные слова, что чаще всего и оправдывается в результате дальнейших уточнительных разысканий» [Добродомов, 1982]. В научной литературе существуют различные термины для описания этого феномена: «мнимое слово», «ложное слово», «слово-призрак» (О.С. Ахманова), «призрачное слово» (М.В. Боброва), «темное слово», «лексикографический фантом» (А.С. Журавлев), «словарный фантом» (В.В. Шаповал) «мнимое слово» и «лексикографическая фикция» (А.М. Молдован), «псевдонеологизм», «псевдогапакс» (Л.Ю. Астахина) (обзор работ представлен в [Боброва, 2014]). Исследователи пишут об ошибочных фиксациях

слов в исторических памятниках, впоследствии и словарях, а также рассматривают ошибки в представлении диалектного материала. К фактам литературного языка обращается А.В. Жуков, анализируя псевдофразеологизмы [Жуков, 2009].

Рассматриваемые нами прилагательные, зафиксированные в толковых и идеографических словарях, однако не имеющие фиксации или имеющие единичную фиксацию в корпусе, можно назвать призрачными лишь условно, так как речь не идет об их ошибочной фиксации. Данные слова рассматриваются как потенциальные (хотя в строгом смысле термина «потенциальное слово» они такими не являются, так как уже получили словарную фиксацию) и образованные по продуктивной словообразовательной модели. Вопрос реальности или нереальности таких слов является дискуссионным.

Большое количество потенциальных производных или редко употребительных слов представлено в Словообразовательном словаре под ред. А.Н. Тихонова. Например, в словообразовательное гнездо с производящей основой *конверт* включается наряду с употребительным деминутивом *конвертик* производящие с невысоким индексом частотности: *конвертный*, *конвертопакетный*, *конвертовать*, *конвертование*, *конвертовка*, *законвертовать*, *законвертовывать*, *законвертовывание*. Можно предположить, что какие-то из перечисленных единиц имеют терминологические значения и функционируют в специальных текстах. Очевиден устаревший характер отдельных слов, например: *конвертовать* — ‘помещать в конверт’. Единичные словоупотребления фиксируются в публицистике, при этом пишущий кавычками маркирует особый неконвенциональный смысл слов, например, в контексте «За “конвертные” зарплаты работодателя — в тюрьму» прилагательное употреблено в метафорическом значении ‘нелегальный, незаконный’.

Основным источником материала служит Словарь-тезаурус русских прилагательных под ред. Л.Г. Бабенко [Словарь-тезаурус, 2010]. Значения слов, имеющих словарные фиксации, уточняются по толковым словарям русского языка. Частотные словари, например, словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова единицы такого рода не включают [Ляшевская, Шаров, 2009], в Национальном корпусе русского языка они обычно представлены единичными контекстами либо контексты вообще отсутствуют.

Анализ «призрачных» прилагательных проводится по следующей модели: значения прилагательных распределяются по идеографическим классам, с опорой на словарные источники уточняются значения относительных прилагательных и в отдельных случаях

характеризуются способы их семантизации, в заключение рассматривается проблема соотношения словообразовательных вариантов и паронимов.

Идеографические классы прилагательных в словаре-тезаурусе

По словам Л.Г. Бабенко, «прилагательные в силу богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленности их лексической семантики — самый сложный в плане их категоризации класс слов, так как они, с одной стороны, семантически подобны глаголам, с другой стороны, обозначая свойства и признаки предметов в широком смысле, тесно связаны семантически с существительными. Сходство с глаголами обнаруживается в иерархичности семной структуры прилагательных, вершину иерархии которых также занимают семантические суперклассификаторы, отображающие основные суперкатегории: бытийность, отношение, проявление, воздействие и пр. Сходство с именами существительными обнаруживается в референтной отнесенности и дискурсивной обусловленности семантики прилагательных» [Бабенко, 2016: 13]. При некоторой условности границ между качественными и относительными прилагательными в ряде случаев в целом эти два типа прилагательных отображают два разных типа ментальных структур. Если качественные прилагательные, будучи «чистыми» прилагательными (Е.М. Вольф), ориентированы на познающего субъекта и на основе восприятия признака делятся на рациональные и эмпирические [Шрамм, 1979], то относительные прилагательные отражают свойство предмета, который выступает в качестве основания категоризации.

Рассуждая о специфике семантики прилагательных, Н.Е. Сулименко справедливо пишет: «Такие ментальные репрезентации, как пропозиции, лежат в основе значений собственно относительных прилагательных как производных слов, хотя и им свойственен комплексный характер значений, базирующийся на интеграции признаков объекта, обозначенного производящим именем (ср.: *городской, медицинский, августовский, квартирный, степной, сельский* и т.д.). С этой замаскированной холистичностью связано и использование пометы «относящийся к...», и недоумение лингвистов по поводу того, что относительное прилагательное меняет свое значение чуть ли не с каждым новым определяемым» [Сулименко, 2008: 31].

Все перечисленные факторы (в первую очередь, сложность семантики, обусловленная двойной зависимостью относительного прилагательного — от производящего имени и контекстного партнера) определяют многоуровневый и фасетный принципы организации идеографических классов, предполагающие, что все классифицируемое множество прилагательных распределяется по нескольким классификационным признакам, что отражается и в зоне словарной дефиниции. Л.Г. Бабенко пишет: «В качестве идентификаторов прилагательных нами были предложены аналитические сочетания, включающие чаще всего два компонента: идентификатор первой степени — слово с более обобщенным значением, обычно репрезентант суперклассификатором (*имеющийся, обладающий, относящийся, выражающий* и т.п.); идентификаторо второй степени — слово с более конкретным значением, репрезентант референциальной и дискурсивной составляющих семантики прилагательных» [Словарь-тезаурус русских прилагательных, 2012: 22].

Словарь-тезаурус прилагательных русского языка является единственным идеографическим словарем, в котором по семантическим классам распределены как качественные, так и относительные прилагательные.

Например, прилагательные, характеризующие человека по поведению, оказываются помещенными в идеографический класс «Человек по социальному положению, мировоззрению» (подгруппа «Человек по взглядам, проявляющимся в поведении, образе жизни»), а также в класс «Социальные качества, свойства человека, особенности поведения». В этом классе выделяются подгруппы прилагательных, характеризующих человека по отношению к нравственным и иным нормам, а также подгруппы, связанные с оценочной квалификацией поведения в оппозициях «честное — нечестное», «серьезное — несерьезное». Безусловно, такая классификация не является единственно возможной. Так, Г.Е. Крейдлин и Л.А. Хесед делят все «поведенческие» прилагательные на три семантические группы в зависимости от характера норм: 1) прилагательные, отражающие общие представления о нормах (*адекватный, безупречный, галантный* и т.д.); 2) оценочные прилагательные, выражающие отступление от нормы (*вульгарный, вызывающий, высокомерный*); 3) прилагательные, обозначающие несанкционированное вторжение одного человека в личное пространство другого человека или других людей (*беспардонный, бесцеремонный, наглый, нахальный, хамский* и т.д.). [Крейдлин, Хесед, 2018: 119].

Вероятно, могут быть найдены иные основания для классификации прилагательных, однако ценность предложенного лексикогра-

фами Уральской семантической школы подхода видится в создании многоступенчатой, иерархически организованной классификации, которая соотносится с идеографическими классификациями слов других частей речи и обусловлена когнитивными особенностями организации языковой картины признакового мира.

Идеографическая карта распределения «призрачных» слов

В структуре Словаря-тезауруса русских прилагательных под ред. Л.Г. Бабенко выделяется 15 денотативных сфер: неживая природа, вещества и материалы, живая природа, человек как живое существо и т.д. Приведем некоторые примеры, учитывая представленность таких слов в разных группах и подгруппах внутри идеографической сферы.

- Неживая природа (*эпицентральный, пуржистый*).
- Вещества и материалы (*хромиевый, ваксенный*).
- Растения (*падубовый, очеретовый, повиликовый, сыроежечный*).
- Живая природа (*щупальцевый, кашалотовый*).
- Человек как живое существо (в группе «Физиологические и бытовые потребности»: *сарделечный, кишмишиный, пончиковый, сушечный, мензурочный*; в группах «Предметы из ткани», «Одежда и обувь», «Головные уборы»: *пододеяльничковый и пододеяльничный, фуфаечный, шириночный, тютетеечный* и т.д.).
- Общественно-государственная сфера (*совнархозовский, подпольщицкий, экспроприационный*).
- Конкретная физическая деятельность (*умягчительный, щипательный*).

Составляя примерно 1% от общего количества всех прилагательных в словаре-тезаурусе, «призрачные» прилагательные практически отсутствуют в идеографических классах «Человек и его внутренний мир» («Эмоции», «Оценка», «Интеллект»), «Речь», «Социальная сфера жизни человека». Стоит оговориться, что отдельные единицы были зафиксированы, например: *самохвальский* в сфере «Речь», *склочнический* в сфере «Эмоции», но эти единичные примеры касаются производных от имен лиц.

Несмотря на высокую концентрацию относительных прилагательных в классах «Общественно-государственная сфера», «Социальная сфера жизни человека», число «призрачных» слов здесь невелико, что объясняется развитием многозначности в сфере социальной лексики, более сложными связями прилагательных с производящей основой и появлением метафорических значений как у производящего существительного, так и у производного прилагательного

(например, *фаворитский* — ‘в спорте: имеющий наибольшие шансы на первенство’). Некоторые прилагательные развивают вторичные значения, вероятно мотивированные переносным значением производящего. Например, прилагательное *навианий*, включенное в группу «Копытные млекопитающие» и не употребляющееся, по данным НКРЯ, в основном значении, способно употребляться в метафорических контекстах, например: «*После его так называемого выступления объявили перерыв, и вся братия, как будто и не редела только что навианьими голосами, а только лишь освещалась либерализмом улыбок, потекла в буфет*» [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)].

Отсутствие «призрачных» прилагательных в сфере оценочных слов, а также в сфере «Восприятие окружающего мира» обусловлено преобладанием качественных прилагательных над относительными. Обозначая подвижный, субъективно-характеризующий признак, качественные прилагательные способны выполнять и атрибутивную, и предикативную функцию, приспособлены к выражению градуируемости, служат категоризаторами восприятия, сенсорных ощущений — все эти факторы определяют их частотность и отнесенность к сферам, связанным с субъективным восприятием действительности, внутреннему миру познающего субъекта.

Плотность «призрачных» прилагательных в отдельных классах (например, в идеографических классах «Одежда», «Предметы из ткани», «Вид транспортного средства») является свидетельством того, что лакунарность признаковой картины мира сознательно восполняется лексикографами, поэтому словарная фиксация таких малоупотребительных лексем, как *горжеточный*, *дубленочный*, *курточный*, *палантинный* и под., представляется обоснованной задачами словаря. Наличие таких слов позволяет устанавливать изоморфные отношения между существительными и производными прилагательными, тем самым подчеркивается системный характер организации идеографических классов. Словарная фиксация словообразовательных и семантических схождения оказывается чрезвычайно актуальной для нового проекта Уральской семантической школы — Универсального идеографического словаря (см. проспект [Универсальный идеографический словарь русского языка, 2015]). По словам Л.Г. Бабенко, автора концепции словаря, в нем воплощен «новый подход к описанию системы русской лексики, при котором она рассматривается как межчастеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной частеречной принадлежности» [Универсальный идеографический словарь, 2015: 7].

Паронимия и вариантность «призрачных» прилагательных

Распространенная в сфере относительных прилагательных, вариативность, обусловленная словообразовательными причинами, охватывает прилагательные с низким индексом частотности, в том числе «призрачные» слова. В образовании паронимов принимают участие многие суффиксы (-ическ-//-ичн-, -еск-//-н-, -н// -ск- (-еск-), -чат-, -очн-, -ат-, -аст- и т.д.), возможны среди таких слов фонетические варианты (*изюбровый* мотивировано вариантом *изюбр*, *изюбревый* — вариантом *изюбрь*). Не углубляясь в проблему разграничения паронимов и вариантов (синонимических дублетов), которая пока не имеет однозначного решения, отметим, что наличие паронимов среди «призрачных» слов демонстрирует конкуренцию форм, каждая из которых может быть закреплена в языковой системе. Например, в НКРЯ зафиксировано по три вхождения слов *дармодный* и *дармодский*: «Девчонка <...> подбежав к кошке, спихнула ее на пол и лягнула ногой: — А провались ты, нес дармодный! Житья от вас нету, от нехристов» [Н.А. Тэффи. Светлый праздник (1911)]. «Добравшись до фонарика, Мишка включал его, лез на кровать и начинал на одеяле перед котовой мордой чертить лучом круги, на что кот живо реагировал, еще раз доказывая свою дармодскую сущность и хорошо отличая забаву от дела» [Михаил Тарковский. Кондромо // Октябрь. 2003]. Такого рода «мерцание» формирует неустойчивость паронимической оппозиции. Тонкая нюансировка значений для исследуемых слов оказывается затруднительной в силу отсутствия достаточного количества контекстов, хотя предварительные выводы могут быть сделаны на основании анализа сочетаемости. Например, в качестве определяемого у прилагательного *дармодский* выступает абстрактное понятие в отличие от *дармодный*, представляющего качество конкретного носителя.

Паронимические ряды, включающие «призрачные» прилагательные (например, *лифный* и *лифовый*, *ширинковый* и *шириночный*, *скоморошеский*, *скоморошинический*, *скоморошный*; *синдикатный* и *сидикатский*, *шелководный* и *шелководческий*; *салазковый* и *салазочный*), демонстрируют богатые словообразовательные возможности языковой системы.

Заключение

Составление идеографических словарей сопряжено с целым рядом трудностей и решением множества проблем, связанных с принципами систематизации лексики и отбором словника. Со-

временные корпусные инструменты позволяют оценить частотность лексической единицы, что служит средством включения ее в словник или исключения из него. Проблема лексикографической достоверности касается таких малочастотных единиц, которые условно обозначены нами как «призрачные» слова. Прилагательные, рассматриваемые в статье, нельзя считать мнимыми, нереальными, несуществующими, фантомными. В силу продуктивности словообразовательных моделей относительных прилагательных традиционные толковые словари включают их в словник, а необходимость включения их в идеографические словари несомненна и связана с одной из задач таких словарей — демонстрацией системных связей между идеографическими классами существительных и производных прилагательных.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Классы слов в аспекте идеографической лексикографии: принципы выделения, формирования состава и описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (Казань, 04–08 октября 2016 г.). СПб., 2016. С. 10–14.
2. *Боброва М.В.* О фантомах в диалектной фразеологии: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3 (27). С. 94–103.
3. *Добродомов И.Г.* Призрачные слова в текстах и словарях // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии». Орел, 1982. С. 180–182.
4. *Жуков А.В.* Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 57–60.
5. *Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А.* Русские поведенческие прилагательные в аспекте категорий вежливости и невежливости // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М., 2018. С. 115–121.
6. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.
7. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgora.ru (дата обращения: 11.02.2019).
8. Словарь-тезаурус русских прилагательных русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012. 864 с.
9. *Сулименко Н.Е.* Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных. СПб., 2008. 240 с.

10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
11. Универсальный идеографический словарь русского языка: проект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.; Екатеринбург, 2015. 208 с.
12. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.

Anna Plotnikova

**'GHOST ADJECTIVES' IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
PROBLEMS OF REPRESENTATION IN EXPLANATORY
AND IDEOGRAPHIC DICTIONARIES**

*Yeltsin Ural Federal University
19 Mira street, Yekaterinburg, 620002*

The article discusses the phenomenon of 'ghost' words or lexical units which, though included in explanatory and ideographic dictionaries of the Russian language, are not represented in text corpora except for a few isolated cases. The article analyzes the meanings of 'ghost adjectives', such as *'kakaovyy'*, *'motosiklistskyy'*, *'pododeyalnikovyy'*, *'fetishisticheskyy'* and *'shvabrovyy'*, discussing how dictionaries describe the meanings of these words. This study draws its data from the dictionary and thesaurus of Russian adjectives edited by L.G. Babenko. A significant share of 'ghost adjectives' is concentrated in the sphere of physiological and daily needs, ideographic spheres 'Transport' and 'Equipment', while there are almost no adjectives corresponding to such spheres as 'Evaluation', 'Perception', and 'Emotions'. This kind of distribution of 'ghost adjectives' is attributable to the specific semantic nature of qualitative and relative adjectives: the former are related to subjective evaluations while the latter, to the material world. Despite a high concentration of relative adjectives in classes 'Social and Public Sphere' and 'Social Sphere in the Life of Man', the number of 'ghost adjectives' in these classes is comparatively small, which can be explained by greater polysemy of 'social' words, more complex links between adjectives and their bases, and metaphorical meanings acquired by the base noun and the derivative adjective (for instance, *'favoritskiy'* in sport means 'having the biggest chance of winning'). The concentration of 'ghost adjectives' in certain word classes (for example, in the ideographic class 'Clothes') demonstrates that lexicographers are intentionally trying to compensate for the lacunarity of the adjectival worldview. The article also discusses the problem of variability and paronymy in the sphere of 'ghost adjectives'. The paronymic chains including 'ghost adjectives' (for example, *'skomorosheskiy'*, *'skomoroshnicheskyy'*, *'skomoroshniy'*) show the word-building potential of the language system.

Key words: adjectives; ideographic dictionary; ideographic classes; semantics; Russian language.

About the author: *Plotnikova Anna* — Prof. Dr., Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia) (e-mail: annamp@yandex.ru).

References

1. Babenko L.G. Klassy slov v aspekte ideograficheskoy leksikografii: printsiipy vydeleniya, formirovaniya sostava i opisaniya. [Word classes in ideographic lexicography: principles of word choice, grouping, and description] *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii. Materialy V Kongressa ROPRYAL (Kazan', 04–08 ok-tyabrya 2016 g.)* [*Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia. Proceedings of the Fifth Congress of the Russian Association of Teachers of Russian Language and Literature (Kazan, 4–8 October, 2016)*]. St. Petersburg, 2016. P. 10–14. (In Russ.)
2. Bobrova M.V. O fantomakh v dialektnoy frazeologii: k postanovke voprosa. [Phantoms in dialect phraseology as a research problem] *Vestnik Permskogo universiteta, 2014*. [Journal of Perm University, 2014] Issue 3 (27). P. 94–103. (In Russ.)
3. Dobrodomov I.G. Prizrachnyye slova v tekstakh i slovaryakh. ['Ghost words' in texts and dictionaries] *Tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii "Zadachi izucheniya russkoy leksiki i frazeologii"* [*Proceedings of the All-Union Conference 'Problems of Research of Russian Lexis'*]. Orel, 1982. P. 180–182. (In Russ.)
4. Zhukov A.V. Frazeologicheskiye fantomy v russkom yazyke. [Phraseological phantoms in the Russian language] *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Journal of Novgorod State University*]. 2009. № 51, pp. 57–60. (In Russ.)
5. Kreydlin G.E., Khshed L.A. Russkiye povedencheskiye prilagatel'nyye v aspekte kategoriy vezhlivosti i nevezhlivosti. [Russian behavioural adjectives in the light of the category 'Politeness — Impoliteness'] *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsiii, sostoyavsheysya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 g.* Sost. i otv. red. I.A. Sharonov. [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication: Proceedings of the International Conference of the Linguistics Institute, Russian State University for the Humanities, 23–24 October 2018. Compiled and edited by I.A. Sharonov] Moscow: Politicheskaya entsiklopedia, 2018. P. 115–121. (In Russ.)
6. Lyashev-skaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyy slovar' sovremenno go russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). [Frequency dictionary of the contemporary Russian language (based on materials of the Russian National Corpus)] M.: *Azbukovnik*, 2009. (In Russ.)
7. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (last accessed: 11.02.2019). (In Russ.)
8. Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh russkogo yazyka, pod obshch. red. prof. L.G. Babenko. [Dictionary and Thesaurus of Russian Adjectives of

- the Russian Language. Ed. by prof. L.G. Babenko] Ekaterinburg: *Publishing House of the Ural Federal University*, 2012. 864 p. (In Russ.)
9. Sulimenko N.E. *Sovremennyy russkiy yazyk: k izucheniyu semantiki imen prilagatel'nykh*. [Contemporary Russian language: the study of semantics of adjectives] St. Petersburg: *Publishing House of the Polytechnical University*, 2008. 240 p. (In Russ.)
  10. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: V 2-kh t.* [Word-building dictionary of the Russian language: In 2 volumes] Moscow: *Russkiy yazyk*, 1985. (In Russ.)
  11. *Universal'nyy ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka: prospekt, pod obshch. Red. L.G. Babenko*. [Universal ideographic dictionary of the Russian language: prospectus, ed. by L.G. Babenko] Moscow-Ekaterinburg: *Kabinetny Ucheny*, 2015. 208 p. (In Russ.)
  12. Shramm A.N. *Ocherki po semantike kaches'vennykh prilagatel'nykh*. [Articles on semantics of qualitative adjectives] L.: *Nauka*, 1979. (In Russ.)

Л.Г. Бабенко

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ УРАЛЬСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: О КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19*

Цель статьи — раскрыть концепцию нового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов русского языка (далее — САК) в контексте общих фундаментальных положений идеографической лексикографии Уральской семантической школы (далее — УСШ), разрабатываемых в течение последних тридцати лет. За этот период было создано около двадцати словарей двух типов: идеографические словари-тезаурусы списочного типа (Словарь-тезаурус русских прилагательных, Словарь-тезаурус синонимов русского языка) и толково-идеографические словари (Словари русских глаголов, существительных, синонимов русской речи, семантических моделей русских глагольных предложений, ключевых концептов и др.). Предметом рассмотрения статьи являются вопросы, освещающие параметры описания антонимов в комплексе с синонимами в структуре Большого идеографического словаря САК, принципы формирования словника словаря, его структурной организации: общей глобальной структуры словаря, макроструктуры словарной статьи САК одной идеографической группы, микроструктуры — лексикографического описания частной антонимической оппозиции. Основные принципы, используемые при создании этого словаря, основываются на теоретических положениях УСШ, разработанных и реализованных ранее, таких как ключевая роль лексико-семантических классов слов в процессе категоризации и концептуализации мира; системность их организации в лексикографическом воплощении, обуславливающая многоступенчатость и иерархичность структуры словарей; наличие в

Бабенко Людмила Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: lgbabenko@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 16–06–00340, № 19–012–00458), а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

них внешней глобальной структуры, макроструктуры отдельных классов слов и внутренней микроструктуры единиц, составляющих эти классы; специфика структуры словарей классов слов различной семантико-грамматической природы; наличие типовой семантики и базовых единиц в их лексикографическом представлении; пересекаемость классов; стратегии лексикографического моделирования классов единиц различной природы и др. Эти фундаментальные принципы получают дальнейшее развитие в процессе создания нового словаря в связи с необходимостью идеографического описания уникальных лексических объединений: объектом описания в нем становится новое лексическое множество — САК, которое имеет специфически организованную комплексную интегративную семантику и особую структурную организацию, что обуславливает особенности лексикографического представления типовой семантики САК, наличие вариантов ее моделирования, принципов выделения базовых антонимических оппозиций и их регулярные частные варианты, формирующие САК и синонимико-антонимические микрогруппы в их составе. Результатом исследования стала концепция Большого толкового идеографического словаря САК, которая в целом разработана и воплощена в подготовленном к печати Проспекте словаря, содержащем двести словарных статей.

Ключевые слова: Уральская семантическая школа; идеографическая лексикография; русские антонимы и синонимы; Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов.

Введение

В настоящее время в контексте бурно развивающейся идеографической лексикографии возникла необходимость комплексного рассмотрения синонимии и антонимии в системном освещении и представления результатов этого исследования в лексикографических параметрах. К решению этой актуальной для теоретической и практической лексикографии задачи сейчас обращено внимание ученых-лексикографов Уральской семантической школы [далее — УСШ], авторов-составителей идеографических словарей глаголов, существительных, прилагательных, синонимов и др. Этот интерес вызван рядом причин и факторов. Во-первых, это обусловлено положением дел со словарями антонимов в русской лексикографии, преимущественно опубликованными в восьмидесятые годы XX в. [Введенская, 1971; Колесников, 1972; Львов, 1984 и др.], среди которых основным остается до сего времени словарь М.Р. Львова. Именно этот словарь является тем фундаментом, на основе которого строятся и на который ориентируются все другие авторы-составители словарей антонимов, что обуславливает совпадение и пересекаемость их словников, проявляющихся в разной степени, что убедительно показал М.Ю. Мухин, проведя сопоставительный статистический анализ данных восьми различных словарей анто-

нимов [Мухин, 2016]. Во всех словарях антонимические оппозиции даются по алфавиту, хотя лексикологи и лексикографы давно отмечали необходимость их расположения в словаре не по алфавиту, а по смыслу, по семантическим полям [Новиков, 1985; Щерба, 1974; Черняк, 1991].

Во-вторых, актуальным является и вопрос создания комплексного словаря антонимов и синонимов, рассматриваемых в их общей совокупности, так как «Поиск тождественных и противоположных сущностей — один из важнейших процессов познания, отраженно присутствующий на разных уровнях языковой системы» [Бабенко, 2007: 15]. Единство противоположностей — важнейшая бытийная категория, которая имеет лингвистическое воплощение на разных языковых уровнях, в том числе на лексическом — в единстве синонимов и антонимов, связанных с репрезентацией тождества предметов, процессов, качеств и т.п., которым свойственна внутренняя противоречивость или внешняя противоположность. О необходимости комплексного изучения синонимии и антонимии писали многие ученые [Апресян, 1974; Иванова, 1982; Новиков, 1985; Черняк, 1991 и др.], в том числе и лексикографы, которые говорили о необходимости создания комплексных словарей, включающих в качестве объекта описания одновременно синонимы и антонимы [Введенская, 1977; Морковкин, 1970].

Следует отметить, что в последние годы появились словари и справочники, преимущественно ориентированные на школьников, абитуриентов и в целом на широкого пользователя, составители которых в формате одной книги размещают синонимы и антонимы. Такие словари включают обычно в качестве самостоятельных частей поочередно словарь синонимов и словарь антонимов, что отображается и в их названиях, например: «Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка» [Михайлова, 2015], «Большой словарь синонимов и антонимов русского языка» [Шильнова, 2017]. В подобных словарях синонимы и антонимы не рассматриваются в их единстве, а соединяются формально, механически по принципу их дополнительности.

В-третьих, это связано с тем, что ученые-лексикографы УСШ имеют опыт лексикографического описания этих классов слов, постоянно обращаясь к их лексикографической интерпретации в структуре разных словарей. Во всех созданных авторским коллективом толковых идеографических словарях, прежде всего в словаре глаголов [БТСРГ] и словаре существительных [БТСРС] в словарных дефинициях заголовочных лексем выделялись зоны антонимии и синонимии. В Большом толковом словаре синонимов русской речи (далее — БТССРП) эта словарная зона достаточно развернута и представляет собой фактически синонимико-антонимические

комплексы, состоящие из синонимических рядов слов, связанных отношениями противоположности и представляющих собой антонимические оппозиции, соотносимые целиком или поэлементно. Большой объем представленных в этом словаре синонимических рядов слов, их многоаспектное освещение с учетом всех имеющихся деривационных связей обусловил, в свою очередь, максимальный охват антонимических соответствий в нем, что объясняет тот факт, что по сравнению с другими словарями, по данным М.Ю. Мухина, «антонимический словарь БТССР отличается явной оригинальностью (всего 12% совпадений), и всего 6,2% его антонимических пар зафиксированы в словаре Львова» [Мухин, 2016: 165]. Статистическое описание восьми словарей антонимов, проведенное М.Ю. Мухиным, позволило ему сделать вывод о значимости семантической базы данных УСШ, в том числе ее антонимической зоны [Мухин, 2017: 205].

Проблема комплексного словаря синонимов и антонимов и места синонимико-антонимического комплекса в его структуре

Опыт создания серии идеографических словарей с включением в словарные статьи данных о синонимических и антонимических связях рассматриваемых слов, а также отображения их в создаваемой электронной семантической базе привели к идее и создали возможности для комплексного рассмотрения синонимии и антонимии в формате одного толкового идеографического словаря. Это, в свою очередь, потребовало поиска нового термина для номинации особого типа лексического множества, состоящего из комплекса синонимов и антонимов, рассматриваемых в рамках идеографического словаря, которое было решено обозначить термином синонимико-антонимический комплекс [Бабенко, 2002]. Необходимость номинации этого уникального лексического множества слов стала результатом реальной лексикографической практики по идеографическому описанию лексики различной семантико-грамматической природы: глаголов, существительных, синонимов и др., — системность которой отображалась в созданных словарях в их иерархической структурной организации в виде классов описываемых единиц различного ранга и значимости: денотативных сфер, лексико-семантических полей, групп и подгрупп. Вследствие этого главным признаком САК стала принадлежность его к определенным денотативно-идеографическим группировкам слов разного ранга: сфере, полю, классу, группе, подгруппе. Это сказывается и на положении САК в структуре словаря: вся совокупность САК, представленных в структуре словаря, представляет собой глобальную парадигму, состоящую из мегапарадигм, свойственных определенным денотативно-идеографическим

сферам, суперпарадигм, свойственных полям, и макропарадигм, включенных в определенные денотативно-идеографические группы, в которых могут быть еще и частные микрогруппы САК. Таким образом, в нашем понимании САК представляет собой чрезвычайно сложную структуру идеографического словаря, которая объединяет в единую иерархически организованную систему множество САК разного уровня сложности.

В начале 2000-х годов Ю.В. Федосов также обратился к разработке принципов Идеографического антонимно-синонимического словаря и выделению его основной структурной единицы, которую обозначил как антонимно-синонимический блок: «В качестве “ядра” в антонимно-синонимическом блоке выступает антонимическая пара слов, а в качестве “периферии” — два синонимических ряда» [Федосов, 2001: 145]. Его осмысление понятия антонимно-синонимического блока включает, фактически, одну антонимическую оппозицию, рассматриваемую с позиции лингвистической концепции поля, компонентами которой являются синонимические ряды, доминанты которых входят в ядро, а рядовые члены СР — в периферию. В нашей концепции представление о структурно-содержательной организации САК и его наполнении принципиально отличается от предложенного Ю.В. Федосовым, что обнаруживается, во-первых, в его объеме (количественный аспект): он охватывает все синонимико-антонимические оппозиции определенной семантической области на разных уровнях денотативно-идеографической иерархии, во-вторых, в сложной внешней и внутренней содержательно-структурной его организации.

Результаты разработки концепции Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов

В лаборатории компьютерной лексикографии УСШ на основе данных различных идеографических словарей создана электронная база данных русских синонимов и антонимов, позволившая обратиться к созданию нового идеографического словаря — Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов (далее — БТИССАК), отображающего одновременно отношения тождества (синонимии) и противоположности (антонимии) — в лексикографических параметрах. На основе имеющейся базы данных были выявлены основные когнитивные стратегии представления отношений противоположности, репрезентантами которых могут быть: 1) отдельные слова с семантикой противоположности; 2) лексические антонимические оппозиции, состоящие из двух слов; 3) группы слов в составе парадигматических рядов, связанных отношениями противоположности, — синонимико-ан-

тонимические комплексы; 4) лексические парадигмы разного уровня иерархии (классы слов, группы и подгруппы), структура которых формируется на оппозитивной основе [Бабенко, 2016]. Репрезентация указанных вариантов антонимических оппозиций в лексикографических параметрах в структуре нового идеографического словаря позволит в дальнейшем описать фрагменты языковой картины мира, связанные с отображением этих отношений.

К настоящему времени в ходе разработки концепции подобного словаря решен комплекс теоретических и практических вопросов, необходимых для ее дальнейшей реализации: 1) сформирован словарь БТИССАК; 2) определено содержание понятия *синонимико-антонимический комплекс*, выявлены его структурная и семантическая специфика, разные типы САК с учетом объема включенных в них антонимически соотносительных синонимических рядов и выражаемых ими интерпретационных значений; 3) разработана структура словаря: его общая глобальная структура — иерархическая структура денотативно-идеографических групп (далее — ДИГ), содержащих САК, макроструктура словарной статьи САК; микроструктура частных антонимических оппозиций в составе САК, наличие которых обусловлено деривационной семантикой составляющих эту группу синонимико-антонимических параллелей, в различных аспектах интерпретирующих типовую семантику САК.

Структура Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов

Рассмотрим структуру БТИССАК с привлечением по необходимости иллюстративных материалов из словарной статьи УДАЧА — НЕУДАЧА.

Глобальная структура этого словаря будет представлять собой в перспективе, в стадии его завершения, иерархически организованную совокупность САК разного объема и ранга в составе различных денотативно-идеографических сфер, полей, групп и подгрупп. Основным ориентиром ее формирования является Синописис — свод идеографических классификаций лексики различных категориально-грамматических классов [Бабенко, 2015: 22–42], осуществленных в разных идеографических словарях УСШ: [БТСРГ, 2008; БТСРС, 2005; СТРП, 2012; СТСПР, 2007]. Синописис представляет собой наиболее полный вариант лексической категоризации мира, т.е. части языковой картины мира, выявленной экспериментальным способом в результате идентификации слов различной частеречной принадлежности. В то же время следует иметь в виду, что идеографическое описание лексики, ограниченной какими-либо параметрами: семантическими, категориально-грамматическими и др., — представляет

собой неполный вариант картины мира, обусловленный спецификой избранной для описания лексики. Так, идеографическое описание глагольной лексики отображает процессуально-событийную картину мира, существительных — предметную и опредмеченную, прилагательных — признаковую. Наш опыт идеографического описания синонимов русского языка выявил стратегию репрезентации отношений тождества в синонимической картине мира, в которой были обнаружены, с одной стороны, зоны повышенной плотности и насыщенности синонимами денотативных сфер, таких как *эмоции, оценка, интеллект, речь, внешний облик человека*, с другой стороны, полное отсутствие или минимальное присутствие синонимов в составе других сфер [Бабенко, 2007: 15–22]. Нам представляется, что полное описание САК в идеографическом словаре в перспективе позволит выявить зоны насыщенности / ненасыщенности фрагментов языковых картин мира концептуализацией тождества и противоположности, отображаемых синонимами и антонимами в их нерасторжимом единстве, а извлечение антонимов из БТИССАК позволит создать на его основе идеографический словарь-тезаурус антонимов, который по-новому представит картину действительности, отображаемую русскими антонимами [Бабенко, 2016].

Макроструктура словарной статьи БТИССАК

Она отражает логику лексикографического описания САК, формируемого базовыми антонимическими оппозициями, принадлежащими к одной денотативно-идеографической группе, которая обуславливает наличие следующих словарных зон.

Заглавная позиция. Ее замещают репрезентанты базовой (категориальной) антонимической оппозиции, формирующей САК, например: УДАЧА ↔ НЕУДАЧА, ЛЮБОВЬ ↔ НЕПРИЯЗНЬ, БОГАТСТВО ↔ БЕДНОСТЬ, УМНЫЙ ↔ ГЛУПЫЙ и др.

Типовая оппозитивная семантика САК. Она предстает в словарной статье в виде развернутой дефиниции, отображающей семантику всего комплекса и аккумулирующей как тождественные, так и противоположные семантические признаки всех частных антонимических оппозиций одной ДИГ, данных в отвлечении от них и формирующих оппозитивную структуру определенного САК. В структуре этого антонимического комплекса имеются семантические компоненты, которые, с одной стороны, являются тождественными (см.: *случай, исход дела, результат, повторяемость, характер, психология человека*), с другой стороны, они противопоставлены друг другу в аспекте эмоционально-оценочной интерпретации (см.: *счастливый, благоприятный, желательный ↔ несчастливый, нежелательный, неблагоприятный, ненужный*). Подобное представление типовой

семантики САК основано на актуализации тождества оппозитивно соотносимых объектов оценочных квалификаций (в примере выделены полужирным шрифтом):

УДАЧА ↔ НЕУДАЧА

Невероятный случай** (счастливый или несчастливый), **неожиданное стечение обстоятельств** (благоприятное или неблагоприятное), способствующие **нужному исходу дела** (желательному или нежелательному), **положение дел в какой-л. деятельности** (большое достижение или ненужный, плохой результат), **которые могут быть однократным, могут повторяться неоднократно, а могут сопутствовать человеку в течение всей его жизни, а также человек, который надеется / не надеется на счастливый случай, которому сопутствует удача (счастливчик) или неудача (неудачник), которому везет или не везет.

В этом варианте описания типовой оппозитивной семантики САК его центром становится именно семантика тождества, объединяющая соотносительные синонимы и антонимы в единый комплекс. Подобное формализованное описание типовой семантики САК создает представление о его интегративной ментальной структуре, формируемой на пересечении, с одной стороны, общих для антонимов базовых категориальных и конкретизирующих когнитивных признаков, с другой стороны, противоположных интерпретативных эмоционально-оценочных признаков. В данном случае наблюдается склеивание в структуре САК УДАЧА ↔ НЕУДАЧА частно-событийного, социально-деятельностного и личностного эмоционального пространств, получающих различную эмоционально-оценочную квалификацию. Следует отметить, что для типовой семантики САК различных ДИГ свойственны свои специфические модели подобной интерпретации, что обусловлено спецификой как объекта оценочной квалификации, так и аспектов и содержания оценки.

Основные антонимические оппозиции САК и их регулярные варианты

Это словарная зона, в которой последовательно по одной схеме рассматриваются микрогруппы САК, имеющиеся в их составе. Они объединяются на основе общего семантического компонента, но в то же время различаются варьированием общей семантической идеи базовой антонимической оппозиции САК, ее конкретизацией и актуализацией в определенном интерпретационном аспекте. Так, в составе САК «УДАЧА ↔ НЕУДАЧА» имеются три основные антонимические оппозиции, различающиеся интерпретацией какого-либо случая как счастливого или несчастливого, которые формируют соответственно три микрогруппы: 1) УДАЧА ↔ НЕУДАЧА; 2) УСПЕХ ↔ НЕУДАЧА; 3) ВЕЗЕНИЕ ↔ НЕВЕЗЕНИЕ.

Сравнение дефиниций основных антонимических оппозиций САК показывает, что их объединяющим компонентом является общая идея счастливого / несчастного случая, благоприятного / неблагоприятного стечения обстоятельств, которые оцениваются субъектом удачи / неудачи и воспринимаются как счастье / несчастье, как нечто желательное / нежелательное, благоприятное / неблагоприятное для него. Именно она является базовой для всего САК и формирует его типовую семантику и семантику первой основной антонимической оппозиции:

1. УДАЧА ↔ НЕУДАЧА

удача, счастье | неудача

Счастливый случай, благоприятное стечение обстоятельств, способствующие нужному исходу какого-л. дела, которые оцениваются и воспринимаются человеком как счастье, как нечто желательное, благоприятное для него.

Несчастливый случай, неблагоприятное стечение обстоятельств, не способствующие нужному исходу какого-л. дела, которые оцениваются и воспринимаются человеком как несчастье, как нечто нежелательное, неблагоприятное для него.

Вторая оппозиция УСПЕХ ↔ НЕУДАЧА отличается от первой и третьей наличием компонента целеполагания и актуализации его реализации: *‘осуществление замысла, реализация поставленной цели в каком-л. деле / отсутствие осуществления замысла, реализации поставленной цели в чем-л., в каком-л. деле’*. В третьей оппозиции ВЕЗЕНИЕ ↔ НЕВЕЗЕНИЕ счастливые обстоятельства получают количественное измерение: *‘ряд удач, постоянно везет / ряд неудач, постоянно не везет’*. Кроме того, в семантике этой оппозиции наряду с частно-событийным есть компонент статальности, актуализирующий влияние повторяющихся удач / неудач на формирование особого эмоционального состояния субъекта, испытывающего их: *‘состояние, при котором постоянно везет / состояние, при котором не везет’*, который потенциально содержит и указание на самого субъекта-носителя подобного состояния: *счастливчика* или *несчастливчика, неудачника*.

Основные антонимические оппозиции формируют микрогруппы, состоящие из частных антонимических оппозиций, связанных с ними деривационными отношениями. В данном САК на основе трех основных антонимических оппозиций образовано три микрогруппы, которые состоят из 22 частных антонимических оппозиций, в том числе: 1) УДАЧА | НЕУДАЧА — 7 вариантов; 2) УСПЕХ ↔ НЕУДАЧА — 7 вариантов; 3) ВЕЗЕНИЕ ↔ НЕВЕЗЕНИЕ — 8 вариантов.

Регулярные варианты основных антонимических оппозиций

Каждая микрогруппа одного САК рассматривается по определенной модели в отдельной словарной зоне и включает: во-первых, выделение основной антонимической оппозиции, которая подается в качестве заглавной единицы; во-вторых, описание в лексикографических параметрах регулярных частных вариантов основных антонимических оппозиций; в-третьих, описание в виде словарных статей каждого отдельного варианта, включающего приведение соотносительных синонимов и антонимов, формулировку их типовой семантики; в-четвертых, приведение иллюстративного материала. Каждая микрогруппа подается под своим номером, после которого идет в качестве заглавной единицы, номинирующей микрогруппу, основная антонимическая оппозиция. Например:

2. УСПЕХ ↔ НЕУДАЧА

Успех

Положительный результат какого-л. дела, полное осуществление замысла, реализация поставленной цели в каком-л. деле, большое достижение в чем-л., в какой-л. деятельности. *Успех работ после таких епифанских реформ был теперь обнадежен* (А.П. Платонов).

Неудача

Ненужный, неправильный, плохой результат какого-л. дела, отсутствие осуществления замысла, реализации поставленной цели в чем-л., в каком-л. деле. *Неудача работы связалась в его сознании с личными горестями, всё слилось в серую беспросветность* (Василий Гроссман).

⇒ *Кроме всего, принц Ольденбургский много экспериментировал для украшения и развития самой природы, хотя наряду с успехами в этой области были и досадные неудачи* (Фазиль Искандер). *Альтернатива добра и зла переродилась в альтернативу успеха и неудачи* (Сергей Довлатов). *Вслед за успехами первого года начались неудачи* (Б.Л. Пастернак).

Как видим, компоненты частных антонимических оппозиций располагаются в два столбца: левый и правый, которые возглавляют антонимически связанные лексемы, за ними следуют дефиниции и иллюстрации. Иллюстрации приводятся и для каждого компонента оппозиции в отдельном столбце, и ниже в случае совместного употребления антонимов в одном контексте.

Следует отметить, что членами антонимических оппозиций могут быть как отдельные слова, так и синонимические ряды слов разного объема, в том числе включающие стилистически и функционально маркированную лексику. Так, основная антонимическая оппозиция, возглавляющая третью микрогруппу данного САК, имеет в своем составе только стилистически маркированную лексику.

ВЕЗЕНИЕ ↔ НЕВЕЗЕНИЕ

*Разг. везение и везенье,
разг.-сниж. везуха*

Счастливое стечение обстоятельств, сопровождаемое удачами, рядом удач, состояние, при котором постоянно везет. ▣ *Жизнь являлась счастьем, светлой долей, высшим везением* (В. Скрипкин). *Оказалось, у нее все хорошо: за все время ни одного рецидива — удивительное везение!* (М. Чулаки).

*Разг. невезение и невезенье,
разг.-сниж. невезуха*

Несчастливое стечение обстоятельств, сопровождаемое неудачами, рядом неудач, преследующих кого-л., состояние, при котором постоянно не везет. ▣ *Самое страшное, однако, обошлось относительно благополучно, это потому началась странная полоса невезений, преодолеть которую до сих пор неизвестно как* (В. Быков).

↔ *И следить за ее развитием — дело неизмеримо более увлекательное, чем наблюдать за везением и невезением в картах* (А. Мелихов, А. Столяров). *Это была какая-то невероятная смесь везения и невезения* (Сергей Довлатов).

В составе микрогрупп одного САК имеются частные варианты антонимических оппозиций, интерпретирующие отображаемые факты, процессы, ситуации, явления, признаки и пр. многоаспектно, но обычно по определенным регулярным семантическим моделям, свойственным каждой ДИГ. Так, общая комплексная частно-событийная (случай) и эмоциональная (счастье) составляющая представлений об УДАЧЕ / НЕУДАЧЕ в частных антонимических оппозициях может быть актуализирована по-разному:

как качество человека: *удачливость ↔ неудачливость, везучесть ↔ невезучесть*;

как лицо-носитель удачи / неудачи: *разг. удачник, счастливец, счастливый, разг. счастливчик ↔ разг. неудачник, trad.-поэт. горюша, устар. бедняк, устар., разг. несчастливец, разг. бедняга, разг., ласк. бедняжка, разг. бедолага, разг. горемыка, разг.-сниж. бездоля, разг.-сниж. горюн*;

как то, что приносит удачу / неудачу: *удачный, счастливый ↔ неудачный, нескладный, несчастливый, разг. незадачливый*;

как благоприятный ↔ неблагоприятный для кого-л. исход какого-л. дела, полная удача / неудача в чем-л.: *успех / перен. провал, перен. крах, проигрыш, книжн. фиаско, устар. афронт, разг., разг.-сниж., перен. облом, жарг. завал, жарг. пролет* и пр.

Таким образом, САК УДАЧА ↔ НЕУДАЧА обладает интегративной семантикой и находится на пересечении ментальных пространств событийного и эмоционального плана. В нашем Синописе он рассматривается в денотативно-идеографической сфере «Универсальные смыслы», является его частью. Состоит он из трех

микрогрупп, формируемых основными базовыми синонимико-антонимическими оппозициями, включающими всего 22 частных варианта регулярных антонимических оппозиций, содержащими 135 лексем, связанных отношениями тождества и противоположности одновременно.

Стоит отметить, что для каждой денотативно-идеографической сферы, класса и группы свойственна своя специфика структуры САК, свои содержательно-структурные особенности. Это проявляется в количестве основных базовых антонимических оппозиций в САК, регулярных частных вариантов в составе микрогрупп САК, а также в специфике их семантики, рассматриваемой в аспекте интерпретации и профилирования типовой семантики. Возьмем для сопоставления САК ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА, который входит в денотативную сферу «Эмоции». В его структуре выделено восемь синонимико-антонимических микрогрупп, включающих вместе с основными 40 регулярных частных вариантов антонимических оппозиций: 1. Дружба ↔ Вражда (8); 2. Дружелюбие ↔ Враждебность (7); 3. Мир ↔ Вражда (3); 4. Мир ↔ Ссора (7); 5. Общительность ↔ Необщительность (4); 6. Открытость ↔ Замкнутость (2); 7. Близость ↔ Отдаленность (6); 8. Разговорчивость ↔ Молчаливость (3). Всего в составе этого САК имеется 235 лексем.

Выводы

Завершая рассмотрение основных принципов и подходов, используемых нами применительно к создаваемому в данное время Большому идеографическому словарю синонимико-антонимических комплексов, подчеркнем, что они, с одной стороны, основываются на теоретических положениях Уральской идеографической лексикографии, разработанных и реализованных ранее в созданных толковых идеографических словарях разных типов. К ним относятся основополагающие для идеографической лексикографии фундаментальные положения: ключевая роль лексико-семантических классов слов в процессе категоризации и концептуализации мира; системность и иерархичность их организации в лексикографическом воплощении, обуславливающая многоступенчатость структурного строения словарей, наличие в них внешней глобальной структуры, макроструктуры отдельных классов слов и внутренней микроструктуры единиц, составляющих эти классы; специфика внутренней структуры классов слов различной семантико-грамматической природы; наличие типовой семантики и базовых единиц в их лексикографическом представлении в структуре идеографических словарей; пересекаемость классов; различные стратегии лексикографического моделирования классов единиц различной природы: лексических, синтаксических,

речевых, текстовых, а также ментальных: концептов в структуре концептосферы русского языка. С другой стороны, рассмотренные ранее фундаментальные принципы получают дальнейшее развитие в процессе создания нового комплексного словаря синонимико-антонимических комплексов в связи с необходимостью идеографического описания уникальных лексических объединений — САК, участвующих в отображении интеграции отношений тождества и противоположности в русском языке лексическими средствами. В частности, объектом описания в нем становится новое лексическое множество — САК, которое имеет специфически организованную комплексную интегративную семантику и особую структурную организацию. Это обуславливает особенности лексикографического представления типовой семантики САК, принципы выделения базовых антонимических оппозиций, формирующих синонимико-антонимические микрогруппы в составе САК, их регулярных частных вариантов с особенностями описания в лексикографических параметрах. Все это нашло отражение в структуре словаря: его глобальной структуре, макроструктуре словарной статьи САК, микроструктуре частной антонимической оппозиции — и принципах их лексикографической интерпретации.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 367 с.
2. *Бабенко Л.Г.* Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 37–41.
3. *Бабенко Л.Г.* О концепции толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов // Русская языковая личность в зеркале лексикографии: Материалы XII Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 2002. 80 с.
4. *Бабенко Л.Г.* Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ: В 7 т. Sofia, 2007. Т. 4: Язык, сознание, личность. С. 15–22.
5. *Бабенко Л.Г.* Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2015. С. 22–42.
6. БТСРГ: Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2008. 576 с.
7. БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.

8. БТСРР: Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2008. 784 с. (Сер. Фундаментальные словари).
9. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* Антонимо-синонимический словарь и его значение для обучения русскому языку иностранцев // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М., 1977. С. 166–172.
10. *Иванова В.А.* Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982. 163 с.
11. *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка: более 2000 антоним. пар. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. 384 с.
12. *Михайлова О.А.* Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка. М., 2015. 608 с.
13. *Морковкин В.В.* Идеографические словари. М., 1970. 71 с.
14. *Мухин М.Ю.* Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор // Новая Россия: Традиции и инновации в языке и науке о языке: Материалы докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. юбилею засл. деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 159–167.
15. *Мухин М.Ю.* Границы русской антонимии и лексикографическая практика // Изв. УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 203–214.
16. *Новиков Л.А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. М., 1985. С. 5–30.
17. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Русская лексикография. М., 2004. 285 с.
18. КРЯ: Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.
19. СТРП: Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012. 835 с.
20. СТСРР: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007. 632 с.
21. *Федосов Ю.В.* Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка. Волгоград, 2001. 107 с.
22. *Федосов Ю.В.* Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка. Волгоград, 2001. 102 с.
23. *Черняк В.Д.* Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность // Лексическая семантика: Сб. науч. тр. Свердловск, 1991. С. 40–48.
24. *Шильнова Н.И.* Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М., 2017. 896 с.
25. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.
26. БТИССАК—Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов русского языка (*проект*).

Liudmila Babenko

**DEVELOPMENT PROSPECTS OF IDEOGRAPHIC
LEXICOGRAPHY IN THE CONTEXT OF THE URAL SEMANTIC
SCHOOL: THE DICTIONARY OF SYNONYM AND ANTONYM
COMPLEXES OF THE RUSSIAN LANGUAGE²**

*Yeltsin Ural Federal University
19 Mira street, Yekaterinburg, 620002*

This article aims to outline the concept of a new ideographic dictionary of synonym and antonym complexes of the Russian language (hereinafter SAC) in the context of the fundamental principles of ideographic lexicography of the Ural Semantic School which have been elaborated over the past thirty years. The school has released over twenty dictionaries of two types, ideographic thesaurus dictionaries based on word lists (A Thesaurus Dictionary of Russian Adjectives, A Thesaurus Dictionary of Synonyms of the Russian Language) and explanatory ideographic dictionaries (Dictionaries of Russian Verbs, Nouns, Synonyms of Russian Speech, Semantic Models of Russian Verb Sentences, Key Concepts, etc.). The article discusses some issues related to the principles underlying the description of antonyms in combination with synonyms in the structure of the Great Ideographic Dictionary of SAC and the principles underlying the formation of the dictionary and its structure. The latter include a description of the overall structure of the dictionary, the macrostructure of a dictionary entry containing SAC belonging to a sole ideographic group, and the microstructure, which is a lexicographic description of an antonymic opposition. The basic principles used in the dictionary are based on the theoretical foundations of the SAC formulated and put forward previously. They include the key role of the lexico-semantic classes of words in the categorisation and conceptualisation of the world. We pursue a systemic approach to lexicographic arrangement, conditioning the multistage and hierarchical structure of the dictionaries; we proceed from the fact that the dictionaries have an outer global structure, a macrostructure of particular classes of words, and an inner microstructure of items making up such classes; we take into account the peculiarities of the structure of dictionaries containing classes of words of different semantic and grammar nature; the presence of typical semantics and basic items in the lexicographic representation; the overlapping of classes; strategies of lexicographic modelling of classes of items of diverse nature, etc. These fundamental principles are further developed as part of work on the new dictionary as it requires an ideographic description of unique lexical units: in this dictionary, what is described is a new lexical set, i.e. SAC, which has specifically organised complex integrational semantics and a special structural organisation which determines the peculiarities of lexicographic representation of the typical semantics of SAC, the fact that there are variants of its modelling, principles of

---

² The research is sponsored by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (projects 16–06–00340, 19–012–00458) and the Competitiveness Enhancement Programme of the Yeltsin Ural Federal University for 2013–2020 (agreement 02.A03.21.0006).

singling out basic antonymic oppositions and their regular particular variants forming SAC and the synonym and antonym micro-groups within them. The study results in a concept of the Great Explanatory Ideographic Dictionary of SAC which has been generally completed with a summary of the Dictionary containing 200 entries ready for publication.

Key words: Ural Semantic School; ideographic lexicography; Russian antonyms and synonyms; Great Explanatory Ideographic Dictionary of Synonym and Antonym Complexes.

About the author: *Liudmila Babenko* — Prof. Dr. (Philology), Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies; The Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Institute for Humanities, Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies (e-mail: lgbabenko@yandex.ru).

References

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. [Lexical Semantics. Synonymic Means of Language] Moscow, Nauka, 1974, 367 p. (In Russ.)
2. Babenko L.G. Rerezentatsiya otnoshenii protivopolozhnosti v russkom yazyke: problemy kategorizatsii i leksikograficheskoi parametrizatsii [The Representation of the Relations of Opposition in the Russian Language: Issues of Categorisation and Lexicographic Parametrisation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2016, XXY1, pp. 37–41. (In Russ.)
3. Babenko L.G. O kontseptsii tolkovogo ideograficheskogo slovarya sinonimo-antonimicheskikh kompleksov [On the Concept of the Explanatory Ideographic Dictionary of Synonym and Antonym Complexes]. *Russkaya yazykovaya lichnost' v zerkale leksikografii: materialy XII Kuznetsovskikh chtenii* [The Russian Language Persona as Reflected in Lexicography: Proceedings of the 22nd Kuznetsova Readings], Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002, 80 p. (In Russ.)
4. Babenko L.G. Kartina mira v zerkale slovarya (na materiale ideograficheskogo slovarya sinonimov russkoi rechi) [Worldview in the Mirror of the Dictionary (with Reference to the Ideographic Dictionary of the Synonyms of Russian Speech)]. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire: materialy Kongressa MAPR'AL* [The World of the Russian Word and the Russian Word in the World. Proceedings of the Congress of the International Association of Teachers of the Russian Language and Literature]: v 7 t. Sofia: HERON Press, 2007, T. 4. Yazyk, soznanie, lichnost'. pp. 15–22. (In Russ.)
5. Babenko L.G. Sinopsis (svod) ideograficheskoy klassifikatsii russkoy leksiki (obshchaya global'naya struktura slovarya) [Synopsis of Ideographic Classification of Russian Lexicon (General Structure of the Dictionary)]. *Universal'nyy ideograficheskii slovar' russkogo yazyka: prospekt* [Universal Ideographic Dictionary of the Russian Language: Proposal] Ed. by L.G. Babenko. Moscow, Ekaterinburg, *Kabinenty Ucheny*, 2015a, pp. 22–42. (In Russ.)

6. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy. Angliiskie ekvivalenty.* [Great Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms. English Equivalents] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
7. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: svyshe 15000 imen sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Over 15000 Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
8. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sinonimov russkoj rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy.* [Big explanatory dictionary of synonyms of the Russian language: ideographic descriptions, antonyms, phraseologisms] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
9. Vvedenskaya L.A., Kolesnikov N.P. Antonimo-sinonimicheskii slovar' i ego znachenie dlya obucheniya russkomu yazyku inostrantsev [Dictionary of Antonyms and Synonyms and its Significance for Teaching the Russian Language to Non-Russian Students]. Aktual'nye problemy uchebnoi leksikografii [Relevant Issues of Educational Lexicography], sost. V.A. Red'kin. M.: *Rus. yaz.*, 1977, pp. 166–172. (In Russ.)
10. Ivanova V.A. Antonimiya v sisteme yazyka [Antonymy in the System of Language]. Kishinev: *Shtiintsa*, 1982, 163 p. (In Russ.)
11. L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo yazyka: bolee 2000 antonim. Par [Dictionary of Antonyms of the Russian Language: Over 2000 Anton. Pairs. 2nd Edition. New and Update]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: *Rus. yaz.*, 1984. 384 p. (In Russ.)
12. Mikhailova O.A. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Slovar' antonimov russkogo yazyka. [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Dictionary of Antonyms of the Russian Language] M.: *Viktoriya plyus*, 2015, 608 p. (In Russ.)
13. Morkovkin V.V. Ideograficheskie slovari. [Ideographic Dictionaries] M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970, 71 p. (In Russ.)
14. Mukhin M.Yu. Russkaya antonimiya v otechestvennoi leksikografii: statisticheskii obzor. [Russian Antonymy in National Lexicography: A Statistical Review] Novaya Rossiya: Traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke [New Russia: Traditions and Innovations in Language and Language Studies]: materialy dokl. i soobshchenii Mezhdunar. nauch. konf., posv. yubileyu zasl. deyatelya nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. L.G. Babenko, 28–30 sent. 2016, Ekaterinburg: *Kabinetnyi uchenyi*, 2016, pp. 159–167. (In Russ.)
15. Mukhin M.Yu. Granitsy russkoi antonimii i leksikograficheskaya praktika. [The Scope of Russian Antonymy and Lexicographic Practice] *Izv. UrFU. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2017, t. 19, № 3 (166), pp. 203–214. (In Russ.)
16. Novikov L.A. Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie [Russian Antonymy and its Lexicographic Description]. L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo yazyka [Lvov M.R. Dictionary of the Antonyms of the

- Russian Language], pod red. L.A. Novikova. 3-e izd. M.: *Rus. yaz.*, 1985, pp. 5–30. (In Russ.)
17. Kozыrev V.A., Chernыak V.D. Russkaya leksikografiya. [Russian Lexicography] M.: *Drofa*, 2004. 285 p. (In Russ.)
  18. *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'*. [The Sphere of Concepts of the Russian Language: Key Concepts and their Representation in Language and Speech (with Reference to Lexis, Phraseology, and Paremiology)] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
  19. *Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam*. [Thesaurus Dictionary of Russian Adjectives, Divided into Thematic Groups] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
  20. *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi*. [Thesaurus Dictionary of Russian Adjectives, Divided into Thematic Groups] Ed. by prof. L.G. Babenko. In print. (In Russ.)
  21. Fedosov Yu.V. Printsipy postroeniya ideograficheskogo antonimo-sinonimicheskogo slovarya russkogo yazyka [Organisation Principles of the Ideographic Dictionary of Antonyms and Synonyms of the Russian Language]. Volgograd: *Peremena*, 2001. 107 p. (In Russ.)
  22. Fedosov YU.V. Ideograficheskij antonimo-sinonimicheskij slovar' russkogo yazyka. Volgograd, 2001. 102 p.
  23. Chernыak V.D. Parallel'nye sinonimicheskie ryady i regul'yarnaya mnogoznachnost' [Parallel Synonymic Rows and Regular Polysemy]. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]: sb. nauch. tr. Sverdlovsk: *Izd-vo Sverdlovsk, gos. ped. in-ta*, 1991, pp. 40–48. (In Russ.)
  24. Shil'nova N.I. Bol'shoi slovar' sinonimov i antonimov russkogo yazyka. [Great Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Russian Language] M.: *Slavyan. dom knigi*, 2017, 896 p. (In Russ.)
  25. Shcherba L.V. Opyt obshchei teorii leksikografii. [Towards a General Theory of Lexicography] Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Shcherba L.V. Language System and Speech Activity]. Leningrad, *Nauka*, 1974, pp. 265–304. (In Russ.)
  26. Bol'shoj tolkovyj ideograficheskij slovar' sinonimiko-antonimicheskikh kompleksov russkogo yazyka (*proekt*).

ИЗ АРХИВА

М.Д. Кузьмина

О ЛИРИЗМЕ ПРОЗЫ К.С. АКСАКОВА (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД «ОСЕНЬ»)

*Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский
государственный университет промышленных технологий и дизайна
191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18*

В статье рассматривается психологический этюд К.С. Аксакова «Осень», по всей вероятности, созданный в 1830-е годы, в период увлечения молодого автора романтизмом. Произведение органично включается в контекст его творчества этого периода — развивает темы и мотивы повестей «Вальтер Эйзенберг» и «Облако», но особенно писем к М.Г. Карташевской, в значительной степени представляющих собой лирический дневник, и, наконец, чистой лирики (стихотворений «Стремление души», «Фантазия», «Мечтание», «Воспоминание», «Ненастье» и др.). Лиризм определяет поэтику «Осени». Подобно лирическому стихотворению, произведение нарочито бесфабульно, основа его сюжета — рефлексия героя, очень тяготеющего к лирическому. Особенно важную роль в аксаковском психологическом этюде сыграло влияние описательно-медитативной элегии с ее характерными мотивами: одиночество героя на лоне природы, увядание, меланхолия, самоуглубление, отрешение от внешнего мира и т.п. «Осень» соотносима прежде всего с произведениями Жуковского. Но, в отличие от лириков и романтиков той эпохи, Аксаков оставляет своего героя на пороге инобытия, как кажется, для него одновременно манящего и пугающего.

Ключевые слова: К.С. Аксаков; «Осень»; психологический этюд; лиризм; романтизм; романтическое инобытие; мотив; рефлексия; фрагмент; поэтика.

Психологический этюд К.С. Аксакова «Осень» представляет собой образец лирической прозы. Текст незначителен по объему и в свободной форме раскрывает состояние души главного героя, близкого автору. «Осень» не датирована, но, как по почерку, так и по тематике, вероятно, принадлежит к 1830 годам. Произведение органично включается в контекст романтического творчества моло-

---

Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; докторант кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: mdkuzmina@mail.ru).

дого Аксакова: многочисленных стихотворений, повестей «Вальтер Эйзенберг» и «Облако». Оно соотносимо и с его письмами к двоюродной сестре, М.Г. Карташевской (1836–1837), представляющих собой своеобразный эпистолярный дневник. Наследие юного идеалиста составляет единый исповедальный текст. «Осень» подтверждает наблюдение современного исследователя: «Немаловажную особенность жанра стихотворений в прозе составляет <...> их почти не знающая исключений принадлежность к циклу. Лирическому роду литературы вообще присуща повышенная тенденция к циклизации» [Тюпа, 2009: 66].

«Осень» в известной мере автобиографична и в высшей степени аутопсихологична. Письма Аксакова к Карташевской поднимают ключевые для этюда мотивы грусти, одиночества, самососредоточения, воспоминания («прошедшее» именуется «любимым <...> временем» [Аксаков, Письма к М.Г. Карташевской 1836–1837: 17]), устремленности души к инобытию, отрешенности от земной действительности, близости к миру природы и т.п. В одном из посланий к кузине Аксаков описывал свое пешее одинокое путешествие из Подмоскovie в Москву. И по стилистике, и по передаваемому эмоциональному состоянию этот рассказ связан с «Осенью»: «... Я <...> вышел в поле, ночь безмесячная, мрачная; ветер гудит <...>. Я остановился на минуту; какое-то особенное чувство овладело мною; Москва чуть-чуть виднелась во мраке; я один, в поле, ночью, далеко от людей <...>. Странное чувство: точно будто исчезаешь, уничтожаешься; точно будто с места не хочется сойти; что-то будто <...> сковывает ноги, и на душе становится тяжело, тяжело» [Аксаков, Письма к М.Г. Карташевской 1836–1837: 33]¹. Схожие мотивы преломляются и в художественных произведениях Аксакова, очень ярко — в «Осени».

Прозаическая форма освобождает этюд Аксакова от метрической, строфической, как и какой-либо иной предзаданности. Текст воспринимается одновременно и как литературный, и как невымышленный, дневниково-исповедальный, что поддерживается его нарочитой фрагментарностью. Автор словно оборвал записи, которые делал лично для себя, оборвал в тот момент, когда перестал чувствовать в них потребность. И в то же время произведение вполне относимо к жанру фрагмента. Очевидно, синтезировать возможности дневниково-исповедальной и художественной прозы Аксакову в «Осени» позволил именно лиризм, ставший доминантой текста и определивший его поэтику.

---

¹ Выражаю благодарность Е.И. Анненковой и А.П. Дмитриеву, позволившим ознакомиться с изучаемыми ими текстами писем К.С. Аксакова к М.Г. Карташевской.

Как и большинство лирических произведений, аксаковский этюд нарочито бесфабулен. Хоть какие-то, предельно скупые, факты из жизни героя, «молодого человека», вводятся лишь в середине «Осени», тогда же впервые произносится и его имя: «Наконец пришли в гост<иную> отец и мать, братья и сестры Максимилиана (так назывался молодой человек) и вывели его из задумчивости. Теперь можем вкратце рассказать его обстоятельства» [Аксаков, 2015: 132]. К этому моменту читателю уже хорошо известна жизнь души героя, в сущности, она же продолжает раскрываться и во второй половине текста. Внешних событий, способных составить фабулу, оказывается недостаточно, как недостаточно их оказывается и для того, чтобы мотивировать владеющее «молодым человеком» чувство грусти: родные Максимилиана уезжают недалеко и расстаются с ним ненадолго, одиночество и меланхолия объявляются состояниями, константными для души героя. Таким образом, полномочия фабулы ниспровергаются, в своих правах безраздельно утверждается заявивший о себе с самого начала «Осени» лирический сюжет.

Рефлексия молодого героя, грустящего на лоне природы, погруженного в размышления и воспоминания, актуализирует прежде всего традиции элегии в классическом варианте жанра, утвержденном Жуковским. «В русской прозе первой трети XIX века находят отражение популярные лирические жанры», «в ней отчетливо звучит элегическая нота...» [Остапцева, 2010: 30]. В свое время И.М. Семенко очень точно назвала художественный метод элегика Жуковского «суммирующим» и противопоставила его «дифференцирующему» методу Баратынского [Семенко, 1970: 239]. Аксаков наследует первому и подчиняет рефлексию героя центральной эмоции — светлой грусти, созидаемой и поддерживаемой всем арсеналом мотивов, образов и слов-маркеров («осень», «вечер»).

Аксаковский этюд перенасыщен синонимами (в том числе контекстуальными), повторами и вариациями, работающими на принцип «суммарности». Приведем лишь несколько примеров из начала текста: «*Ненастно* <здесь и далее курсив наш. — М.К.>, *сумрачно* было на дворе; с *однообразным* шумом пада<ли> капли...» [Аксаков, 2015: 131], «... *грустные* чувства возбуждала в нем осень; он прислушивался к *однообразному* звуку капель, к *печальному* шелесту редких листов...» [там же], «... его *грусть* <...> была вызвана каким-то *темным* *далеким* воспоминанием, *таким* *неясным*, *таким туманным*, что он сам не понимал, отчего ему *грустно*: но ему было *грустно* отчего-то...» [там же], «все было *так уныло*, *так уныло*» [там же: 132]. Повторы и вариации скрепляют текст, фокусируя его на эмоциональном состоянии Максимилиана, и актуализируют связь с

музыкой, недоступную в такой степени ни одному роду литературы, кроме лирики [см.: Ляпина, 2016; Голубева-Монаткина, 2017]. Аксаковский этюд обретает особой силы мелодичность и своеобразную ритмичность, подчиняясь минорной тональности.

Сцепляясь друг с другом по законам музыкального и лирического произведения, повторы и вариации взаимообогащаются, выявляя новые, подчас неожиданные оттенки смысла. В результате, как это происходило в элегиях Жуковского и лирическом фрагменте «Невыразимое» [см.: Гуковский, 1965: 48–50, 66], слово обретает гибкость, многомерность, автономность, способность сочетаться со всевозможными контекстами и не зависеть от них. Как следствие, все грани стираются, в том числе грань между прошлым и настоящим, созерцаемым вовне и внутри себя, зримым и чувствуемым и т.п. Герой Аксакова, как и Жуковского, словно растворяется в природе и вместе с тем вмещает ее в себя, пребывает одновременно в мире мечты и действительности, становится центром бытия: вне его сознания, восприятия, состояния души — как бы ничего не существует. Постепенно осуществляется интериоризация, в своих правах утверждается мотив «смотрит — и не видит» («потом опять *задумчиво* смотрел вокруг себя»). По мере того, как ослабляется внешнее созерцание, укрепляется и углубляется внутреннее.

В этот процесс интериоризации активно вовлекается и читатель, что характерно именно для лирики. «Классическое “Я помню чудное мгновенье”, — замечал В.И. Тюпа, ссылаясь на наблюдения Н. Гумилева, — в акте художественного восприятия читается именно как “я помню”, а не “он помнит”»: складывается обычная для стихотворной лирики ситуация “неслиянности и нераздельности” автора, лирического героя и читателя» [Тюпа, 2009: 57].

В первой половине «Осени» не названный по имени и лишенный биографии герой именуется «молодым человеком», что минимизирует дистанцию между ним и молодым же автором, который передоверяет ему собственные переживания. Аксаковский «молодой человек» обнаруживает все признаки лирического героя: становится центральной темой произведения, раскрывается как личность и вступает в особые отношения «неслиянности и нераздельности» с автором и читателем. Имя, Максимилиан, вроде бы дистанцирующее и объективирующее героя, вводится слишком поздно, когда субъект-субъектные отношения уже утвердились, и оказывается бессильно их расшатать. Господствующая в тексте форма третьего лица («молодой человек», «он», «Максимилиан»), также не мешает выстраиванию этих отношений. По наблюдению С.Н. Бройтмана, она органична для лирики XIX в. Ученый отмечал

на протяжении этого столетия «... резкое возрастание роли такого типа высказываний, при котором **субъект речи смотрит на себя со стороны как на “другого”** <выделено Бройтманом. — М.К.> (как на “ты”, “он”, обобщенно-неопределенного субъекта, выраженного инфинитивом и наречием, как на состояние, отделенное от его носителя) [Бройтман, 1997: 85]. В аксаковском этюде герой, уже воспринятый читателем как личность, близкая автору и читателю, с введением имени получает автономность, становится неким «отделенным», «другим», не теряя при этом всех ранее приобретенных качеств «своего». Можно сказать, перефразируя Бройтмана, что к концу «Осени» автор и читатель смотрят на «другого» Максимилиана, как на «себя».

Этой вовлеченности читателя в процесс внутренней жизни героя способствуют то и дело становящиеся ведущими формы настоящего времени, органичные для лирики: «отчего грустно молодому человеку» [Аксаков, 2015: 131], «что же теснится в душу его» [там же], «он видит, видит как сквозь сон осенний вечер» [там же] и т.п. Читателю буквально предлагается остановиться, увидеть и прочувствовать то, что видит и чувствует герой: «*Постойте, видите вы*, как садится солнце там, за прудом...» [там же: 132]. Но и формы прошедшего времени — благодаря тому, что в них фиксируются сиюминутные, едва уловимо сменяющие друг друга состояния, — воспринимаются в значении настоящего. Это достигается в том числе за счет апелляции к характерной для лирики категории мгновения (ср.: «Мы сейчас видели одну из таких минут его» [там же]), как и за счет подчеркиваемой — в частности, через формы несовершенного вида глагола — процессуальности, создающей ощущение текучести, совершаемости события-переживания в настоящее время («... тяжелое серое небо сливалось с землею; осенний мелкий дождь сыпался на поля, и как бы флер одевал все предметы» [там же: 131], «молодой человек шел все далее...» [там же], «... это еще более умножало грусть его» [там же: 132]).

Совершается обычный для лирики выход из настоящего конкретного в настоящее вневременное, актуальное в том числе «здесь и сейчас» для читателя. В частности, в предложении: «Как бы собрать все эти впечатления, как бы увековечить их в себе и разгадать их» [там же: 132] — актуализированы одновременно конкретное настоящее героя и вневременное настоящее читателя. Обращает на себя внимание и тонкая двусмысленность, создаваемая местоимением «в себе», потенциально многозначным, синонимичным сразу трем вариантам — «во мне», «в тебе», «в нем», т.е. вновь выводящим к «нераздельности и неслиянности» автора, героя и читателя. Эта

двусмысленность подобна той, которая присутствовала в ранней элегии Пушкина «Певец», где, правда, были актуализированы не три, а два плана — героя и читателя: «Слыхали ль вы за рощей глас ночной / Певца любви, певца *своей* печали?» [Пушкин, 1937: 211; см. подробно об этой семантической двуплановости: Маркович, 2019: 269]. У Аксакова «неслиянность»-«нераздельность» трех субъектов поддерживается на всех уровнях поэтики.

Осуществляющиеся далее не всегда, казалось бы, мотивированные переходы от третьего лица ко второму и тем более к первому воспринимаются как органичные: «*Смотрите, смотрите: вижу*, шумит березовая роща <...>. *Постойте, видите вы*, как садится солнце там, за прудом <...>, *чувствуете ли вы* тишину вечернего воздуха? <...> очень много *м<не>* тогда говоривший вечер на все разлил какое-то чудное спокойствие <...>. Наконец пришли в гост<иную> отец и мать, братья и сестры *Максимилиана* <...> и вывели *его* из задумчивости» [Аксаков, 2015: 132]. Эти взаимопереходы первого лица во второе и третье обусловлены не только характерными для лирики субъект-субъектными отношениями между автором, героем и читателем, но и восходящей к традициям Жуковского повышенной субъективностью картины мира, размывающей границы между «я» и «другим».

Характерная для лирики в целом и для романтической лирики в особенности концентрированность, гиперболизированность переживаний героя к середине и второй половине этюда выражается уже абсолютно полновластно. Как определяющие поэтику выступают элегические мотивы осеннего увядания и уныния, одиночества, вечера. И в окружении близких людей, и на лоне природы Максимилиан остается непреодолимо одинок («итак, он *один, один* в деревне», «леса, поля, горки; они *одни* теперь, он никого на них не встретит: он *один*», «он <...> все ходил, гулял *один с самим собою*» [Аксаков, 2015: 133]) и грустен. Несмотря на то, что констатируется прекращение затяжного осеннего дождя, улучшение погоды, смена времени суток, ход дней, — печаль Максимилиана не рассеивается, мотив вечера остается ведущим: «Был час пятый *вечера...*», «*Вечер* прошел. Наступило утро...», «Погода прояснилась, сделалось тепло, и наступил прекрасный осенний день...», «Наступил *вечер*, и он лег спать; на другой день то же. <...> Так <прошла> целая неделя», «Вот в один *вечер* сидел он задумавшись перед веч<ой>...» [там же]. В «Осени» ярко выразилась меланхолия, играющая столь важную роль в русской лирике первой трети XIX в. [см. подр.: Прозоров, 2018: 128–169; Никонова, Дубовенко, 2016; ср.: Архангельская, 2017].

Мотивы одиночества, тоски и вечера получают в аксаковском этюде романтическую огласовку. Душа героя стремится к идеально-иному бытию. Вечер символизирует его предошущение, вплотную подводя к темному, любимому времени суток романтиков: ночью размыкаются границы между реальным и неземным мирами. Роковой шаг Максимилиан не совершил, но подошел к иному миру предельно допустимо близко. Как и герой романтической элегии Жуковского «Славянка», он постепенно теряет связь с действительностью, начинает ощущать присутствие какой-то другой, незримой души рядом. Постоянным «как бы», «как будто», «мнится» [Жуковский, 2000: 24–25] у Жуковского — буквально вторят постоянные же «казалось», «кажет<ся>», «показалось» у Аксакова.

Последние включаются в уже утвердившийся в «Осени» синонимический ряд наравне с «почувствовал», «задумался» и «увидел». И, однако, пока еще ощущаемая Максимилианом тонкая грань между «кажется», «думает» и «видит» («... вдруг ему показалось что-то в углу комнаты; он поднял глаза — там ничего не было. Через минуту опять перед ним явилась странная фигура, <...>. Он был в каком-то оцепенен<ии>. Наконец мало-помалу начал приходить в себя — фигуры вокруг него бледнели, исчезали, близились к нему, и вдруг он почувствовал их в голове своей; он увидел, что уже думает и не видит: “Ах, это мои мысли, — сказал он, наконец, — собственные мои мысли”» [Аксаков, 2015: 133–134]) удерживает его в реальной жизни и в состоянии душевного здоровья.

В аксаковском этюде, как и в повестях «Вальтер Эйзенберг» и «Облако», обозначен путь в романтическое иное бытие, ощущаемое одновременно как вожаденное и пугающее. Наблюдения Е.И. Анненковой, сделанные на материале обеих повестей, могут быть отнесены и к «Осени»: «Аксаков запечатлел скрытый потенциал души романтика — тягу к проникновению в абсолютно чуждое, растворение в нем, перетекание в иной мир...», «погружение в романтическую мечту обнажало бездну человеческого духа; Аксакову же она оказывается столь чужда, что вторую повесть он пишет как своеобразное продолжение-опровержение первой <речь идет соответственно об “Облаке” и “Вальтере Эйзенберге”>. — М.К.» [Анненкова, 1998: 104, 106; см. также: Грекова, 2015; Кузьмина, 2017].

Любопытно, что если герой элегии «Славянка» ощущает рядом присутствие какой-то неземной души («И ангел от земли в сиянье предо мной...» [Жуковский, 2000: 24]), манящей его собственную душу, и в итоге, оставшись один, тоскует по утраченному посланцу небес, то Максимилиан — видит своих близких: «... вот его брат, вот знакомая девушка...» [Аксаков, 2015: 133]. Уже это удерживает его в

земном мире. Более того, видения Максимилиана не столько очаровывают его, сколько настораживают. Они именуется «странными фигурами», т.е. лишаются высокого ореола. «Фигура» — что-то неживое (ср.: «куча фигур» [там же]), некая оболочка, под которой может скрываться пустота, отсутствие души или же злой дух, мимикрировавший под внешность близкого человека. Как именование «фигур», так и их поведение выдает в них скорее театральные либо inferнальные образы, напоминающие представителей иномира из повести «Вальтер Эйзенберг»: «... опять перед ним явилась странная фигура, которая смеялась и кланялась, за нею другая <...> куча фигур одна за другою заверт<елись>, закружились перед М<аксимилианом>. Он был в каком-то оцепенен<ии>» [там же]. Это «оцепенение» героя очень похоже на состояние наваждения или болезни. Но, возможно, таким оно представляется лишь читателю, не готовому отрешиться от земного бытия.

В «Осени» состояние души романтика раскрыто глубоко, пронзительно тонко и нарочито субъективно. Читатель может принять это состояние и пережить его вместе с героем, но может и отклонить, квалифицировав лишь как фантазию мечтателя. Сама жанровая природа аксаковского этюда-фрагмента допускает две взаимоисключающие интенции, равновероятные. С одной стороны, продолжая традицию, заложенную «Невыразимым» Жуковского (ср. у Аксакова: «неуловимое» и «невывыказываемое»), — показать кульминацию внутренней жизни идеалиста и увлечь читателя за ним в романтическое инобытие, которое невозможно описать — можно лишь в форме отрывка приоткрыть над ним завесу, и тот, в ком «слово отзовется», увидит невидимое большинству. С другой — в противовес «Невыразимому», поставить под сомнение путь в романтическое инобытие, прервать сюжет, остановив героя и читателя на пороге грозящей бездны, пока не достигнута точка невозврата. «Осень» может быть прочитана, соответственно, и как одна из вершин русского романтизма (в аксаковском варианте), и как его завершение.

Органическая часть творчества Аксакова 1830-х годов, «Осень» — наряду с повестями «Вальтер Эйзенберг» и «Облако» — принадлежит к его лучшим художественным произведениям. Психологический этюд ярко отобразил те черты элегического романтизма, которые константны и для писем автора к Карташевской, и для целого ряда лирических стихотворений этих лет. Думается, испытывая влияние Жуковского, молодой Аксаков вместе с тем не находился всецело под его влиянием, а, глубоко впитав романтические веяния, приходил к художественным открытиям также независимо от него,

одновременно с ним (примечательны и его сближения с ранним Лермонтовым [см.: Анненкова, 2018: 26–40; Анненкова, 2015; Кузьмина, 2016: 519–521], произведений которого он знать не мог), что и позволяет рассматривать «Осень» как заслуживающий внимание образец русской романтической прозы.

Список литературы

1. *Аксаков К.С.* Осень // Аксаковские чтения (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24–26 сентября 2015 г.) Уфа, 2015. С. 131–134. (Публ. М.Д. Кузьминой).
2. *Аксаков К.С.* Письма к М.Г. Карташевской 1836–1837 гг. // РО ИРЛИ. Архив А.Н. Маркевича. № 10604. ХVC. 1.
3. *Анненкова Е.И.* Аксаковы. СПб., 1998.
4. *Анненкова Е.И.* Константин Аксаков: Веселье духа. СПб., 2018.
5. *Анненкова Е.И.* Михаил Лермонтов и Константин Аксаков: природный мир и человеческое «Я» в ранней лирике // Лермонтовские чтения — 2014: Сб. ст. СПб., 2015. С. 196–209.
6. *Архангельская А.В.* «Дом без ушей, а горница без очей»: чувственная метафорика одиночества в древнерусской литературе // Бестиарий и чувства. Серия RES et VERBA. Т. 5. М., 2017. С. 167–173.
7. *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997.
8. *Голубева-Монаткина Н.И.* К проблеме ритма прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 2. С. 16–27.
9. *Грекова Е.В.* Оживший портрет, или Два варианта решения одной проблемы // Аксаковский сборник // Аксаковский сборник. Вып. 6. Уфа, 2015. С. 112–113.
10. *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965.
11. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. М., 2000.
12. *Кузьмина М.Д.* Начало пути: детские литературные опыты К. Аксакова // Острова любви Борфедда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб., 2016. С. 509–522.
13. *Кузьмина М.Д.* Романтическое инобытие в повести К.С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» // Русская литература. 2017. № 1. С. 65–76.
14. *Ляпина Л.Е.* Жанр мелодий в русской лирике XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2016. № 179. С. 25–33.
15. *Маркович В.М.* Русская литература Золотого века: Лекции / Под ред. Е.Н. Григорьевой. СПб., 2019.
16. *Никонова Н.Е., Дубовенко К.И.* О немецком фоне концептов меланхолии и энтузиазма в житнетворчестве В.А. Жуковского // Учен. зап. Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 (66). С. 159–161.
17. *Остатцева В.Н.* Лиризм русской прозы 30-х годов XIX века. М., 2010.
18. *Прозоров Ю.М.* В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. СПб., 2018.

19. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 1. М.; Л., 1937.
20. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970.
21. Тюпа В.И. Стихотворение в прозе в русской литературе: Становление жанрового инварианта // Поэтика русской литературы: Сб. статей [К 80-летию проф. Ю.В. Манна]. М., 2009. С. 50–70.

Marina Kuzmina

LYRICISM OF K. AKSAKOV'S PROSE: THE PSYCHOLOGICAL ETUDE OSEN ('AUTUMN')

*Higher School of the Press and Media Technologies,
St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya St., 18*

This article discusses K. Aksakov's *Osen* (Autumn), a psychological etude written in the 1830's, when young Aksakov was keen on romanticism. It is organically interwoven with Aksakov's works of this period as it develops the themes and motifs of the novellas *Walter Eisenberg* and *Oblako* (The Cloud), letters to M. Kartashevskaya, which are actually a lyrical diary, and lyrical poems *Siremlenie Dushi* (Spiritual Aspirations), *Fantaziya* (Fantasy), *Mechtanie* (Daydreaming), *Vspominanie* (Recollection), and *Nenastie* (Foul Weather). Lyrical in content, *Osen* (Autumn) has no plot. It comes as reflections of the hero enjoying a pensive mood. The meditative elegy had a special influence on Aksakov's psychological etude, it is manifested in the hero's solitude in the heart of nature, his melancholy, self-absorbed contemplation, and the like. *Osen* is commensurate with poems by Zhukovsky. But unlike lyricists and romanticists of the time, Aksakov leads his hero through the Anderssein, which is simultaneously tempting and menacing.

Key words: K. S. Aksakov; *Osen*/Autumn; psychological etude; lyricism; romanticism; romantic other life; motive; reflection; fragment; poetics.

About the author: *Marina Kuzmina* — PhD, Associate Professor. Department of Book Publishing and Book Trade, the Higher School of the Press and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Doctoral candidate, Department of the Russian Literature, Herzen Russian State Pedagogical University (e-mail: mdkuzmina@mail.ru).

References

1. Aksakov K.S. *Osen* [Autumn]. Aksakovskie chteniya: (Materialy` XV Aksakovskix chtenij. Ufa, 24–26 sentyabrya 2015 g.). Ufa: *Izd-vo Bashkirkogo gos. ped. un-ta im. M. Akmully*`, 2015, pp. 131–134. (Publ. M.D. Kuz'minoy). (In Russ.)

2. Aksakov K.S. Pis'ma k M.G. Kartashevskoj 1836–1837 gg. [Letters to M.G. Kartashevskaya] *RO IRLI. Arhiv A.N. Markevicha. № 10604. XVC. 1.* (In Russ.)
3. Annenkova E.I. Aksakovy' [Aksakovs]. St. Petersburg: *Nauka*, 1998. (In Russ.)
4. Annenkova E.I. Konstantin Aksakov: Vesel'e duha [Konstantin Aksakov: Fun of spirit]. St. Petersburg: *Rostok*, 2018. (In Russ.)
5. Annenkova E.I. Mihail Lermontov i Konstantin Aksakov: prirodnyj mir i che-lovecheskoe "YA" v rannej lirike. [Mikhail Lermontov and Konstantin Ak-sakov: the natural world and human "I" in early lyrics] *Lermontovskie chteniya* — 2014. Sb. st. St. Petersburg: *Liki Rossii*, 2015, pp. 196–209. (In Russ.)
6. Arhangel'skaya A.V. "Dom bez ushej, a gornica bez ochej": chuvstvennaya metaforika odinochestva v drevnerusskoj literature ["The house without ears, and a room without eyes": sensual metaphors of loneliness in Old Russian literature] *Bestiarij i chuvstva. Seriya RES et VERBA. T. 5.* Moscow: Intrada, 2017, pp. 167–173. (In Russ.)
7. Brojtman S.N. *Russkaya lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoj poe'tiki. (Sub)"ektno-obraznaya struktura.* [The Russian lyrics of XIX — the beginning of the 20th century in the light of historical poetics (Subject and figurative structure)] Moscow: *Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj univer-sitet*, 1997. (In Russ.)
8. Golubeva-Monatkina N.I. *K probleme ritma prozy* [To a prose rhythm prob-lem] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2017. T. 76. № 2, pp. 16–27. (In Russ.)
9. Grekova E.V. Ozhivshij portret, ili Dva varianta resheniya odnoj problemy [The recovered portrait, or Two versions of the solution of one problem] *Ak-sakovskij sbornik. Vyp. 6.* Ufa, 2015, pp. 112–113. (In Russ.)
10. Gukovskij G.A. Pushkin i russkie romantiki. [Pushkin and Russian roman-tics]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura*, 1965. (In Russ.)
11. Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. [Complete works and letters]: V 20 t. T. 2. Moscow: *Yazyki russkoj kul'tury*, 2000. (In Russ.)
12. Kuz'mina M.D. Nachalo puti: detskie literaturnye opyty K. Aksakova [Be-ginning of a way: children's literary attempts of K. Aksakov] *Ostrova lyubvi Borfeda: Sb. k 90-letiju Borisa Fedorovicha Egorova.* St. Petersburg: *Rostok*, 2016, pp. 509–522. (In Russ.)
13. Kuz'mina M.D. Romanticheskoe inobytie v povesti K.S. Aksakova "Val'ter EHjzenberg" [Romantic other life in the story by K.S. Aksakov "Walter Eisenberg"] *Russkaya literatura.* 2017. № 1, pp. 65–76. (In Russ.)
14. Lyapina L.E. Zhanr melodij v russkoj lirike XIX veka [Genre of melodies in the Russian lyrics of the 19th century] *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena.* 2016. № 179, pp. 25–33. (In Russ.)
15. Markovich V.M. *Russkaya literatura Zolotogo veka: Lekcii.* [Golden Age Russian Literature: Lectures] Pod red. E.N. Grigor'evoj. SPb.: *Rostok*, 2019. (In Russ.)

16. Nikonova N.E., Dubovenko K.I. *O nemeckom fone konceptov melanhonii i ehntuziazma v zhiznetvorchestve V.A. Zhukovskogo* [About the German background of concepts of melancholy and enthusiasm in V.A. Zhukovsky's zhiznetvorchestvo] *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2015. № 3 (66), pp. 159–161. (In Russ.)
17. Ostapceva V.N. *Lirizm russkoj prozy` 30-x godov XIX veka*. [Lyricism of the Russian prose of the 30th years of the 19th century] Moscow: *INFRA-M*, 2010. (In Russ.)
18. Prozorov Yu. *M.V.A. Zhukovskij v istoriko-literaturnom osveshchenii. Ehstetika. Poehtika. Tradicii*. [Zhukovsky in history-literary lighting. Esthetics. Poetics. Traditions] SPb., 2018. (In Russ.)
19. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij*. [Complete works]: V 16 t. T. 1. [Moscow-Leningrad]: *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1937. (In Russ.)
20. Semenko I.M. *Poe'ty` pushkinskoj pory`* [Poets of a Pushkin time]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura*, 1970. (In Russ.)
21. Tyupa V.I. *Stixotvorenje v proze v russkoj literature. Stanovlenie zhanrovogo invarianta* [The poem in prose in the Russian literature. Formation of a genre invariant]. *Poe'tika russkoj literatury': Sb. statej [K 80-letiyu prof. Yu.V. Manna]*. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet, 2009, pp. 50–70. (In Russ.)

О.А. Воробьёва

**ПРИХОДНО-РАСХОДНАЯ КНИГА ЖУРНАЛА
«РУССКОЕ СЛОВО» 1858–1862 годов**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Впервые развернуто представлены сведения о приходно-расходной (конторской) книге журнала «Русское слово»¹, уделено внимание возможной истории спасения документа. Содержание книги дает новую информацию о журнале гр. Г.А. Кушелева-Безбородко: позволяет очертить географию подписки, обозначить тираж, осветить финансовое положение в разные периоды. В приложении — сохранившиеся подсчеты прибыли и трат с конца 1858 по начало 1862 г.; данные в период с июня 1860 по декабрь 1861 г., вопреки бытующему мнению, свидетельствуют о том, что за полтора года работы заведующий «Русским словом» Г.Е. Благосветлов не смог сделать из журнала финансово выгодное предприятие, хотя — пусть и с переменным успехом — он удерживал приход и расход почти наравне. Удалось ли ему сделать журнал прибыльным к середине 1862 г., когда цензура приостановила деятельность журнала на восемь месяцев, по конторским записям установить невозможно — их почти нет. Имеющиеся сведения, подкрепленные биографией Кушелева-Безбородко, указывают на то, что одной из причин его отказа от журнала в пользу Благосветлова могла быть неспособность графа материально содержать редакцию. Публикуются также ранее не известные письма, которые свидетельствуют о том, что в 1860 г. за бухгалтерию журнала отвечал А.Г. Виноградов — лицо важное, однако до сих пор никогда не упоминавшееся в исследованиях по истории «Русского слова».

Письма в статье приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: журнал «Русское слово»; приходно-расходная книга; конторские книги; экономика литературного журнала; Г.А. Кушелев-Безбородко; А.И. Хмельницкий; Г.Е. Благосветлов; А.Г. Виноградов; А.В. Дружинин; РГАДА; Литературный фонд.

Воробьёва Оксана Александровна — диссертант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: oxalvo@gmail.com).

¹ 27 октября 2018 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова на конференции «Русский журнал имперского периода: художественная форма, политический инструмент, экономическое предприятие» Н.Н. Корнацкий указал на факт сохранности книги, после чего мы обнаружили ее в РГАДА.

I.

Журнал «Русское слово» основал граф Г.А. Кушелев-Безбородко. Замыслы издавать журнал относятся к 1856 г., но книжки стали выходить только с января 1859 г. Во время подготовки к изданию Кушелев-Безбородко рассматривал возможность сделать из журнала благотворительную площадку для нуждающихся писателей. Об этом в конце 1856 г. Писемский сообщал Тургеневу: «Дружинин² предложил ему <Кушелеву-Безбородко. — О.В.> довольно хорошую мысль, чтобы он сделал из своего журнала издание в пользу недостаточным литераторам, как это делается в Англии» [Писемский, 1964: 148]. Это же подтверждал сам Дружинин: «Вчера я, Гончаров, Анненков, Льховский и Кроль обедали у Кушелева. Говорили о его издании, а я высказал свою мысль о literary fund³. Кто знает, может быть этой мысли еще суждена большая будущность. Кушелев оказался гораздо дельнее, чем я думал» [Дружинин, 1986: 398]. В середине января 1857 г. граф приглашал к себе Дружинина для обсуждения образования фонда [Кушелев-Безбородко, 1948: 165–166]. Как оказалось, Кушелев-Безбородко не увлекся идеей издавать благотворительный журнал, он хоть и не отказал в помощи Дружинину, но предложил неожиданный для него вариант поддержки. Итог переговоров Дружинин записал в дневнике: «Сей юноша, одушевленный добрыми намерениями, жертвует в пользу фонда лишь несуществующий доход с несуществующего журнала, а потому вся история на том покуда села» [Дружинин, 1986: 401]. Как теперь показывает приходно-расходная книга, прибыль с «Русского слова» не позволила бы графу спонсировать Литературный фонд [см. Приложение: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904.].

II.

О бухгалтерских книгах было известно из редакционной инструкции «Русского слова»: «Всем поступающим в Контору денежным суммам и производимым из того расходам должно вести точный и подробный счет, на какой предмет Издатель снабжает Контору приходно-расходною книгой с приложением своей печати. <...> Кроме того о приходе и расходе суммы, как выше сказано, Управляющий конторою представляет Издателю ежемесячные ведомости, а по окончании года общий тому отчет и баланс» [РО ИРЛИ РАН № 12884. Л. 6–7].

---

² У Кушелева-Безбородко и Дружинина была тогда взаимная заинтересованность. Об этом можно судить из письма Гончарова к Дружинину: «Я виделся вчера с гр. Безбородко: он очень благодарен за участие к журналу и сильно желает познакомиться с Вами, любезнейший Александр Васильевич» [Гончаров, 1948: 74].

³ О Литературном фонде см.: [Сажин, 2008: 214–227; Корнацкий, 2018: 118–121].

Как выяснилось, документ хранится в Российском государственном архиве древних актов в фонде Кушелевых-Безбородко [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904]. Сохранностью книги исследователи, вероятно, обязаны сотруднику «Петроградской правды»⁴, который в 1921 г. предпринял попытку спасти архив Кушелевых-Безбородко. Вот какую запись он оставил на последнем листе журнала заседаний главной конторы Г.А. Кушелева-Безбородко:

Т.! За ним придут или пошлите его по почте, куда следует.

Т.Ш.

Просьба передать сей журнал заседаний конторы графа Кушелева-Безбородко за 1859 г. в петрогр. особую книжную комиссию как историч. документ.

6 июня 1921 г. я ехал в пригородном поезде по Ник. жд. из Петрограда домой. Встретился в вагоне с знакомым красноармейцем и увидел у него в руках кипу подобных прилагаемому «журналов Кушелева-Безбородко». Отобрать мне удалось у него лишь этот. Остальные он увез домой. Фамилию его я забыл. Но ее можете восстановить в Колпинском райкоме РКП (Колпино Пет. губ.) у бывшего (до 1 марта 1921 г) воен. комиссара Колпинского воен. комиссариата члена РКП Колпинск. орг.т. Решетникова.

Этот красноармеец был у Решетникова в комиссариате в феврале 1921 г. каптенармусом.

В мае этот кр.-еец был помощником каптенармуса в Петр. уездном военн. комиссариате (Пград, б. Литейный пр., № 19) и там этими кушелевскими журналами селетки и хлеб заворачивают.

Гибнет архив «до-крепостной» петрогр. конторы графа Кушелева-Безбородко!

Спасите остатки его: в Колпине они у крейца и на Литейном 19 в военкоме <...> [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 624. Л. 58].

Нет уверенности в том, что приходно-расходная книга журнала «Русское слово» тоже была спасена по инициативе равнодушного сотрудника «Петроградской правды», однако его записка косвенно на это указывает.

Журнал заседаний главной конторы Кушелева-Безбородко за 1859 г. здесь в меньшей степени представляет для нас интерес, однако благодаря ему установлено, что бухгалтер журнала М.В. Букин 7 августа 1859 г. предоставил опись бывших в его ведении документов по «Русскому слову» А.И. Хмельницкому (тогда новому управляющему редакцией). В этот же день граф Кушелев-Безбородко просил взять другого бухгалтера на место Букина [см.: РГАДА 1377. Оп. 1. Ед. хр. 624. Л. 3]. Судя по всему, за финансы журнала с этого момента начал отвечать член Главной конторы Кушелева-Безбородко статский советник А.Г. Виноградов. Именно к нему по части обеспечения журнала будут обращены письма Хмельницкого и Благосветлова.

III.

Подписка на «Русское слово» осуществлялась в Петербурге и Москве. В столице было сразу две конторы: при книжном магазине

⁴ К сожалению, автор записки неразборчиво написал свою фамилию.

Д.Е. Кожанчикова в доме Демидова на Невском проспекте и в доме Кушелева-Безбородко на Гагаринской пристани. В Москве подписку принимали в книжном магазине И.В. Базунова в доме Загряжского на углу Большой Дмитровки. Деньги от подписки появились в ноябре 1858 г. — после выхода объявления о новом журнале [СПб ведомости, 1858. 25 окт.]. Первые подписчики были не только из столицы, но и из Балахны, Белгорода, Белева, Витебского губернского правления, Вятки, Дмитриева, Тулы, Казани, Кишинева, Козлова, Кременчуга, Лебедяни, Могилева, Нижнедевицка, Новой Ладogi, Пензы, Пошехонья, Ромен, Ростова (Ярославской губернии), Рыбинска, Симбирска, Херсона, Чембара, Ярославля. За ноябрь редакция получила 602 руб. [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 2]⁵.

С декабря запросы на подписку стали приходиться уже из Арзамаса, Архангельска, Астрахани, Бердянска, Бессарабской области, Бузулука, Варшавы, Вильно, Владимира, Вольска, Воронежа, Галича, Глухова, Гродно, Динабурга, Екатеринбургa, Елабуги, Енисейска, Задонска, Звенигорода, Перми, Калуги, Киева, Кинешмы, Кременчуга, Костромы, Курска, Минска, Митавы, Могилева, Мценска, Новомосковска, Одессы, Оренбурга, Павлограда, Полтавы, Пскова, Путивля, Ржева, Риги, Рославля, Старой Руссы, Самары, Саранска, Серпухова, Себежа, Симбирска, Симферополя, Славянска, Ставрополя, Сызрани, Таганрога, Тамбова, Тирасполя, Тифлиса, Тобольска, Тотьмы, Тюмени, Тулы, Уфы, Харькова, Чебоксар, Челябинска, Чернигова, Чистопольска, Шуи и др.⁶ Доход за декабрь увеличился до 6976 руб. 50 коп. [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 17]; траты составили 5678 руб. 4 коп. [там же. Л. 8]⁷.

Не все данные о «Русском слове» были зафиксированы в книге. Так, нет сведений с июля 1859 по июнь 1860 г., когда редакция была под управлением Хмельницкого. Мы предпримем попытку охарактеризовать это время по другим документам.

30 мая 1859 г. — накануне прихода в «Русское слово» Хмельницкого [Варустин, 1966: 28] — Кушелев-Безбородко обратился к редакции с письмом, где в числе прочего заявил, что за год траты на журнал не должны превышать 34000 руб. [Звенья 1931, вып. 1: 315–317]. Если вычесть из этой суммы фиксированную плату штатных сотрудников — 7080 руб. [там же: 312], то оставалось 26920 руб. Выходит, что на выпуск одной книги Кушелев-Безбородко рассчитывал тратить

⁵ В приложении помещаем суммы прихода и расхода, зафиксированные по месяцам.

⁶ География подписки на «Русское слово» обширна, мы назвали только крупные и известные населенные пункты. Мы также не включали в этот перечень города, которые были упомянуты ранее в подписке за ноябрь.

⁷ Остальные записи см. в Приложении.

примерно 2243 руб.⁸ Эта сумма была рассчитана не только на гонорары, но и на тиражирование.

Еще в 1858 г. «Русское слово» объявляло, что «заказывает лучший сорт бумаги и ничего не пощадит для того, чтобы внешний вид издания удовлетворял вкусу образованной публики» [СПб ведомости, 1858. 25 окт.]. Бумагу редакция заказывала у Г.А. Заветного и В.П. Печаткина⁹; Заветному с января по май¹⁰ было выплачено 3221 руб. 60 коп. В квитанциях самого поставщика значится, что «Русское слово» за 1859 г. должно было выплатить 5522 руб., однако получено от него было 3550 руб.; за 1860 (по апрель) — редакция должна была оплатить счет в размере 2777 руб. 19 коп., но выплатила 2400 руб. Кроме того, в деле хранятся не вошедшие в этот подсчет суммы. Так, в апреле поставщик бумаги выставил дополнительный счет журналу — 306 руб.¹¹, в августе — 20 руб., в сентябре — 509 руб. 20 коп.¹², в октябре — 218 руб. 80 коп., ноябре — 739 руб. 75 коп., затем еще 698 руб., в декабре — 708 руб. 90 коп. Итак, еще с апреля по декабрь 1860 г. редакция должна была заплатить Заветному 3200 руб. 65 коп. По этим счетам журнал заплатил только 1645 руб. 90 коп.¹³ Всего за 1860 г. в редакцию «Русского слова» бумаги было поставлено приблизительно на 5977 руб. 84 коп. Выходит, что за два года работы ежемесячно журнал должен был тратить примерно 479 руб.¹⁴ От суммы, предложенной Кушелевым-Безбородко на траты по журналу, с вычетом денег, предназначенных и на бумагу,

---

⁸ Предложенная экономия была связана не столько с тем, что редакция расточительно вела в это время дела по журналу, сколько с тем, что издателю пришлось пустить огромные деньги на содержание своей жены [об этом см.: Воробьева, 2018].

⁹ Основным поставщиком бумаги для журнала был Г.А. Заветный. У Печаткина редакция покупала цветную бумагу для обертывания книжек. Выплаты Печаткину не были большими и фиксированными, поэтому эти счета мы условно относим к остальным гонорарам, не вычитая их из денег, предназначенных на ежемесячные траты [см.: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 909].

¹⁰ В приходно-расходной книге записи за 1859 г. оборваны. Итоговый расход подсчитан за июнь. В июле, августе и сентябре записи почти не велись. Последняя запись о выдаче денег Заветному стоит 15 июня 1859 г. Однако речь идет о счете за поставленную бумагу по 8 мая 1859 г. [см.: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 32].

¹¹ За май, июнь, июль счета отсутствуют, возобновляются подсчеты с августа. Поэтому итоговую сумму, которую мы приводим, нужно считать приблизительно. В приходно-расходной книге записей об оплате бумаги за этот период нет.

¹² К подсчету на Л. 6 прибавляем выставленный счет на Л. 7 [см.: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 909. Л. 6–7].

¹³ Вносим в эту сумму только те цифры, которые под подписью Заветного значатся как полученные.

¹⁴ Если за 1859 г. поставщиком бумаги был выставлен счет в размере 5522 руб., то выходит, что на одну из 12 книжек бумаги требовалось на 460 руб., если в 1860 г. за год «Русское слово» должно было Заветному 5977 руб. 84 коп., то бумага для одной книжки обходилась в 498 руб. В связи с тем, что за 1860 г. сумму нельзя назвать точной, высчитаем среднюю трату на бумагу за два года: $(460+498) / 2=479$.

остается около 1764 руб. Из этой суммы необходимо вычесть деньги, требовавшиеся на оплату типографии.

Книжки «Русского слова» отпечатывались в типографии В.Н. Рюмина¹⁵, с которым граф подписал договор 1 января 1859 г.:

...Я, Рюмин, обязуюсь печатать в течение тысяча восемьсот пятьдесят девятого и тысяча восемьсот шестидесятого годов, в заведенной мной типографии под фирмою Рюмина и К^о, на бумаге, доставляемой Графом Кушелевым-Безбородко, издаваемый им журнал «Русское Слово», состоящий из двенадцати Книг в год, и следующие к сему журналу приложения, в виде отдельных Книг, от шести и не более двенадцати Книг в год, в числе трех тысяч экземпляров с оберткою. [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 911. Л. 2]

По условиям договора, за сотрудничество с журналом Рюмин получал проценты:

На сем основании я, Рюмин, обязуюсь печатать три тысячи экземпляров каждого листка и обертки Русского Слова и его прибавлений, с тем чтобы за каждый печатный лист / : включая в то число и титул и обертку: / он Граф Кушелев-Безбородко платит мне за журнальный в восьмую долю двадцать два руб. За приложение в восьмую долю шестнадцать руб. и сверх того, если по корректурным листам будут вымарки на страницах более одного печатного листа в сложности, то за каждую такую вымарку, превышающую печатный лист, Граф Кушелев-Безбородко должен платить мне сколько придется по расчету, полагая целый лист набора в восемь руб. [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 911. Л. 2]

В конторской книге не записаны все суммы¹⁶, выплаченные Рюмину. Есть две записи в марте¹⁷, следующая будет записана только

---

¹⁵ С 1859 по май 1860 г. «Русское слово» печаталось в типографии Рюмина. Однако июньская книжка за 1860 г. вышла уже в типографии товарищества «Общественная Польза», в июле и августе книжки снова были отпечатаны у Рюмина, а затем редакция начала сотрудничать с типографией Семена Сединкина (здесь вышли № 9, № 10, № 11, № 12 за 1860 г. и № 1 за 1861 г.). С февраля 1861 г. и вплоть до приостановки журнала на 8 месяцев (т.е. по май 1862 г.) «Русское слово» печатало книжки в типографии Н. Тиблина. Причина, по которой в июне 1860 г. журнал был отпечатан в другой типографии, связана с нарушениями договора со стороны Рюмина, документально отмеченными еще в феврале 1860 г. [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 305]. 12 мая 1860 г. было заведено дело о взыскании с Рюмина 25000 руб. по закладной, совершенной на типографию, литографию и словолитню [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 306].

¹⁶ Это может указывать на то, что порядка по части финансов в редакции не было. Ср., напр., как велись конторские записи в «Современнике» [Макеев, 2018].

¹⁷ Например, 13 марта 1859 г. «выдано по счету Рюмина за напеча [та]ние двух книжек Русского Слова и сочинений Островского» — 6 руб. 43 коп. [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 18], и 24 марта выдано 75 руб. 33 коп. — «за напечатание 1000 адресов по 11 коп. за каждый 110 руб., да за напечатание обертки и титула для шахматного листка 3 руб., итого 113 руб., а за удержанием у него 3^и части в уплату долга 37 р. 67 к.» [РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 19].

20 июня 1859 г.: за июньскую книжку Рюмину полагалось 834 руб.¹⁸ Так как в нашем распоряжении есть сумма, которую редакция точно потратила на выпуск одной книжки, то считаем возможным взять ее в качестве примерной траты в месяц на типографию. Итого, отняв 834 руб. от 1764 руб., получаем уже 930 руб.

Ежемесячно журнал тратил еще и на переплетчика. Постоянный переплетчик «Русского слова», Э. Гренгольм, с января по апрель 1859 г. за переплет 3000 экземпляров получал 75 руб. в месяц; в мае тираж упал до 2000¹⁹, за этот объем платили 50 руб.²⁰ Итак, от 930 руб. остается 880. Из писем Хмельницкого к Виноградову становится ясно, что этих денег не хватало для того, чтобы расплачиваться с авторами [см. в Приложении: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 4].

Планам Кушелева-Безбородко по экономии могли мешать кадровые перестановки и увеличение количества печатных листов в книжке. Так, например, в мае 1859 г. книжка вышла в 43 листа, хотя в объявлении говорилось, что «Русское слово» будет выпускаться книжками от 25 до 30 листов [см.: СПб ведомости, 1858. 25 окт.]. Курс на увеличение объема продолжился при Хмельницком, который полагал, что толстыми номерами сможет удовлетворить запросы публики. Вышло наоборот: «А. Хмельницкий вместо руководящих статей выпускал книжки листов в пятьдесят, наполненные скучнейшими статьями по специальным вопросам, или исследованиями об исторических памятниках» [Шелгунов 1882: VIII]. В декабре 1859 г. «Русское слово» действительно достигло такого объема. В 1860 г. до вступления Благосветлова в должность заведующего книжки выходили объемом от 40 до 47 листов. Увеличение объема провоцировало траты. Казалось бы, в такой ситуации главная кон-

---

¹⁸ Однако на руки Рюмин получил 556 руб. Из суммы вычли долг типографа перед журналом. [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 34–35]. К сожалению, мы не знаем, выполнил ли Рюмин в этот месяц работу в срок и без «вымарок». Но другой суммой мы не располагаем, а так как июньская книжка по объему (40 печатных листов) не сильно отличается от последующих, то считаем, что можно взять в расчет записанные в книге 834 руб.

¹⁹ Точный тираж при Хмельницком неизвестен, так как нет записей за год его управления редакцией. При Благосветлове в записях не везде указано, за какой объем работы выплачены деньги переплетчику, но судя по тому, что в июле 1860 г. есть запись о 2000 экземплярах приложений [РГАДА 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 63], количество экземпляров выпускаемых книжек при Хмельницком не менялось.

²⁰ Такая сумма выходила из расчета 2^{1/2} коп. за экземпляр. Гренгольму оплачивали еще и другую работу, например, переплет отдельных сочинений, издателем которых был Кушелев-Безбородко. В расчет мы берем только фиксированные выплаты.

тора должна была поднять цену подписки. Еще 18 декабря 1859 г. «Санкт-Петербургских ведомостях» редакция объявляла прежнюю цену — 16 руб. с пересылкой по почте, но по выходе январской книжки 1860 г. было объявлено уже о 17 руб. 50 коп. Это вызвало недовольство читателей, поэтому в феврале было опубликовано объяснение: редакция сообщала, что увеличение цены связано с изменением объема — для пересылки большого журнала требуется особая упаковка [Русское слово 1860, № 2: 1–2]. При этом за книжки с доставкой по Петербургу и Москве брали прежние 16 руб., однако журнал без доставки стал дешевле: 14 руб. 50 коп. (до Хмельницкого он стоил 15 руб.).

При Хмельницком за финансы отвечал А.Г. Виноградов. Именно ему 17 мая 1860 г. управляющий сообщал, что дела совсем плохи: «Платить, Вы знаете, нечем...» [см. в Приложении: РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 4], и предлагал выход из бедственного положения за счет продажи изданий Кушелева-Безбородко [см. там же, а также: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 5].

3 июня 1860 г. Кушелев-Безбородко освободил от управления редакцией Хмельницкого [см. Приложение: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 905. Л. 32–33]. С этого времени заведовать «Русским словом» стал Благосветлов. Как показывает конторская книга, записи счетов возобновляются, разрыв между прибылью и тратами существенно не меняется; с октября 1861 г. расход становится больше. С приходом Благосветлова увеличился тираж. В сентябре 1860 г. появилась запись о 2400 экземплярах [РГАДА 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 69], а в январе 1861 г. значатся уже 3500²¹, что свидетельствует о возросшем интересе среди публики к «Русскому слову» [там же. Л. 80].

Приложение

РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904.

Приход и расход журнала «Русское слово» с декабря 1858 по 1862 г.

ПРИХОД		РАСХОД	
1858 г.			
602 руб.	Ноябрь	138 руб. 8 коп.	
6976 руб. 50 коп.	Декабрь	5678 руб. 4 коп.	

²¹ Напомним, что в конторской книге при Благосветлове не всегда указывалось, за какой объем выполненной работы редакция платила переплетчику. Не исключено, что тираж увеличился раньше.

1859 г.²²

5980 руб. 75 коп.	Январь	6484 руб. 58 коп.
1050 руб.	Февраль	953 руб. 34 коп.
1359 руб. 50 коп.	Март	2645 руб.
4285 руб. 63 коп.	Апрель	3785 руб. 71 коп.
1491 руб. 64 коп.	Май	2018 руб. 11 коп.
4623 руб. 80 коп.	Июнь	4660 руб. 14 коп.

1860 г.

1724 руб. 85 коп.	Июнь	1791 руб. 45 ½ коп.
10571 руб. 50 коп.	Июль	8563 руб. 46 коп.
2984 руб. 28 коп.	Август	2788 руб. 60 коп.
4415 руб. 65 коп.	Сентябрь	6503 руб. 29 ½ ²² коп.
5390 руб. 50 коп.	Октябрь	5410 руб. 84 коп.
8371 руб. 15 коп.	Ноябрь	8251 р. 43 коп.
12752 руб. 87 коп.	Декабрь	13048 р. 31 коп.

1861 г.

8107 руб. 85 коп.	Январь	6417 руб. 26 коп.
2076 руб. 80 коп. ²³	Февраль	2525 руб. 51 коп.
4965 руб. 10 коп.	Март	4701 руб. 47 коп.
6580 руб. 55 коп.	Апрель	4984 руб. 89 коп.
3911 руб. 28 ¾ коп.	Май	5316 руб. 99 ¾ коп.
4056 руб. 81 коп.	Июнь	3620 руб. 23 коп.
3568 руб. 8 коп.	Июль	3363 руб. 49 коп.
3168 руб. 16 ¾ коп.	Август	3314 руб. 41 коп.
3571 руб. 9 коп.	Сентябрь	3486 руб. 80 коп.
1517 руб. 64 коп.	Октябрь	2879 руб. 83 коп.
2822 руб. 82 коп.	Ноябрь	3539 руб. 14 коп.
4184 руб. 70 ¾ коп.	Декабрь	10926 руб. 74 коп. ²⁴

²² Записи поступления денежных средств в редакцию за 1859 г. обрываются подсчетом за июнь. За июль есть несколько записей: 48 руб., 4 руб., 80 коп., 15 руб. 20 коп.

Полноценные подсчеты расходов также останавливаются в июне. Но здесь, кроме записей в июле (1 руб. 7 коп., 4 руб., 51 руб., 20 руб., 10 руб.), есть записи в августе: 62 руб. 50 коп., 20 руб., 10 руб., 20 руб., 10 руб., 20 руб., 10 руб., сентябре: 20 руб., 10 руб., и октябре: 20 руб., 10 руб.

²³ «½» — приписано карандашом [см.: РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 69].

²⁴ 2 На обороте есть запись — 144 руб., не вошедшая в итоговую сумму [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 119].

²⁵ В записи за декабрь указан 1862 г., но это ошибка бухгалтера, так как по подсчетам итоговая сумма совпадает с данными за 1861 г. [РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 904. Л. 154].

1862 г.²⁶

РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 4.

Милостивый Государь
Александр Гаврилович!²⁷

В четверг книжка наконец отпечатается, в пятницу будет раздаваться, и в пятницу же атакуют меня сотрудники. Платить, Вы знаете, нечем, потому что графские издания продадутся еще на будущей неделе. Особенно тревожит меня Костомаров, который непременно желает получить свои 750 р. в четверг. Я не могу у Вас быть завтра утром, потому что чуть свет, отправляюсь в типографию, потом к цензору, к переплетчику. Не застану ли я Вас хоть после обеда? Уладимте, Бога ради, это дело. Я вертелся до последней крайности, но более вертеться нельзя. После разных колебаний, приходится обратиться к тому же, к чему я собирался прибегнуть неделюю прежде, т.е., объявить, что платить нечем. Другого выхода, без Вашей поддержки, я не вижу. В четверг и Тиблен желает получить свои деньги.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою.

Александр Хмельницкий

17 мая, 1860

вторник.

РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 905. Л. 32–33²⁸

А.И. Хмельницкому

22 Мая / 3 Июня 1860.

<Монтиньяк>

Милостивый Государь
Александр Иванович.

В последних письмах своих ко мне вы несколько раз объясняли все трудности и беспокойствия, которые вам доставляет управление Редакцией моего журнала Р. Слово, и желание ваше оставить это дело и возвратиться в Москву.

Надеясь вам быть приятным и вместе с тем не остановить выход современный <так! — *О.В.*> книжек Р. Слова, я поручил Г.Е. Благосветлову принять от вас дела по Редакции и заняться ею на основании особенной моей инструкции, переданной ему мною. О чем я уже известил одновременно и мою Глав. Контору.

Пользуясь этим случаем, чтобы вас поблагодарить за все ваше старание, приложенное к делу мне весьма близкому, я вполне уверен, что вы пожелаете мне и в этом случае выказать все ваше участие и желание постоянного успеха издаваемого мною журнала Р. Слово, и будете содействовать своими советами и сведениями Г.Е. Благосветлову, которому я поручил ныне заведывание моего журнала и уполномочил особою инструкцією принять от вас все дела и, приведя все в известность, донести мне обо всем возможно подробно.

Еще раз благодарю вас за все ваши старания, я бы желал вас уверить вполне в том, что я хорошо сознаю весь успех моего журнала, происшедший от ваших

²⁶ Подсчеты за 1862 г. отсутствуют. Есть ряд обозначений расходов за ноябрь (в сумме — 225 руб. 20 коп.) и за декабрь (31 руб. 85 коп.).

²⁷ Письмо А.И. Хмельницкого к А.Г. Виноградову (члену Главной конторы) от 17 мая 1860 г. Хмельницкий описывает бедственное состояние редакции, прося помощи у Виноградова, который в отсутствие Кушелева-Безбородко отвечал за финансовое положение «Русского слова».

²⁸ Письмо без подписи, однако, по содержанию можно определить, что оно принадлежит Кушелеву-Безбородко.

занятий по нем, и прошу вас принять выражение моей искренней благодарности.

<Без подписи.>

РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 908. Л. 6–7²⁹

4 июня 1860 года

Милостивый Государь,
Александр Гаврилович!

Повестка дел по редакции Р. Слова, принимаемой мной от А.И. Хмельницкого, произведена в следующих пунктах:

1. Рукописи, предназначенные в «Р. Слово», сданы мне по списку и возвращены в Контору, за исключением тех, которые приготовлены в Июльскую книжку. Эти последние будут доставлены завтра, в чем нет ни малейшего сомнения.

2. Денежные счета, т.е. квитанции, расписки от типографии, сотрудников, мастеровых и др. лиц, в получении заплаченных им денег, оказались записанными в книгу³⁰; итоги их приблизительно верные. А.И. Хмельницкий обещал проверить еще раз те записи, которые оказались в результате не совсем точны. Думаю, что разница окажется очень незначительная.

3. Точное число подписчиков на «Р. Слово» до сих пор неизвестно. Г. Кожанчиков не ранее, как через неделю, обещал представить подробную ведомость. Полагаясь на слова Гриценки, даровых книжек «Р. Слова» раздастся не менее, как 160 или 170. Этот пункт объяснится завтра.

Приняв таким образом, согласно воле Графа Григория Александровича, редакцию от А.И. Хмельницкого, я не нахожу, никаких препятствий к удовлетворению его просьбы относительно выдачи ему 200 р. сер. Из этих денег, г. Лохвицкому за его статью, было выдано 75 р. сер., что подтвердил вчера сам г. Лохвицкий. Остальные распоряжения мне остается предоставить Вашему усмотрению, а А.И. Хмельницкого поблагодарить за его хлопоты. Надеюсь, что мой прием не нарушит правил чести и совести ни с моей стороны, ни со стороны А.И. Хмельницкого.

С полным уважением и совершенной преданностью,

Ваш Григ. Благосветлов.

<Запись на обороте сделана Хмельницким. — *О.В.*>: Двести рублей серебром получил Александр Хмельницкий. 5 июня 1860.

РГАДА Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 481. Л. 530–531³¹

рас. 4 Июля³²

1860. 3 Июля

Получено от А.Г. Виноградова пять сот р. сер.

Григорий Благосветлов

Милостивый Государь,
Александр Гаврилович!

«Р. Слово» дошло до той крайности, когда ничего не остается делать лучшего, как объявить публично о несостоятельности редакции. Со всех сторон просьбы от сотрудников, и ни одному и ни одной копейки я не имею для выдачи.

²⁹ Письмо Благосветлова к ответственному по финансовым вопросам Кушелева-Безбородко Виноградову.

³⁰ Из этой фразы можно сделать вывод, что во время управления редакцией Хмельницким конторские записи велись, но в другой книге.

³¹ Письмо Благосветлова к Виноградову, написанное спустя месяц после того, как он принял на себя обязанности по заведыванию редакцией «Русского слова».

³² Вероятно, под сокращением имеется в виду дата расписки Благосветлова о получении им пятисот руб. от Виноградова.

Июньская книжка вышла; ведь не имею заплатить за нее небесной манной вместо ассигнаций. Типография требует денег от г. Святского³³, от меня требуют писатели, в числе их есть бедные люди, которые рассчитывали на вознаграждение труда немедленно по отпечатании его. Ведь угрожает скандал, который поправить очень трудно.

Согласитесь, что какие-нибудь 1000 р. сер. испортит дело на 10.000 в будущем: сложно уверить Вас, что это так. Если мы не удовлетворим самые настоятельные просьбы сегодня, завтра и не далее утра понедельника, я не знаю, что делать.

Если Вы желаете спасти журнал от общей скандальной огласки, выручайте нас. Я мог бы обернуться с 500 до будущей выдачи и уплаты долгов; если только эта выдача не затянется долго.

В силу всего этого, я еще раз убедительнейше прошу Вас выдать редакции хоть 500 р. сер. сегодня вечером или завтра. И еще раз могу уверить Вас, что дожидать дальше невозможно, как невозможно без воздуха дышать.

Графу я намерен завтра или после завтра послать <почтою> соображения относительно всех предстоящих расходов по журналу: пусть он внесет постоянный и неприкосновенный фонд для издания его, если угодно продолжать его; иначе журнал обратится в мелочную лавочку, осаждаемую просителями с утра до вечера. Надеюсь, что граф не замедлит ответом.

Вы знаете из его инструкции, что он определил 1200 р. сер. на литературную часть. Нечего и говорить, что этих денег мало. Я буду просить его сообразить все расходы и назначить то, что неизбежно нужно.

Итак, Александр Гаврилович, примите мою просьбу, как просьбу Редакции, как просьбу самого графа, если бы он был здесь. Лично мне остается тысячу раз пожалеть, что я сунулся в эту неурядицу, рискуя и здоровьем и чистым именем.

Жду Вашего ответа и надеюсь, если позволит время, повидать Вас завтра.
Душевно уважающий Вас

Гр. Благосветлов.

P.S. Нет ли у Вас лишнего мальчика, которого бы я мог взять для себя, назначив ему приличное содержание (разумеется, от меня); мальчика не тупого и порядочного.

Вы обязали бы меня, и мальчик не остался бы в убытке. Я выучил бы его читать и писать, если он неграмотный.

Список литературы

1. *Варустин Л.Э.* Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966.
2. *Воробьева О.А.* А.А. Фет и журнал «Русское слово» (к вопросу о достоверности фактов, изложенных в воспоминаниях литератора) // Текстология и историко-литературный процесс: VI Международная конференция молодых исследователей (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 9–11 марта 2017 г.). Вып. 6. М., 2018. С. 104–113.
3. *Гончаров И.А.* Письмо к А.В. Дружинину <от 8 ноября. 1856 г.> // Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 74.
4. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986.
5. Звенья. Вып. 1. М.; Л., 1932.

³³ Г. Святский — работник бухгалтерии.

6. *Корнацкий Н.Н.* Альтернативный проект литературного фонда // Клио. 2018. № 8. С. 118–121.
7. *Кушелев-Безбородко Г.А.* Письмо к А.В. Дружинину от 10 января 1857 г. // Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 165–166.
8. *Макеев М.С.* Конторские книги журнала «Современник» 1860–1865 годов // Карабиха. Историко-литературный сб. 2018. Т. 10. С. 119–254.
9. *Писемский А.Ф.* Письмо к И.С. Тургеневу <от 27 ноября / 9 декабря 1856 г. > // Литературное наследство. Из парижского архива И.С. Тургенева. М., 1964. Т. 73. Кн. 2. С. 147–148.
10. *Сажин В.Н.* Как создавался литературный фонд // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 214–227.
11. *Шелгунов Н.В.* Григорий Евлампиевич Благоветлов (Биографический очерк) // Сочинения Г.Е. Благоветлова. СПб., 1882. С. VIII.

Охана Vorobyova

THE LEDGER OF THE RUSSKOE SLOVO LITERARY MAGAZINE (1858–1862)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article contains information from the archive of the Kushelev-Bezborodko family. The focus of attention is information from books of accounts of the “Russkoe slovo” magazine that belonged to G.A. Kushelev-Bezborodko. The book of accounts allow researchers to submit new information about the “Russkoe slovo” magazine: to outline the geography of the subscription, to mark the circulation of books, to show the financial position of the editorial board. The Appendix contains unpublished entries from books of accounts and letters related to Kushelev-Bezborodko's magazine. Entries indicate that for the year Blagosvetlov could not make the magazine financially viable enterprise, although he managed to equalize the amounts of income and expenditure. The figures show that that Kushelev-Bezborodko could not continue financially to contain the magazine. The article also refers about A.G. Vinogradov, previously nothing was known about him.

Letters comply with modern rules of spelling and punctuation.

Key words: the “Russkoe slovo” magazine; financial documents; book of accounts; economy of literacy magazine; finances; G.A. Kushelev-Bezborodko; A.I. Khmel'nikiy; G.E. Blagosvetlov; A.G. Vinogradov; A.V. Druzhinin; RGADA; Literary fund.

About the author: *Oxana Vorobyova* — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: oxalvo@gmail.com).

References

1. Varustin L.E. *Zhurnal "Russkoe slovo". 1859–1866*. [The "Russkoe slovo" magazine. 1859–1866]. Leningrad, *Leningrad University Publ.*, 1966. (In Russ.)
2. Vorobyova O.A. *A.A. Fet i zhurnal "Russkoe slovo" (k voprosu o dostovernosti faktov, izlozhennyh v vospominaniyah literatora)*. [A.A. Fet and the "Russkoe slovo" magazine (about the reliability of the facts stated in the memoirs of the writer)] *Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process: VI Mezhdunarodnaya konferenciya molodyh issledovatelej* (Moscow, 9–11 marta 2017 g.): Sbornik statej [A Collection of Articles]. Moscow, 2018 a, vol. 6, pp. 104–113. (In Russ.)
3. Goncharov I.A. Pis'mo k A.V. Druzhininu [8 noyabrya. 1856 g.] [The letter of I.A. Goncharov to A.V. Druzhinin]. *Pis'ma k A.V. Druzhininu (1850–1863)* [Letters to A.V. Druzhinin (1850–1863)] Moscow, *The State Literary Museum Publ.*, 1948, p. 74.
4. Druzhinin A.V. *Povesti. Dnevnik*. [The stories. A diary]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. (In Russ.)
5. Zven'ya. Vyp. 1. Moscow; Leningrad, 1932. (In Russ.)
6. Kornatskiy N.N. *An alternative project of the Literary fund*. *Klio*. 2018. № 8, pp. 118–121.
7. Kushelev-Bezborodko G.A. Pis'mo k A.V. Druzhininu ot 10 yanvarya 1857 g. [The letter of G.A. Kushelev-Bezborodko to A.V. Druzhinin]. *Pis'ma k A.V. Druzhininu (1850–1863)* [Letters to A.V. Druzhinin (1850–1863)]. Moscow, *The State Literary Museum Publ.*, 1948, pp. 165–166.
8. Makeev M.S. *Kontorskije knigi zhurnala "Sovremennik" 1860–1865 godov*. [The books of accounts of monthly "Contemporary"] *Istoriko-literaturnyj sbornik*. Karabiha, 2018. V. 10, pp. 119–254. (In Russ.)
9. Pisemskij A.F. Pis'mo k I.S. Turgenevu ot <27 noyabrya / 9 dekabrya 1856 g.> [A.F. Pisemskij, a letter to I.S. Turgenev]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 73. Iz parizhskogo arkhiva I.S. Turgeneva. Kn. 2*. [Literary Heritage. Vol. 73. From the Paris Archive of I.S. Turgenev. Book 2]. Moscow, 1964, pp. 147–148.
10. Sazhin V.N. *Kak sozdavalsya literaturnyi fond* [The Making of the Literary fund]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Noveye dokumenty i issledovaniya* [Charity in the history of Russia: New documents and studies]. St. Petersburg: *Nestor-Istoriya Publ.*, 2008, pp. 214–227. (In Russ.)
11. Shelgunov N.V. *Grigorij Evlampievich Blagosvetlov (Biograficheskij ocherk)* [G.E. Blagosvetlov (Biographical essay)]. *Sochineniya G.E. Blagosvetlova* [Blagosvetlov's Works]. SPb., 1882, p. VIII. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.02.2019

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Матыцина

**Рецензия на кн.: СУДОВОЙ ЖУРНАЛ ФРЕГАТА
ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ «НЕЙЕНБУРГ» 1763 г.
(сост. и ред. Е.Р. Сквайрс). М.: Макспресс, 2018. 115 с.**

*Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Во время практики в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова студенты-филологи нашли судовой журнал фрегата Ост-Индской компании «Нейенбург» и на спецсеминаре под руководством проф. Е.Р. Сквайрс прочитали, проанализировали, перевели этот интереснейший текст и, наконец, издали его, снабдив комментариями и иллюстрациями. Работа в таком формате стала для студентов неоценимым опытом совместного исследования, результатом которого явилась хорошая книга, интересная широкому кругу читателей

Ключевые слова: Нидерландский (голландский) язык; новые формы НИР; языковая атрибуция; датировка и перевод памятников XVIII в.

В основе публикации лежит история, связанная с изданием судового журнала фрегата Ост-Индской компании «Нейенбург». В 1763 г. трехмачтовый фрегат военно-торгового назначения «Нейенбург», на борту которого было 210 человек, был захвачен взбунтовавшимися матросами, однако, довести задуманное до конца мятежникам не удалось. Их главарь были арестованы и впоследствии казнены.

Вскоре после этих событий был опубликован судовой журнал, написанный капитаном «Нейенбурга» Кейтелем для управляющих Ост-Индской компании в г. Хоорне. При этом, что удивительно, почти одновременно вышли две версии этого журнала, каждая из которых позиционировала себя как оригинальная и единственно верная.

Во время практики в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова студенты-филологи нашли одну из этих публикаций и на спецсеминаре под руководством проф. Е.Р. Сквайрс прочитали, проанализировали, перевели этот интереснейший текст и, наконец, издали его, снабдив комментариями и иллюстрациями.

Работая над текстом дневника, исследователи столкнулись с целым рядом проблем, первой из которых была датировка документа и определение

Матыцина Ирина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imatits@gmail.com).

его подлинности. Является ли книга оригинальным изданием, опубликованным по свежим следам событий, или это «пиратская» перепечатка другого более раннего текста? Для ответа на этот вопрос нужно было тщательно изучить полиграфические, грамматические и орфографические особенности памятника.

Важно, однако, отметить, что хотя интрига, связанная с появлением на свет «Судового журнала...», является движущей силой повествования, само повествование соответствует самым строгим требованиям, предъявляемым к научным исследованиям.

Книга «Судовой журнал фрегата Ост-Индской компании “Нейенбург” 1763 г.» состоит из четырех частей. В первой части подробно описывается история памятника, о которой рассказывают его переплет, надписи, штампы и шифры на титульном листе и форзаце. Для читателя процесс атрибуции судового журнала происходит последовательно путем постепенного прочтения отдельных штампов и надписей, причем каждый этап жизни книги иллюстрируется отдельным фото с объяснением того, как каждую помету и указание следует истолковывать. Написанный в форме увлекательного расследования, этот раздел в то же время знакомит с практикой описания и анализа памятников литературы и потому одинаково интересен как филологам, так и широкой публике. Специалисты также отметили прекрасный макет книги, который в наглядной и доступной форме представляет читателю текстовый и графический материал исследования (автор оригинал-макета Л. М. Захаров).

Вторая часть книги знакомит читателей с историей Ост-Индской компании (по-нидерландски *Verenigde Oostindische Compagnie*, сокращенно *VOC*, буквально Объединенная Ост-Индская Компания, которая существовала с 1602 по 1798 г.) (с. 30). Деятельность компании «заключалась в организации и защите торговли Европы с восточными странами, в первую очередь между нидерландскими колониями в Азии и метрополией» (там же). Конкуренция между голландскими купцами ослабляла их позиции на международном рынке, и было решено объединиться и выработать общую политику в торговле со странами Востока. В XVII–XVIII вв. Ост-Индская компания была крупнейшей в мире торговой компанией, «власть которой простиралась от мыса Доброй Надежды через Персию, Индию и Индонезию до Китая и Японии, и которая взяла в свои руки торговлю специями (перцем, мускатным орехом, гвоздикой, корицей), а также чаем, кофе, шелком, хлопком, индийскими тканями, сахаром, медью, оловом и китайским фарфором» (с. 33). Ост-Индская компания стремительно богатели, однако, своим морякам платила очень низкое жалованье. Тяжелый труд, опасности, плохие бытовые условия, болезни и высокая смертность вызывали недовольство моряков и зачастую становились поводом для бунта. Вот и на «Нейенбурге», отплывшем 8 мая 1763 г. с острова Тексел в Батавию, через пять недель после отплытия вспыхнул мятеж. Бунтовщики хотели высадиться на нейтральной территории — в Кайенне во Французской Гвиане и продать корабль вместе с товаром. Но их планам не суждено было сбыться — после высадки на берег команда была арестована, зачинщики осуждены на казнь.

Все, что происходило на корабле во время бунта, скрупулезно описал в судовом журнале капитан Кейтель, под командованием которого фрегат

«Нейенбург» отправился в это плавание. Перевод судового журнала собственно и составляет содержание третьей части книги. Читатель может получить представление о том, как выглядит оригинал, благодаря фотографиям титульного листа и первой страницы подлинника, которые представлены на развороте рядом с текстом перевода. Для удобства читателя текст перевода снабжен подробными примечаниями и сносками, в которых объясняются устаревшие реалии, а термины и понятия, связанные с морским делом, помечены звездочкой и вынесены в глоссарий в конце этого раздела.

Наиболее интересна для филологов последняя, четвертая, часть книги, где анализируется язык судового журнала и делаются выводы относительно подлинности представленного в нем материала. Как отмечают авторы книги, XVIII в. — время расцвета Северных Нидерландов и упадка Фландрии, которая в этот период попеременно находится под властью то Испании, то Австрии, то Франции. Изменения в экономической и политической ситуации не могли не сказаться на языке и привели к тому, что значение северного варианта нидерландского языка усилилось, в то время как южный вариант понемногу стал терять ведущие позиции. Однако процесс выработки и постепенного закрепления национальной языковой нормы во многом строился на кодификации и закреплении норм именно южно-нидерландской литературной традиции, «которая обладала большим весом и авторитетом среди образованных людей» (с. 75). Текст судового журнала позволяет проследить, как эти разнородные тенденции отражались в конкретных языковых фактах.

Произведение интересно тем, что в нем представлены характерные особенности как диалекта, так и литературного языка. Стиль капитана Кейтеля имеет четкую соотнесенность с северным вариантом и типичен для «естественной, возможно, даже разговорной речи мореходов того времени» (с. 77), однако, к печати журнал готовили профессионалы, ориентированные на южнонидерландскую литературную традицию. К тому же и сам Кейтель происходил из северно-фризского г. Хузума (сегодня это север Германии), и потому «его нидерландский мог нести в себе фризские и даже немецкие черты» (там же). Различия в языке предисловия и основного текста журнала свидетельствуют о том, что «рука редактора мало затронула записи капитана Кейтеля» (там же), и можно надеяться, что авторы памятника говорят почти «собственным голосом» (там же).

На основе анализа конкретных фактов исследователи пытаются выделить черты, характерные для разных вариантов языка того времени и определить причины вариативности в написании и употреблении тех или иных форм. По их мнению, различия в языке оригинала определяются хронологическими, региональными и социально-культурными факторами и выражаются прежде всего в отсутствии единообразия в падежных формах имен существительных и артиклей. Описки и разноречивость в написании также являются свидетельством важных фонетических процессов, которые в то время еще не нашли отражения на письме. Например, написание термина «поле зрения» то как *gezicht*, то как *gezig* говорит о том, что из-за спирализации согласный *g* практически совпал по произношению со старым звуком [x], писавшимся через *ch* (с. 93). Другой тип орфографических колебаний объясняется отсутствием устоявшейся нормы (например, удлиненные глас-

ные *a, u, o, e* передаются то через одиночное, то через удвоенное написание: *kwaamen / kwamen, bleeven / bleven*). Борьбу южной и северной нормы отражают такие различия в орфографии, как, например, стяженные и полные формы слов (*weder / weer*, где стяженная форма отражает южнонидерландскую специфику — выпадение *d* между гласными) (с. 95). И наконец, есть в журнале некоторые особенности, причиной которых является влияние немецкого, родного для капитана Кейтеля, языка (например, написание с заглавной буквы многих нарицательных существительных (*Morgen, Valreep, Matroos* и др.) (с. 95–96).

Интересные результаты дает также наблюдение над синтаксическими особенностями судового журнала. Исследователи отмечают, что «памятников “Нижних Земель” того времени сохранилось мало, и потому синтаксис произведений, приближенных к устному разговорному языку прошлых эпох остается малоизученным» (с. 97). Из анализа материала видно, что «общий строй синтаксиса, отраженный в записках капитана Кейтеля, в основном соответствует современному состоянию», однако, и здесь кое-где обнаруживаются «колебания и особенности, связанные с неустоявшейся нормой нидерландского языка 18 в.» (с. 98). Это проявляется в неразличении частей речи, то слитном, то раздельном написании главных членов предложения, а в той части памятника, которая отражает устную разговорную речь — в употреблении неполных предложений с незаполненной позицией подлежащего и / или сказуемого, отклонениями от фиксированного порядка слов в главном и придаточном предложении.

Изучение особенностей фонетики, грамматики и орфографии памятника позволяет исследователям сделать вывод о его подлинности, а различия в языке самого судового журнала, написанного капитаном, и частей, принадлежащих перу редактора, по их мнению, свидетельствует о том, что материалы рукописи «не подверглись глубокой редакторской правке и были напечатаны почти в неизменном виде» (с. 112).

Тщательный и кропотливый анализ знакомит читателя с процессом описания и атрибуции литературных памятников и наглядно показывает, «насколько сложен, многогранен и неспешен процесс построения литературного языка целой нации» (с. 110). Работа в таком формате стала для студентов неопределимым опытом совместного исследования, результатом которого явилась хорошая книга, интересная широкому кругу читателей.

Irina Matytsina

**Book Review: THE LOGBOOK OF THE EAST-INDIA
COMPANY FRIGATE “NIJENBURG”, 1763.**

Ed. by Ekaterina Skvayrs. M.: MAKs Press, 2018. 115 c.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991*

While working at the Department of Rare Books and Manuscripts at the Moscow University Fundamental Library, students of German Philology found

the logbook of the East-India Company frigate “Nijenburg”. Attending the elective course of Professor Ekaterina Skvayrs, they read, analyzed and translated this interesting text. It was finally published, with commentaries and illustrations. For the students this type of work turned out to be an invaluable experience of collective research that has resulted in publishing a good book for a wide audience.

Key words: Dutch language (Holland language); research activity; language attribution; 18th century printed books and manuscripts.

About the author: *Irina Matytsina* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of German and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: imatits@gmail.com).

О.Р. Темиршина

**Рецензия на кн.: КОРМИЛОВ С. И. ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА (20– 90-е годы):
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: Учебное пособие
для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 190 с.**

*Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт
международного права и экономики им. А.С. Грибоедова»
11024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21*

Рецензируемое учебное пособие посвящено теории и практике русской литературы XX столетия. В рецензии выявляется специфика авторского подхода к построению истории русской литературы. Этот подход, как показано в рецензии, постулирует необходимость соединения теоретических и историко-литературных методов, что необходимо для выявления механизмов литературной эволюции.

Ключевые слова: метод; критика; русская литература XX века; теория литературы.

Эта книга является и учебным пособием, которое вводит в мир истории русской литературы XX в., и научным трудом, где изложение учебного материала подчинено строгой логике авторской концепции. С последним жанровым модусом связана сверхзадача книги: построение новой научной дисциплины, располагающейся на стыке истории и теории литературы. Сочетание историко-литературного и теоретического подходов обуславливает «двуликость» книги: она воспринимается как *теоретический манифест*, где провозглашенные принципы реализуются в *практике анализа художественных текстов*.

В первой главе работы «Русская литература 20–90-х годов XX века: проблемы теоретической истории» определяются ключевые методологические координаты книги и демонстрируется внутренняя проблематичность ключевых историко-литературных понятий, с помощью которых осмыслиется литературный XX век. В целом подход исследователя можно назвать эмпирико-дедуктивным, ибо привлекаемый историко-литературный материал является базой для теоретических обобщений. На этом строго научном пути С.И. Кормилов развенчивает многие штампы школьного и (в некоторой степени) вузовского литературоведения. Он показывает, что русская литература XX в., несмотря на свою принципиальную неоднородность, остается единой сложной системой.

Темиршина Олеся Равильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (e-mail: olesja@temirshina.ru).

Так, все ее ветви (советская, «задержанная», эмигрантская), во-первых, восходят к общей аксиологии, связанной с утопическими устремлениями и традициями русской классики, а во-вторых, демонстрируют высочайшие художественные достижения. Именно поэтому *идеологическое* разделение ветвей не столь важно, ибо за ним прячется то *эстетически общее*, что объединяет русскую литературу.

Как же увидеть эти общие смысловые схождения в поистине неотъемлемом материале? И здесь С.И. Кормилов раскрывает свою концепцию теоретической истории литературы. *Теоретическая история литературы рассматривает движение литературы во времени сквозь призму ключевых литературоведческих категорий.* История литературы XX столетия, обследуемая таким образом, снимает огромное количество противоречий в трактовке литературного процесса. Жанрово-семантические установки парадоксально, поверх идеологических барьеров, объединяют аксиологически разные ветви литературы. И то, что казалось разделенным и дифференцированным на поверхностном уровне, на глубинном архитектурном уровне оказывается в целом единым. Такой подход позволяет увидеть русскую литературу как сложное художественное единство — «единство динамического многообразия» (с. 40).

Во второй главе работы («Соотношение стиха и прозы и жанрово-родовых тяготений в русской литературе XX века») предлагаются новые подходы к анализу литературного процесса. Доказывается, что своеобразие литературы определяется не столько направлениями, сколько соотношением основных родов литературы и формами их интонационно-графической организации.

Динамика борьбы прозы и поэзии показана как строевой принцип развития литературы, который маркирует ее разные периоды, при этом смена исторических вех сопровождается сменой доминантного эстетического принципа. Анализируя стих и прозу, С.И. Кормилов не строит бинарных классификаций, с тем чтобы уложить материал в прокрустово ложе концепции. Напротив, он, показывая сложные отношения между стихом и прозой, фиксирует *одновременно* идущие процессы: влияние поэзии на прозу и смысловое расподобление этих двух форм литературы. Диалектика стиха и прозы влияет и на развитие жанрово-родовых форм: она оказывается первичным принципом, который обуславливает их трансформацию.

В третьей главе работы («Проблемы периодизации русской литературы после 1917 года») ставится важнейший историко-литературный вопрос, связанный с «рубежными датами». К традиционным периодизациям «от сих до сих» исследователь подходит с критических позиций, апеллируя к исключительной сложности и многообразию литературы XX в. Литература, доказывает автор пособия, развивается по принципу импульсов: важнейшие исторические сдвиги формируют новые эстетические парадигмы, которые не заканчиваются одномоментно, а как бы продолжают жить в последующих текстах, медленно угасая. Все это приводит к симультанности традиций, которые могут причудливо сосуществовать в рамках одного текста. Тем не менее в этом многообразии все же отыскивается доминирующая тенденция, и именно она, вызревая, впоследствии становится осевой и системообра-

зующей, что, однако, не исключает в конкретном историко-литературном процессе многочисленных рекурсивных возвратов и отходов от магистральной линии развития литературы.

В четвертой главе работы («Основные вехи эволюции русской литературной критики с 1917 по 1991 год») с историко-литературных позиций рассматривается русская критика. Факты ее истории, полагает исследователь, «даже литературоведам известны мало» (с. 108). И автор книги делает попытку хотя бы частично устранить этот пробел, выявляя основные векторы развития русской критики и привлекая богатейший критический материал, позволяющий произвести историческую реконструкцию восприятия литературы ее современниками.

К великому сожалению, фактически за пределами исследовательского внимания остается развитие критики 1990-х годов. С.И. Кормилов объясняет причину такой избирательности: «Литература и критика после 1991 г. — это, по сути, уже литературный XXI в. <...>» (с. 125). Тем не менее хотелось бы увидеть на страницах учебного пособия более подробный анализ критической практики этого поистине революционного периода, который все же, на наш взгляд, является не столько «преамбулой» современного этапа, сколько стыковым временем, вбирающим в себя как старые, так и новые тенденции.

Пятая глава («Эволюция представлений о классиках русской литературы XX столетия») продолжает тематическую линию предыдущей главы: здесь исследуется трансформация понятия классики в критико-литературном поле XX в. Анализ учебников и учебных пособий приводит автора книги к выводу о том, что аксиологические параметры классического до сих пор не определены и окончательного «списка классиков» по сей день не существует. В связи с этим исследователь предостерегает от бездумного употребления термина *классика*, ибо его использование требует тщательной сравнительно-аксиологической интерпретации. Проблема классического имеет особенно большое значение для теоретической истории литературы, ибо здесь важно научно обосновать место писателей в литературной парадигме, не полагаясь при этом на конъюнктуру и личный вкус. Думается, что без рецептивного подхода, который был продемонстрирован в главе, эту задачу решить невозможно.

В шестой главе («Состояние современного литературоведения») речь идет о двух типах литературоведения — догматическом и мультидисциплинарном, — которые стали полюсами развития отечественной науки о литературе XX в. Движение литературоведения в данной главе осмысливается как переход от жестких идеологических схем к методологическому разнообразию. Тем не менее новейшие достижения литературы, полагает С.И. Кормилов, до сих пор «теоретически не осмыслены и часто даже не обозначены» (с. 161). Теоретическая история литературы, как показано в этой главе, предполагает не только анализ литературного процесса сквозь призму ключевых категорий поэтики, но и анализ самих этих категорий в историческом ракурсе. Термины, напоминает Кормилов, имеют культурно-исторический смысл, к которому исследователь должен подходить с соответствующих позиций. Такая ревизия терминологии — экономна, ибо она, отвергая «изобретение»

новых терминов (чем грешит современное литературоведение), предполагает рефлексию над смыслами старых понятий.

В финале книги («Вместо заключения. Проблема построения теоретической истории русской литературы XX века») подводятся итоги и намечаются новые перспективы исследования литературы в избранном методологическом ракурсе. Эта новая история должна создаваться на специфическом языке литературоведения, опорными точками которого являются ключевые термины литературоведческой науки.

История литературы, по справедливому мнению С.И. Кормилова, должна уходить от поверхностных обзоров и «перечневых» списков писателей, она должна двигаться к выявлению закономерностей литературного процесса, выведенных из самого историко-литературного материала, структурированного по отдельным теоретическим параметрам. Очевидно, что эта задача имеет поистине грандиозный масштаб; впрочем, книга С.И. Кормилова не призывает к воплощению научной утопии, а задает вектор движения к собственно научной цели.

Olesja Temirshina

Book Review: KORMILOV S. I. A HISTORY OF TWENTIETH CENTURY RUSSIAN LITERATURE (1920's — 1990's): Major Trends: A Study Guide for Bachelor and Master Programs. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 190 p.

*Griboedov Institute of International Law and Economics
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024*

The book under review is devoted to the theory and practice of Russian literature of the twentieth century. The review reveals the specifics of the author's approach to the construction of the history of Russian literature. This approach, as shown in the review, postulates the need to connect literary and historical literary methods, which is necessary to identify the mechanisms of literary evolution.

Key words: method; criticism; Russian literature of the twentieth century; literary theory.

About the author: *Olesya Temirshina* — Prof. Dr., Department of Journalism and Literature History, Griboedov International Law and Economics Institute (e-mail: olesja@temirshina.ru).

О.В. Васильева

**Рецензия на кн.: МАКСИМ ГОРЬКИЙ: PRO ET CONTRA.
СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС. СПб.: РХГА, 2018. 868 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена»
191186, СПб., наб. реки Мойки, д. 48*

В критико-реферативном обзоре антологии, вышедшей в серии «Русский путь», рассмотрены структурно-композиционные и проблемно-тематические блоки, намечены основные семантические узлы-разделы, сфокусировавшие на себе методологические векторы исследования, осуществленного в методике «pro et contra». Дан аналитический обзор затронутых авторами антологии научных проблем, вызывавших наиболее острые споры исследователей с момента первых публикации горьковских произведений и продолжающих таить загадки до настоящего времени. Среди текстов, привлечших наибольшее внимание исследователей, в антологии оказались ранние рассказы («Челкаш» и «Старуха Изергиль»), пьесы «На дне» и «Егор Булычев», романы «Мать» и «Жизнь Клима Самгина». Среди ракурсов, актуализированных современным дискурсом исследования, стали прежде всего новые — современные — грани идейно-тематического анализа горьковских текстов, вопросы неоднозначной жанровой дефиниции, стержневые доминанты горьковского художественного характера, прошедшего эволюцию на разных этапах творчества писателя. Работы классиков советского горьковедения (Б.А. Бялик, А.И. Овчаренко, И.К. Кузьмичев и др.) уточнены и дополнены новыми точками зрения, выделенными и обнаруженными с опорой на новые документальные факты и диалогические связи эпохи (работы Л.А. Спиридоновой, М. Никё, М. Геллера, Н.Н. Примочкиной, С.И. Кормилова, Е.А. Добренко, О.В. Богдановой и др.). В статье обозначены итоги и перспективы развития проекта «Горький: pro et contra».

Ключевые слова: Максим Горький; критика; литературоведение; современный дискурс; итоги и перспективы; стратегия pro et contra.

В 2019 г. исполнилось двадцать пять лет, как в свет вышла первая книга в серии антологий «Pro et contra», выпускаемых санкт-петербургским издательством Русской христианской гуманитарной академии, широко

Васильева Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: bysinka27@mail.ru).

известных в нашей стране и за рубежом. Одними из последних в серии «Русский путь» появились тома по творчеству М. Горького, в частности «Максим Горький: pro et contra (современный дискурс)» (СПб., 2018). Новая антология подготовлена в рамках проекта «Горький: pro et contra» при поддержке гранта РФФИ. Участниками проекта стали авторитетные исследователи из Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, стран ближнего (Украина, Беларусь) и дальнего зарубежья (Италия, Франция, Швейцария, Германия, США, Израиль).

Открывают антологию две статьи докт. филол. наук *Л.А. Спиридоновой*, главного редактора тома — «Творчество Горького и возникновение социалистического реализма» и «Тайна смерти Горького». Уже эти первые страницы антологии задают ракурс стилистики pro et contra, принятой в качестве структурообразующей в издании. Так, в первой статье крупнейший специалист по творчеству Горького убедительно опровергает привычный тезис о причастности Горького к рождению метода социалистического реализма, во второй — открывает завесу над «темными» обстоятельствами смерти писателя.

Обширный исследовательский материал расположен по разделам, которые обозначают тематически и жанрово сближенные векторы творчества Горького. Однако каждый из разделов формируется противостоянием различных точек зрения «апологетов» и «низвергателей». Так, острую «антигорьковскую» позицию высказывают *М.С. Агурский* в работе «Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель)» и *Т.И. Дубинская-Джалилова* в статье «Великий гуманист (По материалам переписки М. Горького и И.В. Сталина)». Противоречивые взгляды Горького отразили статьи *В.А. Туниманова* «Полемика Л. Андреева со статьями М. Горького «О “карамазовщине”» и «Еще о “карамазовщине”», *М.Ф. Пьяных* «М. Горький и суд над Достоевским в советской литературе 30-х годов (проблема трагического)». Интересные ракурсы представлены в работах *С.Н. Тяпкина* «Русские символы в пародиях М. Горького» и *М. Геллера* «М. Горький и лагеря».

Среди ранних рассказов Горького наибольший интерес исследователей вызвал триптих «Старуха Изергиль». В работе *С.И. Кормилова* рассмотрена «Мифопоэтика в “Старухе Изергиль”», *О.В. Богданова* в образах легендарных Ларры и Данко увидела образы героев-двойников, опосредованных ницшеанскими идеями, не искусно, но искусственно сращенными ранним Горьким с христианством. Глубокая и одновременно противоречивая статья известного горьковед *Г.Д. Гачева* «Что есть истина? Прение о правде и лжи в “На дне” М. Горького» дополнена и уточнена работами современных исследователей: если *О.В. Богданова* в статье «Истоки “нового гуманизма” в пьесе М. Горького “На дне”» предложила двухчастную формулу «истина или сострадание» заменить на триаду «пещерный человек → христианский человек → Гордый Человек» (Платон → Л. Толстой → Ф. Ницше), то *О.В. Шуган* в статье «“Золотой сон” и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького “На дне”» обнаружила в горьковских «картинах» элементы и мотивы буддизма.

Интересные и противоречивые наблюдения над текстом произведения Горького «Мать» («Сын»), ранее высказанные *Г.А. Митиным* в статье «Еван-

гелие от Максима» и *А.Д. Синявским* в эссе «Роман М. Горького “Мать” как ранний образец социалистического реализма» дополнены и подкреплены новыми наблюдениями, предложенными *Е.И. Марковой* («Креститель Руси Егорий и повесть М. Горького “Мать”»).

«Роман романов» «Жизнь Клима Самгина» формирует, пожалуй, самый емкий раздел антологии. Исследовательские суждения *В.С. Воронина* («Фантазия и абсурд хронологического сдвига в “Жизни Клима Самгина”» развиты детальными наблюдениями над экфрасисом художественного текста (*М. Никё* «Экфрасис в “Жизни Клима Самгина” М. Горького», размышлениями над «импрессионистическим психологизмом» романа (*В.Т. Захарова* «Импрессионистический психологизм в романе М. Горького “Жизнь Клима Самгина”»)).

Завершают антологию «Максим Горький: pro et contra (современный дискурс)» статьи о рецепции горьковского текста в современной «филологической прозе», в том числе яркая и острая статья *Е.А. Добренко* «Горький и другие».

В планах создателей антологии «Максим Горький: pro et contra» подготовка третьего тома «горьковиады» — коллективной монографии «М. Горький: pro et contra. Личность и творчество писателя». Однако уже сегодня можно сказать, что в выпущенных томах «горьковедческой трилогии» «буревестник революции» представлен как неоднозначный и противоречивый мыслитель начала XX в., заслуживающий оценок «за и против».

Olga Vasilyeva

**Book Review: MAXIM GORKY: PRO ET CONTRA.
MODERN DISCOURSE / Comp. by O.V. Bogdanov, V.T. Zakharov,
L.A. Spiridonova, M.G. Urtminceva. Saint-Petersburg:
Russian Christian Academy for Humanities, 2018. 868 p.**

*Herzen State Pedagogical University
48, Moika embankment, St. Petersburg, 191186*

The article presents a review of the anthology “Maxim Gorky: pro et contra. Modern discourse” (St.-Petersburg: Russian Christian Academy for Humanities, 2018). The structural-compositional and thematic perspectives of the anthology are considered, the main semantic nodes that focused on themselves methodological vectors of the research carried out in the technique “pro et contra” are outlined. The paper provides an analytical review of the scientific problems touched upon and accentuated by the authors of the anthology, which caused the most heated disputes of researchers since the first publication of Gorky’s works and continue to conceal textual mysteries to the present time. Among the texts that attracted the greatest attention of researchers in the anthology “Maxim Gorky: pro et contra” were the early stories by Gorky (“Bangs” and “The old woman”), plays “Lower Depths” and “Egor Bulychev”, novels “Mother” and “The Life of

Klim Samgin”. Among the fore-shortenings actualized by the modern discourse of research, there were first of all new facets of ideological and thematic analysis of Gorky texts, questions of genre definition, pivotal dominants of Gorky’s artistic character, which has undergone evolution at different stages of the writer’s work. The works of the classics of the Soviet history (B. Byalik, A. Ovcharenko, I. Kuzmichev, etc.) are refined and supplemented with new perspectives, which are marked out by the new facts and dialogical connections of the “revolutionary warrior” and the philosophical trends of the era (L. Spiridonova, M. Niqueux, M. Geller, N. Primochkina, S. Kornilov, E. Dobrenko, O. Bogdanova, etc.). Results and prospects of the project “Gorky: pro et contra” are outlined.

Key words: Maxim Gorky; criticism and literary studies; modern discourse; results and prospects; the technique “pro et contra”.

About the author: *Olga Vasilyeva* — Prof. Dr., Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University, Institute of Pedagogy (e-mail: bysinka27@mail.ru).

М.Г. Павловец

Рецензия на кн.: WSEWOLOD NEKRASSOW / ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ. ICH LEBE ICH SEHE / ЖИВУ И ВИЖУ. AUSGEWÄHLT, AUS DEM RUSSISCHEN ÜBERTRAGEN UND MIT EINEM NACHWORT VERSEHEN VON GÜNTER HIRT UND SASCHA WONDERS.

Vorwort von Eugen Gomringer. Verlag Helmut Lang, 2017. 356 с.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Новая двуязычная книга переводов поэта неофициальной культуры второй половины XX — начала XXI в. Всеволода Некрасова представляет современному читателю как уже известные, так и новые переводы одного из ведущих авторов русского конкретизма. Помимо стихотворений, в книгу вошли несколько теоретических работ поэта, биографическое и поэтологическое послесловие ведущих переводчиков и популяризаторов творчества Всеволода Некрасова — Гюнтера Хирта (Günter Hirt) и Саши Вондерс (Sascha Wonders) (наст. имена Georg Witte и Sabine Hänsgen). Открывает издание приветственное слово Ойгена Гомрингера (Eugen Gomringer) — одного из основоположников европейского конкретизма в поэзии, который признает общность творческих поисков русского и немецких конкретных поэтов — и их независимость друг от друга.

Ключевые слова: Всеволод Некрасов; неофициальная культура; Лианозовская школа; конкретная поэзия; перевод.

Выхода этой книги осведомленные поклонники и исследователи творчества поэта Вс. Некрасова (1934–2009) ожидали еще в 2012 г., но ожидали — что объяснимо — по разные стороны границы по-разному. Для немецкоязычного читателя книга дает пусть и далеко не полное, но системное представление о поэте, творчество которого западной славистике давно было известно, в отличие от подцензурного литературоведения у него на родине. И это вполне объяснимо: Вс. Некрасов — одна из ключевых фигур так называемой неподцензурной культуры, поэт, многое сделавший или даже многое предваривший в таких направлениях поэзии второй половины XX в., как поэтический минимализм, конкретизм, концептуализм... По крайней мере, любой более или менее ответственный разговор об этих явлениях в русскоязычной поэзии XX в. без упоминания имени Некрасова сегодня представляется невозможным. Неудивительно поэтому, что имя

Павловец Михаил Георгиевич — кандидат филологических наук, доцент, факультет гуманитарных наук / Школа общей и прикладной филологии (e-mail: mpavlovets@hse.ru).

Некрасова довольно рано стало известно на Западе — благодаря усилиям чеха Антонина Броусека и редактируемого им журнала «Тваж» (“Tváj”; о чешских публикациях Вс. Некрасова см. [Махонинова, 2017], двуязычной антологии 1975 г. “Freiheit ist Freiheit”, выпущенной в Цюрихе Лизл Уйвари (первой переводчицей Некрасова на немецкий язык — см. [Freiheit ist Freiheit, 1975]), и др. Впрочем, к тому времени журнал «Грани» перепечатал выпуски самиздатского поэтического альманаха «Синтаксис», составленного еще в 1959–1960 гг. Ал. Гинзбургом, альманаха, с которого, собственно, ведется сегодня отсчет истории институционализации неподцензурной литературы (см. [Кукулин, 2019]).

Так что вышедшая в 2017 г. в небольшом немецком издательстве Verlag Helmut Lang книга Всеволода Некрасова “Ich lebe Ich sehe”, если и вводит новое имя, то лишь для тех интересующихся на западе русскоязычной поэзией, кто только начинает знакомство с ней. Для остальных же это скорее подведение промежуточных итогов и осмысление более чем полувековой истории освоения западным читателем творчества одного из самых значительных авторов русскоязычной поэзии второй половины XX — начала XXI в. И не случайно, что подготовлена книга Гюнтером Хиртом и Сашей Вондерс, под чьими взятыми еще в советское время псевдонимами, как теперь уже нам известно, скрываются два замечательных немецких слависта и переводчика русскоязычной поэзии Георг Витте и Сабина Хэнсен. Именно они в 1984 г. выпустили знаменитую антологию “Kulturpalast” с приложением аудиокассеты, на которой был записан голос ряда неподцензурных авторов из СССР, в том числе с представительной подборкой Некрасова [Kulturpalast 1984: 19–47]; и затем оставались самыми активными переводчиками и популяризаторами его творчества в немецкоязычном пространстве. Г. Хирт и С. Вондерс понимают полиадресность своего издания, не просто собрав под одной обложкой как свои старые, уже известные, так и новые переводы. Произведения Некрасова определенным образом ими систематизированы в издании, причем сам принцип их распределения по семи разделам выдают тонких ценителей и глубоких знатоков творчества поэта.

Сам Некрасов редко датировал свои произведения, поэтому в основе предложенной составителями систематизации «биографическое ориентирование» (с. 344) — лишь один из нескольких принципов объединения текстов в разделы. Так, первый раздел «Лианозово», с одной стороны, содержит ранние стихотворения, конца 1950-х — начала 1960-х годов, в которых узнаваемая манера еще только складывается, но здесь же есть и более поздние вещи, объединенные «лианозовским контекстом» — дружескими и творческими связями с поэтами и художниками этого круга. Второй раздел «Между весной и летом» — от пространственной локализации переходит к временной. Некоторые стихи из этого раздела были опубликованы в изданной в СССР книге «Между летом и зимой» (1976), составленной Вс. Некрасовым и включавшей и наряду со стихами других авторов и стихи составителя [Некрасов, 1976]. Тогда эти стихи (в частности, из-за того, что книга вышла в издательстве «Детская литература») были приняты за «детские» стихи «о природе», хотя известно, что поэт сам никогда не делил свои тексты на «детские» и «взрослые» (о чем свидетельствует и книга «Детский случай» [Некрасов, 2008]), а стихов «о природе», на самом деле, и вовсе не

бывает. Впрочем, составители подробно разъясняют принципы организации и этих двух, и оставшихся пяти разделов, в послесловии «Поэтические записки Всеволода Некрасова»: лирические «travelоги» Некрасова раздела «Сокольников — и далее», полемика с «мертвыми» зонами поэтического языка и «ложными» репутациями в «Ленинградских стихах», поэтическая ревизия наличного языка («Живу и вижу», работа с формами политической ангажированности (но именно работа!) в «Свобода есть свобода» и с визуальностью стиховых форм — в «Листках».

Послесловие Гюнтера Хирта и Саши Вондерс по своей сути «гибридно» или, скажем иначе, «монтажно», нарушая устоявшиеся каноны самого жанра послесловия: это и биографический очерк, и мемуар, и литературоведческая работа, к тому же заканчивается оно разделом «О принципах составления и выборе источников». Впрочем, так строились и собственные книги Некрасова, образуя сверхтекстовые единства из стихотворений, программных статей и заметок автора, а также картин его друзей-художников: достаточно вспомнить его совместную с супругой — известным литературоведом А.И. Журавлевой книгу «Пакет» [Журавлева, Некрасов, 1996] или «Живу вижу» [Некрасов, 2002]. Монтажна и рецензируемая нами книга Некрасова, причем само соседство и порядок следования ее частей концептуально продуманы.

Открывает книгу предисловие «“Я живу я вижу” — лирика мира по-русски» «зубра» немецкоязычной конкретной поэзии — поэта Ойгена Гомрингера (с. 7–9). В 1992 г. на мюнхенской выставке, посвященной Лианозову, Некрасов познакомился с двумя другими основоположниками конкретной поэзии — Ф. Моном и Г. Рюмом; фрагмент разбора Некрасовым двух стихотворений — Гомрингера и Рюма — также включен в книгу (с. 307–313), вместе же это создает тот самый необходимый контекст, в котором возможен разговор о Некрасове как русском «конкретисте», точнее — поэте, придавшем в своем творчестве общемировому направлению конкретной поэзии особое, русское течение. Подобным образом авторов «Лианозовской школы» — через понятный западному читателю код — пытался ввести в 1977 г. в мировой контекст и Эдуард Лимонов, в альманахе «Аполлон-77» рассказав о вымышленной им «Группе Конкрет» [Лимонов, 1977], однако в целом ему пришлось пойти на очень большие натяжки, тогда как относительно Всеволода Некрасова эта аналогия не лишена весьма серьезных оснований. «Своего» почувствовал в Некрасове и не читающий по-русски Ойген Гомрингер, видя за его внешней комбинаторикой словесных форм решение поэтом схожих с западными конкретными поэтами художественных и мировоззренческих задач — и признав самостоятельность и независимость путей своего русскоязычного коллеги, пришедшего этими путями тем не менее к близким результатам.

Между «послесловием» составителей и корпусом текстов Некрасова, помимо заметки о стихах Гомрингера и Рюма, есть два фрагмента еще двух принципиальных для поэта манифестарных работ — небольшая статья «Объяснительная записка» и авторское предисловие «Правила включения» к его тексту, называемому самим Некрасовым «Мой словарь». К сожалению, отсутствие пояснения к тому, что это за тексты, как нам представляется, несколько вредит их восприятию: читателю следует учи-

тывать, что «Объяснительная записка» написана была еще в 1979 г., с изменениями и дополнениями неоднократно переиздавалась автором, сама ее история прокомментирована в «Справке» [Некрасов 1991: 38–41] и в «Пакете» [Журавлева, Некрасов, 1996: 299–304], и с тех пор она остается главным авторским манифестом, где выражены его взгляды на поэзию и на современную ему литературную среду.

Что касается «Правил исключения», то для их понимания нужен текст, который они комментируют, а именно фрагменты большого, так и не реализовавшегося в первоначально задуманном виде, проекта Некрасова по составлению цепочек из пар слов, связанных в основном паронимически или даже простым повтором. Изначально задумав ревизию чуть ли не всего наличного языка, впоследствии Некрасов осознал нереализуемость этого авангардистски утопического проекта, ограничившись публикациями отдельных его фрагментов, которые показались ему относительно законченными: «вообще конечно...», «Малый сухумский вариант поэмы» и ряд др. Увы, в книге “Ich lebe Ich sehe” этих текстов мы не обнаружили, а узнать о них можно только из упомянутого текста Некрасова, оставшегося без «основной» — собственно «практической» своей части. Кроме того, думается, по крайней мере нынешнему западному читателю останутся непонятными и некоторые реалии и имена, возникающие в текстах: кто такие Вознесенский или Пригов, Немухин или Мастеркова, что такое ЦУМ и ГУМ, Алконост и Моссельпром... Все-таки мы имеем дело не просто с книжкой переводов Некрасова, но и с книгой о нем — о чем свидетельствует как обстоятельное послесловие составителей, так и завершающая это издание избранная библиография его книг и переводов, а также посвященных ему интернет-ресурсов.

Начиная нашу рецензию с того, чем книга может быть интересна современным немецкоязычным читателям, мы исходили из того, что адресована она не только им, залог чему — двуязычие и ее поэтического раздела (давно уже норма для такого рода изданий), и всех включенных в нее материалов. Но чем она может быть интересна русскоязычным читателям, владеющим — и не владеющим немецким языком? Только за десятилетие после смерти Некрасова вышло как минимум два представительных издания его стихотворений, куда более полных, чем немецкая книга [Некрасов, 2012; 2013] — и работа над его наследием не прекращается!

Для первых безусловно будет интересно наблюдать, где чужой язык бессилен передать самое, может быть, важное, что содержится в поэтическом тексте, скользя по его поверхности: так, в переводе стихов «нет а Лев прав / а нет прав не Лев» («За полями за лесами...» — с. 18) для немецкого уха еще сохраняется смысловая связь между «правотой», «правом» и «правами», но вот обыгрываемая оппозиция «левое vs правое» безнадежно утрачена и требует отдельного комментария. Однако еще интереснее видеть, как чужой язык, напротив, добавляет собственную семантику — например, через паронирию — там, где в исходном тексте ее нет: вот хрестоматийное «Вода / Текла» переводится как „Wasser / Floss“ — думается, такое созвучие оценил бы Всеволод Николаевич, хотя на уровне ономастопеии тут несколько иной поворот — «широкое» слово “Wasser” словно сужается в «узком» слове “Floss”. Или другой пример — из «Путешествия в Германию

и обратно»: стих «если не ошибаюсь трир» переведен “wenn ich nicht irre trier” (с. 120) — отсутствие заглавных в имени собственном (город Трир) отсылает к подобной же практике немецких конкретных поэтов, вовсе изгнавших заглавную букву из родного языка, в котором она положена для любого существительного — не только имени собственного, но вот дополнительная внутренняя рифма глагола «ошибаюсь» — “irre” и «Трир» тоже вполне в некрасовском духе. И таких микронаходок по всей книге рассыпано множество, находить их — отдельное удовольствие. Конечно, немного жаль, когда рифмованные стихотворения — крайне редкие у Некрасова — переводчики переводят верлибром (см. раннее стихотворение «Относительно небес» — с. 50): впрочем, это опять же тот самый случай, где языку перевода, по-видимому, положен предел самим языком.

Завершая, скажем, что главное — такого рода издания наглядно демонстрируют, что значит сегодня для поэзии входить в мировой контекст, оставаясь при этом в рамках национальной культуры. Собственно, понятие «рамки» или «рамы» было ключевым для поэтики самого Некрасова: по его словам, именно с определения рамки поэт начинает творчество («искусством будет тот текст, участок речи, который автор, живя (как все мы) в речи непрерывно, обязуется сделать как можно лучше. Для этого текст, участок искусства надо непременно выделить рамкой. <...> Естественное дело авангарда — атаковать, оспаривать “рамку”, границу искусства, так и эдак выясняя новые и новые стороны его природы. Но в принципе рамка неотменяема» [Журавлева, Некрасов, 1996: 313]). Некрасов и сам регулярно так делал, при этом выходя за самим же собою очерченные границы, о чем напоминает и удачный книжный дизайн издания, в котором стихотворения поэта на обоих языках оказываются вынесены прямо на обложку, соседствуя с именем автора и названием его книги. Любые границы — языковые, культурные, границы эстетических конвенций — оказываются сегодня пронцаемыми, как и многие другие, но их пронцаемость, что для Некрасова всегда было принципиальным, не означает их полного упразднения, иначе само искусство окажется невозможным. И открывающее книгу приветственное слово Ойгена Гомрингера (его фрагмент тоже вынесен на обложку — с ее обратной стороны, точнее — на ее загиб, имитирующий суперобложку) знаменует собой встречу двух культур, двух поэзий, встречу наследников — и одновременно создателей двух больших поэтических традиций друг с другом — и со своим читателем по обе стороны разделяющих их границ.

Список литературы

1. Журавлева А., Некрасов Вc. Пакет. М., 1996.
2. Кукулин И. Два рождения неподцензурной поэзии в СССР // Кукулин Илья. Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М., 2019. С. 31–42.
3. Лимонов Э. Группа «Конкрет» // Аполлон-77: Альманах / Под ред. М. Шемякина. Paris, 1977. С. 43–46.
4. Махонинова А. Всеволод Некрасов и его круг: чешские публикации шестидесятых годов о лианозовской группе // Toronto Slavic Quarterly. № 61. Summer, 2017. С. 172–192.

5. *Некрасов Вс. (ред.) Между летом и зимой. Стихи, считалки, загадки, скороговорки.* М., 1976.
6. *Некрасов Всеволод. Справка: ЧТО из стихов ГДЕ за рубежом КОГДА опубликовано (1975–1985).* М., 1991.
7. *Некрасов В. ЖИВУ ВИЖУ.* М., 2002.
8. *Некрасов Вс. Детский случай.* М., 2008.
9. *Некрасов Вс. Стихи 1956–1983.* Вологда, 2012.
10. *Некрасов Вс. Авторский самиздат: 1961–1976.* М., 2013.
11. *Freiheit ist Freiheit: Inoffizielle sowjetische Lyrik. Russisch — Deutsch. [СВОБОДА ЕСТЬ СВОБОДА: Неофициальная советская лирика. Русский — немецкий] / Ed. Liesl Ujvary. Zürich, 1975.*
12. *Kulturpalast. Neue Moskauer Poesie und Aktionskunst / Hg. und Übs. Günter Hirt und Sascha Wonders. Wuppertal, 1984.*

Mikhail Pavlovets

Book Review: WSEWOLOD NEKRASSOW / ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ. ICH LEBE ICH SEHE / ЖИВУ И ВИЖУ. AUSGEWÄHLT, AUS DEM RUSSISCHEN ÜBERTRAGEN UND MIT EINEM NACHWORT VERSEHEN VON GÜNTER HIRT UND SASCHA WONDERS.

Vorwort von Eugen Gomringer. Verlag Helmut Lang, 2017. 356 p.

*Higher School of Economics National Research University
21/4 Staraya Basmannaya str., 105066, Moscow*

The book presents old and new translations of Vsevolod Nekrasov, an eminent Russian ‘concrete’ poet. In addition to Nekrasov’s poems, the book includes several theoretical works of the poet, as well as a biographical and poetological afterword by leading translators and popularizers of Vsevolod Nekrasov, Günter Hirt and Sascha Wonders (Georg Witte and Sabine Hänsgen). The publication opens with a welcoming speech by Eugen Gomringer, a founder of European concretism in poetry, who recognizes the commonality of creative searches of Russian and German concrete poets and their independence from each other.

Key words: Vsevolod Nekrasov; unofficial culture; Lianozovo school; concrete poetry; translation.

About the author: *Mikhail Pavlovets* — PhD, Associate Professor, Faculty of Humanities, School of General and Applied Philology, National Research University ‘Higher School of Economics’ (e-mail: mpavlovets@hse.ru).

References

1. Zhuravleva A., Nekrasov Vs. Paket [The Package]. Moscow: *Meridian*, 1996. 629 p.

2. Kukulin I.V. Dva rozhdeniia nepodcenzurnoy poezii v SSSR. [Two births of uncensored poetry in the USSR] Kukulin Ilya. Proryv k nevozmozhnoy svyazi: Statyi o rosskoy poezii [Breakthrough to an impossible connection: Articles and Essays on Russian Poetry]. Ekaterinburg; Moscow: *Armchair Scientist*, 2019, pp. 31–42.
3. Limonov Edward. Gruppa “Konkret” [The Gruppe “Concrete”]. *Apollo-77: Almanac*. Ed. Mikhail Shemiakin. Paris: *Les Arts Graphiques de Paris*, 1977, pp. 43–46.
4. Mahoninova Alena. Vsevolod Nekrasov i ego krug: cheshskie publikacii shestidesiatykh godov o lianozovskoy gruppe [Vsevolod Nekrasov and his circle: Czech publications of the sixties on the Lianozovo group]. *Toronto Slavic Quarterly*. № 61, Summer 2017, pp. 172–192.
5. Nekrasov Vs. (ed.) Mezhdru letom i zimoy. Stihy, schitalki, zagadki, skorogovorki [Between summer and winter. Poems, rhymes, riddles, tongue twisters.]. Moscow: *Detskaya literatura* [Literature for children], 1976. 160 p.
6. Nekrasov Vs. Spravka: CHTO iz stihov GDE za rubezhom KOGDA opublikovano (1975–1985) [Reference: what of the poems WHERE abroad and WHEN have been published]. Moscow: *PS*, 1991. 80 p.
7. Nekrasov Vs. *ZHIVU VIZHU* [I Live I See]. Moscow, 2002. 243 p.
8. Nekrasov Vs. Detskiy sluchay [The Child Case]. Moscow: *Tri kvadrata* [Three squares], 2008. 216 p.
9. Nekrasov Vs. Stihy 1956–1983 [Verses: 1956–1983]. Vologda: *Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Hermana Titova* [German Titov’ Library of Moscow Conceptualism], 2012. 592 p.
10. Nekrasov Vs. Avtorskiy samizdat: 1961–1976. Moscow: *Concurrence*, 2013. 541 p.
11. Freiheit ist Freiheit: Inoffizielle sowjetische Lyrik. Russisch — Deutsch. Ed. Liesl Ujvary, Zürich: *Arche Verlag*, 1975. 176 p.
12. Kulturpalast. Neue Moskauer Poesie und Aktionskunst. Hg. und Übs. Günter Hirt und Sascha Wonders, Wuppertal: *S-Press*, 1984, 155 p.

Т.А. Алпатова

**Рецензия на кн.: НАГИНА К. А. АНИМАЛИСТИКА
И АНТРОПОЛОГИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО:
учебное пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 100 с.**

*Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Московский государственный областной университет»
141014, Московская область, г. Мытищи, ул.В. Волошиной, д. 24*

Рецензия представляет современное учебное пособие, посвященное творчеству Л.Н. Толстого. Автор представляет наиболее значительные универсалии в произведениях Толстого, благодаря которым оформляется концепция человека. Сделаны выводы о значении анималистической образности в толстовском художественном мире, а также о соотношении традиций и новаторства в изображении Толстым природы и человека. Охарактеризованы основные методы исследования, специфика авторских наблюдений и выводов, особенности подходов к оценке произведений Толстого.

Ключевые слова: рецензия; Л.Н. Толстой; анималистика; антропология; универсалии русской литературы; символ; образ.

Из ряда великих русских писателей «золотого» века Л. Толстого выделяют не только его психологическое мастерство, органическая сращенность художественного и религиозно-философского начал, но и постоянное внимание к разнообразным живым существам: от незаметных и мелких (мух, комаров, пчел) до самых «репрезентативных» (олений, свиней, волков, лошадей). Эти существа могут жить своей животной жизнью, как, например, в повести «Казачи», а могут претерпевать различные метаморфозы, срастаясь с людьми. Это сращенность звериного и человеческого — практически «визитная карточка» Льва Толстого, одна из самых существенных сторон его художественной антропологии. Вот об этом метаморфическом соседстве анималистики и художественной антропологии писателя и идет речь в книге К.А. Нагиной.

Первая глава, «Миф об олене», вскрывает мифопоэтическую природу этого сюжета, начинающегося в повести «Казачи» и заканчивающегося в «Драматической обработке легенды об Аггее». Основу обеих историй составляет «хюбристическая попытка героя занять место, не положенное ему по статусу, и результатом подобных действий становится наказание героя. В обоих случаях этот сюжет связан у Толстого с оленем, что прямо указывает

Алпатова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета (e-mail: alpatova.ta@mgou.ru).

на миф об Актеоне, превращенном в оленя и разорванном собственными собаками» (с. 10). Аккомпанируют толстовскому прочтению «оленьей» темы Тургенев с его пересказом «Легенды о святом Юлиане Милостивом» и Гумилев с пьесами «Актеон» и «Гондла».

В центре второй главы книги — «Дионисийский миф и “диовинно-звериное” в повести “Казаки”» — стоит фигура знакового для Толстого животного — *свиньи*. В «Казаках» свинья «вливается в апологию природного, животно-стихийного начала, связанного с поэтизацией естественной жизни гребенских казаков. Свинья выступает здесь как вождельный охотничий трофей и как символ природной мудрости, в своем безусловном подчинении законам смерти / возрождения превосходящей человеческую» (с. 22–23). Свинья связана здесь с дионисийским мифом. Но «Казаками» этот сюжет не ограничивается. С противоположным знаком он разворачивается в пьесе «Зараженное семейство», в поздних произведениях: «Крейцера соната», рассказе «Как чертенок краюшку выкупал» и пьесе «Первый винокур, или Как чертенок краюшку выкупал», а также в религиозно-философских произведениях писателя. Об этом — глава пятая, «Антропологическая семантика бестиария Толстого: человек и свинья». Смысл этого сюжета заключается в том, как в человеке начинает говорить «свинья кровь» — дурная, звериная, искажающая его человеческую природу.

Глава третья, «Между войной и охотой: волки в романе “Война и мир”», исследует «волчий» сюжет, у Толстого связанный с инверсией героического. Его персонажи — Николай Ростов, ловчий Данило, полководец Кутузов, партизан Тихон Щербатый, Петя Ростов. В пространстве войны действует особый «звериный код», который и переосмысливается писателем, утверждающим мысль о милосердии, которая в дальнейшем разовьется в идею непротивления злу насилем.

Центральная фигура главы четвертой, «О медведях, охоте и любви», — *медведь*. «Медвежий» сюжет в творчестве Толстого «развивается в нескольких направлениях: первое, представленное в «Анне Карениной», связано с матримониальной семантикой; к нему примыкает второе, опирающееся на мифологические представления славян о медведе как воплощении земли, мира предков; и, наконец, третье, разворачивающееся в пространстве поздних произведений писателя, соединяется с идеей непротивления злу насилем» (с. 46). В «Анне Карениной» он связан с Левиным и его любовью к Кити, к “*Tiny bear*”. В поле его притяжения попадают охота, небеса и звезды. Земные медведи, превращаясь в звездных, в трактате «В чем моя вера?», где завершается «медвежий» сюжет, утверждают идею добра.

В главе шестой, «Зооморфные двойники героев Толстого», и главе седьмой «О свойствах “странной породы животных”»: повесть “Холстомер”», речь идет о лошадях. Связь лошади с женщиной у Толстого обнаруживается на глубинных уровнях, начинаясь все в тех же «Казаках» сравнением Марьянки с «кобылкой», которое становится претекстом для развернутого сопоставления Фру-Фру и Анны во втором романе Толстого. «Самой выразительной ее частью оказывается соотношение мужчины со свиньей, а женщины с лошастью. То, что в “Казаках” делало женщину прекрасной и проявлялось в сравнении Марьяны с табунной кобылкой, в “Анне Каре-

ниной” связывалось с хрупкостью, жертвенностью и грозило гибелью, в “Крейцеровой сонате” превратилось в страшную неконтролируемую силу, иницилирующую преступление и влекущую к смерти» (с. 83).

И, наконец, глава шестая говорит о самой яркой и запоминающейся фигуре в художественном bestiarii Толстого — пегом мерине Холстомере. «Контекст bestiарных параллелей из творчества Толстого только подчеркивает уникальность пегого мерина и его судьбы: лошадь у Толстого воплощает в себе стихию пола, а иногда даже неконтролируемую сексуальность <...> Оскопление героя подобного толка являет собой не только художественный, но и чрезвычайно смелый бытийный эксперимент» (с. 91). В центре исследования — вопрос о разрушительном воздействии страстей на человеческую природу. Этот вопрос отразился в целом ряде произведений писателя, и открывает этот ряд «Холстомер». Повесть включает мысли Толстого по поводу полового вопроса в контекст идеологии скопчества. «Путь Холстомера — это путь отказа от страстей, разрушающих человеческое в человеке. Пока люди живут страстями, они, как и животные, руководствуются законами естественного отбора и борьбы за существование, а общество, построенное на принципах добра, самоотвержения и братства, остается утопией» (с. 97).

Tatyana Alpatova

Book Review: NAGINA K. A. ANIMALISM AND ANTHROPOLOGY OF LEO TOLSTOY.

Voronezh: VSU Publishing House, 2018. 100 p.

*Moscow State Regional University
24 Voloshinoy Str., Mytishchi, 141014*

This is a review of a modern textbook on the work of Leo Tolstoy. The author represents the most significant universals in Tolstoy’s works, thanks to which the writer’s concept of man is formed. Conclusions are drawn about the importance of animalistic imagery in the Tolstoyan literary world, as well as a correlation of traditions and innovation in Tolstoy’s depiction of nature and man. The review characterizes the research methods in the book, the author’s observations and conclusions, approaches to the evaluation of Tolstoy’s works.

Key words: review; L.N. Tolstoy; animal studies; anthropology; universals of Russian literature; symbol; image.

About the author: *Tatyana Alpatova* — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Russian Classical Literature, Moscow State Regional University (e-mail: alpatova.ta@mgou.ru).

К.С. Соколов

**Рецензия на кн.: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОРИЯ: КОНТЕКСТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
Материалы XI Международной научной конференции
«Художественный текст и культура» [8–10 октября
2015 года / Редколл.: С.А. Мартынова (отв. ред.) и др.].
Владимир: Транзит-икс, 2017. 180 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
600000, Владимир, ул. Горького, 87*

Сборник материалов XI Международной конференции «Художественный текст и культура», проводимой во Владимирском государственном университете, вышел в свет в 2017 г. Одиннадцатая конференция была посвящена исследованию различных типов художественного текста как феномена культуры и истории, а также форм взаимодействия литературы и истории. В рецензии отмечается тематическое разнообразие представленных статей — от интерпретации пушкинской исторической драмы в опере Мусоргского до эго-документов Первой мировой войны и самоидентификации писателя в новейшей отечественной истории. Обращается внимание на концептуальное единство раздела, посвященного формам осмысления актуальных культурно-исторических процессов в современной отечественной литературе. Сборник отличается методологической широтой и вносит заметный вклад в изучение заявленной темы.

Ключевые слова: литература и история; идентичность; романтизм; модернизм; постмодернизм; поэзия; проза; поэтический перевод; прошлое и будущее в литературе; оперное искусство.

Регулярные научные встречи литературоведов во Владимире начались в 1995 г. Тогда же была определена общая концептуальная направленность конференции, связанная с изучением отдельных аспектов художественного текста и культуры. Конференция 2015 г., проводившаяся кафедрой русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета, была посвящена исследованию различных уровней художественного текста как феномена культуры и истории. В сборник материалов конференции вошли 19 статей филологов, историков, философов и культурологов из России, Сербии и Узбекистана.

Соколов Кирилл Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (e-mail: kirill.sokolov@fulbrightmail.org).

Сборник состоит из трех концептуальных разделов. В первом — «Человек, история, миф» — исследуются механизмы возникновения и способы литературного воплощения культурно-исторических мифов. *В.В. Королева* (Владимир) в статье «К вопросу о фаустианских мотивах в романе Э.Т.А. Гофмана “Эликсиры дьявола” (сюжет грехопадения Художника)» предлагает рассматривать историю гофмановских героев как вариант актуального для немецкого романтизма «фаустианского» мифа об искушении. Исследователь намечает типологические параллели, не сводимые буквально к фаустовскому сюжету, но связанные с его проблематикой. Тема «человек в истории» рассматривается *П.А. Белоусовым* (Владимир) на материале творчества Л.Н. Толстого. Предметом статьи *Д.З. Киреева* (Владимир) «“Борис Годунов” А.С. Пушкина в интерпретации М.П. Мусоргского: осмысление опыта русской истории» становится *интонационный сюжет* оперы великого русского композитора. Наблюдения над музыкальным оформлением сюжетной линии Бориса приводят исследователя к выводу, что «постепенно “освобождаясь” от неизменных “оков” тональности es-moll, тема спасения звучит в Des-dur как предвестие христианской кончины царя» (с. 26). Значительное место в статье уделено разнообразным функциям лейттемы Дмитрия в интонационном сюжете оперы и символическому значению тональностей, оформляющих «драму народа» (с. 28).

Ряд материалов сборника обращен к проблеме становления и существования определенных типов литературного героя в меняющемся историческом контексте. Этот блок открывается статьей профессора Белградского университета *Л. Маркович (Ljiljana Marcovic)* “Japanese And Serbian Literature In The Whirlwind of Modernisation, Mori Ogawa And Laza Lazarevic”. Сходство модернизационных процессов в Японии и Сербии определяет возникновение общей темы поиска баланса между старым и новым в творчестве Л. Лазетича и М. Огавы. *И.А. Косылева* (Владимир) исследует культурно-социальную родословную профессора Преображенского из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» в контексте актуальных в начале XX в. размышлений об интеллигенции и революции. Автор показывает сложность и неоднозначность образа интеллигента в трактовке писателя. В статье «Поиски духовного начала в романе Э.М. Ремарка “Мансарда грез”» *В.А. Корегина* и *Ю.Л. Цветков* (Иваново) рассматривают один из вариантов воплощения характерной для немецкой литературы темы становления художника в первом романе писателя. Тематически примакают к предыдущей статье размышления *А.А. Крюкова* (Кострома) над эволюцией главного героя в прозаическом цикле Юрия Фельзена «Повторение пройденного», где история обретения писательского призвания преподносится сквозь призму рефлексии героя над историей любви. Прустовская тема трансформируется в заключительной части трилогии. В «Письмах о Лермонтове» инициационный сюжет завершается «романом с писателем» — «воображаемым диалогом с великими творцами прошлого» (с. 69). Две статьи сборника посвящены проблемам переводческого наследия А.А. Ахматовой. *Г.А. Аманова* (Ташкент) представляет историю корейской культуры и литературы в отражении ахматовских переводов корейской классической поэзии. Исследователь отмечает, что переводчику удалось сохранить большинство исторических, культурных и географических реалий, а немногочисленные утраты и замены

в переводе восполняются «поэтически выигрышной экзотической аурой» (с. 77), не искажающей представления о национальной художественной традиции. Вопрос о региональных приоритетах Ахматовой как переводчицы лирики рассматривается в статье *С.И. Кормилова* (Москва). Уточняя и восстанавливая различные контексты вынужденного обращения к переводам, исследователь приходит к выводу о сознательном тяготении Ахматовой к работе с поэзией прошлого, преимущественно восточной. «Привлекательность» той или иной литературы могла обуславливаться целым рядом объективных и субъективных факторов.

Первый раздел сборника завершают две статьи, посвященные представлению истории и современности в постмодернистской литературе. *Е.В. Тега* (Москва) исследует мифогенные пространственные концепты в романе Джанет Уинтерсон «Страсть». По мысли автора, инсулярное и материковое мироощущение героев определяет их судьбу и отражается в истории наполеоновской империи. Игровое сочетание утопических и антиутопических черт современности в повести Кристиана Крахта и Иго Нирмана «Метан» становится предметом анализа в статье *Ю.Л. Цветкова* (Иваново).

Во втором разделе сборника объединены статьи, посвященные интерпретации опыта Первой мировой войны. Раздел открывается статьей *Лиляны Д. Байич* (Белград) «Война и художественный вымысел в поэзии Милоша Црнянского». Автор предлагает методические приемы изучения «суматраизма» сербского модерниста. В статье *Александры Вранеш* (*Alexandra Vranes*) (Белград) “Handwritten Diary Prose On The First World War” исследуются рукописные дневники — источники, воссоздающие эго-историю Первой мировой войны. Статья иллюстрирована рисунками из военного дневника Миодрага Петровича. Один из ключевых мотивов военной литературы исследуется в статье *И.А. Снегирева* (Москва) «Оппозиция “фронт-тыл” в военной поэзии XX века». Исходя из тезиса П. Фассела о том, что мышление человека на войне организовано по принципу бинарных оппозиций, автор обнаруживает в русской и англоязычной поэзии два типа реализации исследуемого мотива. Первый предполагает в разной степени негативное отношение поэта-фронтовика к тылу, второй — подчеркнутую его эстетизацию.

В заключительный раздел сборника «Факт, документ, вымысел в новейшей литературе» вошли статьи, исследующие процесс зарождения актуальных культурных и литературных тенденций. Одна из них — вхождение англицизмов в язык русской литературы — исследуется в статье *О.Р. Егоровой* (Владимир). *А.В. Марков* (Москва) представил краткий очерк поэтической эсхатологии и обозначил специфику эсхатологического ощущения настоящего в творчестве В. Кривулина, Д. Строева и П. Чейгина. В статье *И.Н. Минеевой* (Петрозаводск) «“Русский европеец”, или “человек 1980-х”»: Кирилл Кобрин (заметки о позднесоветском поколении восьмидесятых)» исследуются поколенческие черты «восьмидесятников», определяется их культурный тип и система ориентиров. В творчестве К. Кобрина отразились наиболее характерные этапы формирования писательской идентичности «восьмидесятника»: от неприятия советского контекста до «обретения естественной (не идеологической) экзистенции» (с. 157). Особенности отечественной литературной футурологии посвящена статья *И.В. Мотею-*

найте (Псков) «Образ будущего в современной литературе: фантастика или реальность в новой модели человека». Говоря о «новой модели», автор имеет в виду не только генетически совершенного человека, над чьим появлением работает наука, но и его зооморфного антипода, появляющегося в новых романах В. Пелевина, М. Галиной, В. Сорокина, Л. Горалик и С. Кузнецова как протест против попыток вмешаться в естественный ход жизни. Сборник завершает статья *И.С. Юхновой* (Нижний Новгород) «Толмач и переводчик в современной литературе». Исследуя этот достаточно популярный образ, автор приходит к выводу, что двойное именование профессии имеет идеологическое значение: переводчик чаще выступает в роли механического ретранслятора или информатора, толмач же восстанавливает нарушенную коммуникацию, разгадывает сокрытое, проникает в божий замысел.

Широта тематического охвата и методологическое разнообразие представленных статей делают сборник «Художественная литература и история: контексты и взаимодействия» заслуживающим внимания исследователей как отечественной, так и зарубежной литературы, культуры и истории.

Kirill Sokolov

**Book Review: FICTION AND HISTORY: CONTEXTS
AND INTERACTIONS: THE PROCEEDINGS OF THE 11th
INTERNATIONAL CONFERENCE ‘FICTION AND CULTURE’
[October 8–10, 2015 / Ed. by S.A. Martyanova and others].
Vladimir: Tranzit-iks, 2017. 180 p.**

*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky Str., Vladimir, 600000*

The proceedings of the 11th biannual international conference ‘Fiction and Culture’ was published in 2017. The conference focused on fiction modes, cultural and historical phenomena, and interactions between fiction and history. The review points out a thematic diversity of the papers: from interpretation of Pushkin’s historical drama in Mussorgsky’s opera to ego-documents of World War I and to the self-identification of the Russian writer in contemporary national history. Special mention goes to the conceptual unity of the panel discussion on interpretation of urgent historical and cultural processes in contemporary Russian fiction. The book is commendable for a methodological value as it makes a significant contribution to the field.

Key words: fiction and history; identity; romanticism; modernism; post-modernism; poetry; prose; poetic translation; the past and the future in literature; operatic art.

About the author: *Kirill Sokolov* — PhD, Associate Professor, Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University (e-mail: kirill.sokolov@fulbrightmail.org).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.Р. Гимадеев

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ИЛИАДЫ» ГОМЕРА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья представляет собой отчет о прошедшей 5 апреля 2019 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова презентации нового русского перевода «Илиады» Гомера александрийским стихом, который был начат Е.И. Костровым в XVIII в. и завершен А.И. Любжиным. В отчете представлены основные положения докладов, прочитанных на презентации.

Ключевые слова: презентация; классическая филология; античная литература; Гомер; александрийский стих.

5 апреля 2019 г. на филологическом факультете МГУ состоялась презентация нового русского перевода «Илиады» Гомера. Книга вышла в марте 2019 г. в издательстве «Р. Валент» (Гомерова Илиада / Пер. с др.-греч. Е.И. Кострова и А.И. Любжина. М.: Р. Валент, 2019. 536 с., илл.).

Книга представляет собой полный перевод «Илиады» на русский язык, выполненный александрийским стихом.

Переводить «Илиаду» александрийским стихом начал Е.И. Костров (1755–1796), но успел перевести восемь с половиной песней. Долгое время этот перевод оставался в тени знаменитого гекзаметрического перевода Н.И. Гнедича. Спустя два столетия после появления перевода Кострова мысль о необходимости продолжить его приобрела актуальность, и в 2014 г. по инициативе Никиты Игоревича и Федора Игоревича Наумовых возобновилась работа по завершении перевода «Илиады» александрийским стихом, начатая Костровым.

Продолжил и завершил перевод Кострова филолог-классик, крупный специалист по истории и рецепции античной литературы, докт. филол. наук *А.И. Любжин*.

Новая книга содержит перевод на русский язык первых восьми с половиной песней «Илиады», выполненный Е.И. Костровым, и перевод остальных пятнадцати с половиной песней «Илиады» (Ном. II. IX 482–XXIV 804), выполненный А.И. Любжиным. В Приложении даны переводы отрывков «Илиады», сделанные М.В. Ломоносовым. В целях соблюдения стилистического единства книга оформлена в традициях XVIII в.

С приветственным словом к собравшимся обратилась зам. декана филологического факультета МГУ по международным связям *Г.Е. Кедрова*. Она

Гимадеев Ильяс Рустэмович — преподаватель кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eliasgimad@mail.ru).

отметила, что выход нового русского перевода «Илиады» является знаковым и эпохальным событием в культурной и научной жизни как факультета, так и общества в целом.

Открывая презентацию, заведующий кафедрой классической филологии МГУ, профессор *А.И. Солопов* подчеркнул, что три перевода «Илиады», выполненные александрийским стихом, оказались связаны с Московским университетом: первый литературный перевод Гомера принадлежит *М.В. Ломоносову*, который использовал для перевода именно александрийский стих; второй переводчик, впервые осуществивший поэтический перевод значительной части «Илиады», *Е.И. Костров*, выпускник Московского университета, после выхода перевода был удостоен почетного звания «университетского стихотворца»; наконец, *А.И. Любжин*, продолживший стихотворный опыт Кострова, является выпускником кафедры классической филологии МГУ. *А.И. Солопов* изложил историю возникновения нового перевода и выразил признательность *Н.И. Наумову* и *Ф.И. Наумову*, взявшим на себя финансирование публикации нового перевода.

Э.В. Янзина (Москва, МГУ), принимавшая участие в работе над переводом в качестве консультанта и научного редактора перевода, на примере пассажа из XXIII песни «Илиады» показала, что перевод *А.И. Любжина* в некоторых случаях оказался более адекватным гомеровскому тексту, чем считающийся эталонным в отношении точности и близости оригиналу перевод *Н.И. Гнедича*.

Д.Е. Афиногенов (Москва, ИВИ РАН, МГУ) подчеркнул, что, несмотря на наличие античных папирусов, наше знание Гомера происходит главным образом из византийских рукописей, сохранивших текст гомеровских поэм. Кроме того, сохранением традиции интерпретации Гомера мы обязаны византийским ученым, в частности, архиепископу Фессалоникийскому *Евстафию*, который создал монументальный труд о поэмах Гомера, собрав всю филологическую ученость, которая сохранилась до его времени. Гомер, во многом определивший важнейшие тенденции византийской литературы, был частью культурного багажа культурного человека в Византии. Новый русский перевод способствует тому, чтобы Гомер стал такой же неотъемлемой частью филологической культуры нашего общества.

Д.П. Ивинский (Москва, МГУ) подчеркнул, что Костров, несмотря на свою необычную репутацию, — не случайная фигура в русской литературе, как нередко считается, а, напротив, одна из исключительных фигур русской поэзии, входивших в число элитных деятелей русской культуры. Так, Пушкин в юности ставит Кострова в один ряд с Руссо и Камюэнсом, имея в виду не только собственное восприятие, но и восприятие целого культурного круга, а Пушкин в зрелые годы рассматривает Кострова в одном ряду с Державиным и Херасковым и, как кажется, предпочитает Кострова Хераскову. Обращение в XXI веке к веку XVIII, имея в виду интеллектуальное, языковое и поэтическое взаимодействие, является серьезным и блистательным примером.

А.И. Любжин (Москва, УДП) отметил, что тот спор, который заставил Гнедича отойти от первоначального плана продолжения костровского перевода александрийским стихом и обратиться к переводу «Илиады» гекзаметром

тром, стал отражением победы в русской литературе традиций немецкой литературы. Ни французская, ни итальянская, ни английская литература не знают гекзаметрических переводов. Обращение к александрийскому стиху в современную эпоху отражает классицистическую тенденцию, бытовавшую в русской литературе XVIII в. А.И. Любжин прочел отрывки из «Илиады» в своем переводе.

Завершил презентацию спектакль на древнегреческом языке «Суд Париса» по мотивам диалога Лукиана, подготовленный студентами филологического факультета МГУ под руководством доц. Э.В. Янзиной и ст. преп. А.И. Золотухиной.

Презентация собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из МГУ, ПСТГУ, НИУ ВШЭ, УДП, РГГУ и других учебных и научных заведений. Подробный фотоотчет о презентации и видеозапись можно найти на сайте кафедры классической филологии МГУ.

Elias Gimadeev

LAUNCHING A NEW TRANSLATION OF HOMER'S ILIAD

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a report about the presentation of a new translation of the Iliad which took place on April 5th, 2019 at the Faculty of Philology, Department of Classical Philology, Lomonosov Moscow State University. Y.I. Kostrov in the 18th century began the translation, and now A.I. Liubzhin has completed it. The report presents a chronological observation of the presentation.

Key words: presentation; classics; classical studies; Homer; Iliad; translation; Alexandrine.

About the author: *Elias Gimadeev* — Teaching Fellow, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eliasgimad@mail.ru)

О.Л. Довгий

**«БЕСТИАРИЙ КАК ARS COMBINATORICA
(RES ET VERBA-8)» (РГГУ, 18–19 января 2019)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья представляет собой краткую информацию о Международной научной конференции «Бестиарий как ars combinatorica» (RES et VERBA-8), прошедшей в РГГУ 18–19 января 2019 г. В центре внимания участников было искусство сочетать, комбинировать. Многие риторические проблемы — виды множества и отношения внутри них; стадии inventio и dispositio, четыре основные комбинаторные операции (прибавление, убавление, замена, перестановка) — были проиллюстрированы на примерах из мирового культурного бестиария. Применение бестиарной метафорики оказалось удобным инструментом для обсуждения сложных комбинаторных связей, лежащих в основе произведений искусства. Как всегда, встреча получилась междисциплинарной: в ней приняли участие филологи, историки, культурологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира. Заслушано 22 доклада; материалы конференции будут опубликованы в сборнике.

Ключевые слова: бестиарные конференции в РГГУ; RES et VERBA; ars combinatorica.

18–19 января 2019 г. в Профессорской аудитории РГГУ прошла научная конференция «Бестиарий как ars combinatorica (RES et VERBA-8)». Научные встречи, на которых изучаются бестиарные коды мировой культуры, или просто «бестиарии», проходят в РГГУ с 2011 года. Организует эти встречи ИФИ РГГУ совместно с ИМЛИ РАН. Вся программа, в рамках которой идут эти конференции, носит название «RES et VERBA», и все больше становится похожей на творческую лабораторию. Оргкомитет (А.Е. Махов, РГГУ–ИМЛИ, и О.Л. Довгий, МГУ–РГГУ) каждый год придумывает новую тему. «Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве», «Бестиарий и стихии», «Риторика бестиарности», «Бестиарный код культуры», «Пять чувств: люди и звери», «Бестиарий движений», «Бестиарий антитез» — такова тематика предыдущих семи встреч. По материалам конференций издаются сборники статей, которые размещаются на сайте Academia.edu и доступны для бесплатного скачивания.

Восьмая встреча была посвящена ars combinatorica — искусству сочетать. Для обсуждения были предложены вопросы, позволяющие увидеть,

---

Довгий Ольга Львовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olga-dovgy@yandex.ru).

каким предстает мир в зеркале комбинаторики, выраженной в бестиарных категориях. Главное, что хотелось понять, — есть ли границы у искусства сочетать? Тема вызвала интерес: было получено более 60 заявок. Для конференции Оргкомитет отобрал 27 докладов. Как всегда, встреча получилась междисциплинарной: в ней приняли участие филологи, историки, искусствоведы, культурологи из Москвы (МГУ, РГГУ, ИМЛИ, МПГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Литинститут), Санкт-Петербурга, Белграда, Владимира. За два дня было заслушано 22 доклада.

В основу программы были положены хронологический и географический принципы. В первый день речь шла в основном о западноевропейской культуре. Открыл конференцию доклад *И.А. Миролобова* (МГУ), посвященный анализу языковых средств, с помощью которых в трактате Лактанция “*De mortibus persecutorum*” («О смерти гонителей») создается «звероподобный» образ императоров-гонителей; в частности, был рассмотрен один из переданных Лактанцием анекдотов — о том, как будущий император Константин Великий был заперт в клетке с диким зверем и сразился с ним. *В.В. Дегтярев* (СПб., РИИИ) в поисках ключа к барочной чудовищности и меланхолии обратился к интерпретации картины Пармиджанино «Сатурн (или Кронос) и Филера», иллюстрирующей мифологический сюжет, редко встречающийся в изобразительном искусстве. *А.Е. Махов* (РГГУ–ИМЛИ) предложил определение комбинаторики как «игры в прятки» и продемонстрировал богатые возможности риторической операции убавления на примере неполноты и неопределенности звериного тела в демонологии Раннего Нового времени. *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ) рассказала об искусстве бестиарной комбинаторики на нескольких уровнях поэтического повествования «Королевы фей» Спенсера. Общая картина водных путешествий сэра Гийона сама по себе комбинаторна: эмблематичные образы сочетаются с картографическими, и к ним добавляются образы из легенд о путешествиях (в частности, о морских странствиях св. Брендана). *А.В. Нестеров* (МГЛУ) посвятил доклад кошачьей топике в западноевропейской живописи. Присутствие этого животного на картинах — всегда знак причудливой комбинаторной игры. *Т.А. Гуревич* (Литинститут) предприняла опыт интерпретации творчества Томаса де Квинна сквозь призму комбинаторных операций, связанных с собачьей топикой. *О.А. Кулагина* (МПГУ) продемонстрировала яркие примеры бестиарной комбинаторики в творчестве Ж. Превера.

Далее следовали два «змеиных» доклада. *Я.Ю. Муратова* (Литинститут) посвятила свой доклад разрешению головоломки «зверь реальный и фантастический — простое и украшенное» на примере анализа романа «Эссекский змей» Сары Перри. *А.В. Голубцова* (ИМЛИ) рассказала о комбинаторных отношениях человека и змея в итальянской литературе от К.Э. Гадды до Э. Малербы: о слиянии, взаимопроникновении, трансформации.

Следом были заслушаны два доклада на мексиканском материале. *М.Ф. Надъярных* (ИМЛИ) познакомила собравшихся с мексиканскими алебрихе — вымышленными существами, приобретающими все большую популярность в современном мире. *А.В. Гладошук* (МГУ) представила описание сюрреалистического бестиария мексиканского поэта и мыслителя

Октавио Паса, сосредоточившись на самых ярких его образах: бабочке, Мелюзине, саламандре.

Второй день традиционно начался с докладов, посвященных русской литературе. *А.А. Преображенская* (НИУ ВШЭ) рассмотрела механизмы создания бестиарных образов Христа, святых и евангелистов в контексте риторики барокко; проанализировала неожиданные для традиционной христианской образности метафоры и сравнения — комбинации, сопоставляющие в одной плоскости праведников и зверей с привычно отрицательными коннотациями.

О.А. Кузнецова (МГУ) рассказала о загадочных стихах, предшествующих основному тексту «Гласа последнего» Симеона Полоцкого в одном из списков сочинения и явно не принадлежащих перу этого автора. В предисловии примеры из животного мира раскрываются как неожиданные аналогии: жадная птица походит на осажденный город, а произведения из рукописных сборников становятся рыбами. *А.В. Архангельская* (МГУ) рассмотрела функции сравнений с животными в произведениях древнерусской литературы с точки зрения их характерологического или поведенческого значения, проанализировала случаи, когда происходит последовательное или параллельное уподобление одного объекта разным животным, выявила принципы этих уподоблений, их возможные источники и символические смыслы. *В.Л. Коровин* (МГУ) представил яркую картину превращений зверей в русской поэзии на примере переводов 103 псалма. *О.Л. Довгий* (МГУ—РГГУ) взглянула на художественный мир Пушкина как на систему бестиарных гибридов и рассмотрела основные типы пушкинских комбинаторных «звериных» соединений и механизмы их создания. *А.М. Пенкина* (РГГУ—РАНХиГС) посвятила доклад интерпретации комбинаторных смыслов, заключенных в трехчастном образе Гериона в «Разговоре о Данте» Мандельштама, в частности — скорпионского хвоста чудовища. *Ю.Б. Орлицкий* (РГГУ) подробно проанализировал комбинаторные принципы описания зверей в «Новом естествослове» Б. Херсонского.

Второе отделение открыл доклад *А.В. Святославского и А.А. Григорьевой* (МПГУ), посвященный бестиарным трансформациям любви и смерти в рассказе чувашского писателя Б. Чиндыкова «Овцы, которые хотят смерти». *Г.Т. Гарипова* (ВлГУ) на обширном материале («Рагнарек» Борхеса, «Бестиарии» Кортасара, «Кысь» Т. Толстой, «Шатуны» Ю. Мамлеева, «Мысленный волк» А. Варламова, «Жажман» Х. Достмухаммада) проанализировала возможность рассмотрения бестиарных образов оборотнической модели мира, построенных по принципу «отсутствующего тела» как основы для определения комбинаторного качества амбивалентного сочетания утопизма и антиутопизма в антиутопиях. *А.Г. Башкатова* («Независимая газета») на материале рассказов Честертона об отце Брауне, романов Ю. Несбе о Харри Холе, романа Донато Карризи об инспекторе Фогеле попыталась ответить на вопрос, является ли наличие бестиарного кода в описании сыщика маркером демонического. Доклад *У.В. Проскураковой* (РГГУ) был посвящен двойственности кошки в различных мифологических традициях.

Все доклады сопровождались дискуссиями, в процессе которых рождались новые идеи и комбинации смыслов. А вопрос о наличии границ у *arg combinatorica* так и остался открытым — и вряд ли на него есть ответ.

Особенность бестиариев — принципиальное отсутствие деления на секции; все слушают всех. Чередование в едином потоке словесного и визуального, западноевропейского и русского, давно прошедшего и современного позволяет разглядеть разнообразие и представить общую картину.

За семь лет сложился постоянный состав участников; но каждый год появляются новые имена. Всегда радует присутствие на конференции студентов, которым интересно, чем занимаются их преподаватели в свободное от лекций-семинаров время.

Каждый, кто хоть раз побывал на бестиарной конференции, отмечает особую атмосферу этих встреч. Сочетание неформального, дружеского общения с высоким уровнем докладов, нестандартные повороты в развитии тем, живость дискуссий — все это было и на восьмом бестиарии.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике научных статей.

Olga Dovgy

**THE SCIENTIFIC MEETING ‘BESTIARY AS ARS
COMBINATORICA (RES ET VERBA-8)’
(at the Russian State University for Humanities, January 18–19, 2019)**

*Lomonosov Moscow State University
9 Mokhovaya Street, Moscow, 125009*

The paper is a brief outline of the intercollegiate scientific meeting ‘The Bestiary as Ars Combinatorica (Res et Verba-8)’ at the Russian State University for Humanities on January 18–19, 2019. The central preoccupation was art of combination expressed in bestiary categories. Many rhetorical themes were illustrated through the use of bestiarian metaphorical codes. As usual, the meeting turned out to be multidimensional, gathering philologists, historians, and cultural scientists from Moscow, St. Petersburg, and Vladimir. 22 reports were delivered. Conference proceedings will be published soon.

Key words: Bestiarian meetings at Russian State University for Humanities; RES et VERBA; ars combinatorica.

About the author: *Olga Dovgy* — Prof. Dr, Senior Researcher, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga-dovgy@yandex.ru).

И.В. Монисова, Н.З. Кольцова

**«ТЕРРИТОРИЯ ТЕАТРА И ДРАМЫ»: ХРОНИКА
НАУЧНОГО ПЕРФОРМАНСА (30 октября 2018 г.,
филологический факультет МГУ)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Подводятся итоги прошедшего на филологическом факультете МГУ круглого стола «Территория театра и драмы» (30 октября 2018), в котором приняли участие представители академической и студенческой среды, гости — деятели театра и театральные критики. Главной интригой мероприятия было обсуждение разных форм взаимодействия театра и литературоведения, а также рефлексия о современном напряженном диалоге текста и сцены, путях театра к эмансипации от литературы и регулярном возвращении к ней. Речь шла о возможности запечатлеть в драматургических формах философскую концепцию, гендерную идею; о необычных и иногда плодотворных «встречах» театра и литературоведения, когда на сцене ставится лекция, а в аудитории разыгрывается спектакль, когда сценический язык соперничает с научным в отражении особенностей произведения; о сложностях не только языкового, но и межкультурного перевода классического и современного драматического текста; о новейших, в том числе синтетических, техниках создания пьесы и спектакля; о феноменах авторского театра, театрального фестиваля и блогерской критики.

Элементы театрализации позволили подключить не только интеллектуальные, но и артистические возможности молодежной аудитории, обеспечили непринужденный, живой тон разговора.

Ключевые слова: театрализация; театр и литературоведение; текст и сцена; театрально-драматургические техники; синтез; диалог слова и действия.

Круглый стол «Территория театра и драмы» проводился в преддверии Года театра, параллельно с театральным фестивалем «Территория», в ознаменование того, что драматургический род в системе нашего преподавания

Монисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: monisova2008@yandex.com).

Кольцова Наталья Зиновьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: koltsovaru1@yandex.ru).

вынесен скорее в поле факультативов, спецкурсов и встреч по интересам (что обидно), а между тем «никогда еще в истории российской литературы и российского театра», по словам В. Забалуева и А. Зензинова, «драматургия не переживала такого расцвета... драма не становилась главным жанром российской литературы, как это происходит сейчас». Разговор состоялся с привлечением театральной общественности: хотелось услышать ответы на некоторые вопросы от деятелей театра и драматургов. Такой диалог состоялся в Пушкинской гостиной, оформленной старинными и современными театральными афишами, под звуки «вахтанговского гимна» — вальса из легендарного спектакля «Принцесса Турандот» — собрались те, кто мир театра непосредственно представляет, те, кто этот феномен исследует, и те, кто просто неравнодушен к нему.

Открывшее вечер выступление профессора *М.В. Михайловой*, посвященное театру Серебряного века, куда уходят корни многих театральных явлений современности, задало тон всему действию, в котором актуальные тенденции (в том числе и гендерная проблематика — предмет интереса докладчика) сочетались с академическим подходом. С большим интересом был выслушан рассказ драматурга *Юлии Тупикиной* (она является также соавтором сценария фильма А. Германа-младшего «Довлатов») о работе по созданию «вербатим». Как собирается текст из интервью? Как проявляет себя в таком декларативно объективированном слове авторская воля? В чем специфика восприятия «документальной» пьесы? Обладает ли такой текст эстетической полноценностью? Юлия с готовностью отвечала на вопросы и участвовала в оживленной дискуссии, вообще охотно пригласила слушателей в свою творческую лабораторию драматурга и киносценариста, признавшись, что адекватное сценическое воплощение пьесы режиссером и «правильная» реакция зрителей — это то, без чего пьеса не обретет полноценной жизни. Тему подхватила доцент кафедры *Н.З. Кольцова*, выступившая в двух ролях — зрителя и литературоведа, на примере случайной «выборки» собственных свежих театральных впечатлений она предложила поразмышлять о сценическом «исследовании» литературного текста, причем не только драматургического. Территория театра и пространство драмы не всегда совпадают — театр может раскрыть глубинные смыслы и эпического, и лиро-эпического произведения, а теперь есть примеры перевода на сценический язык даже текста научного. Знаменитая «Шинель» в «Современнике» с М. Нееловой в роли Акакия Акакиевича помимо удивительной актерской игры, работы с символикой одежды и предметно-бытовой детали (шинель-домик, шинель-панцирь черепашки, шинель-колыбель, шинель-гроб и т.д.), обнажает трагедию языка, недо-воплощенной речи, неродившегося слова. Шажочки и пошаркивания, побряхтывания и поохивания человечка-букашки, старичка и одновременно эмбриона, младенца, безошибочно вводят нас в мир гоголевского героя — в пространство междометий и частиц, слов, вбирающих в себя муки немоты или душевной боли сушества, которое не может подняться до осознания своего страдания, которое только взглядом может сказать: «Я брат твой». Минуя слово, Неелова-Башмачкин возвращает зрителя к слову — так, что не нужно объяснять, что такое минус-прием. Процесс рождения личности

как прорыв к слову — не слову протеста, а просто к слову — так можно прочитать этот спектакль.

Тема немоты в ином контексте («да обретут мои уста первоначальную немоту...») вызвала тень Мандельштама. «Египетская марка» — маленький роман? заметки на полях? лирические отступления — но от чего? — чрезвычайно сложно собрать сюжет, тем более сценический сюжет, из этого текста. Но сюжет есть, и его основа — размышления о судьбе романа в форме истории той же шинели, обернувшейся у Мандельштама визиткой Парнока. Можно было бы поддаться искушению и извлечь на поверхность этот событийный ряд, но создатели спектакля в студии П. Фоменко не пошли по этому пути, а услышали автора: *«Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку, от скуки, от неуменья и как бы во сне. Эти второстепенные и мимовольные создания вашей фантазии не пропадут в мире... Рукопись — всегда буря, истрепанная, исклеванная. Она — черновик сонаты»*. «Черновик сонаты» — прекрасное авторское определение жанра, однако — метафора; жанр «Египетской марки» — что угодно, только не пьеса и тем более не спектакль, но текст Мандельштама стал спектаклем в руках театрального мастера. Камерным и грандиозным — как творчество Мандельштама. Дантов ад в декорациях петербургского мифа. Постановка сохранила и музыку речи Мандельштама, и его интерес к живописи: зритель оказывается в пространстве картин и декораций Добужинского, Судейкина и всех тех, кто формировал атмосферу акмеистической юности поэта. Герои Фоменко казались фигурками, вырезанными из картона, пластикой напоминающая Вертинского: черные ботиночки-копытца Парнока вытанцовывали судьбу хрупкой и обреченной красоты Петербурга. Спектакль собирал рассыпающийся петербургский текст — текст как мир, — собирал воедино не сюжетом, но метасюжетом мандельштамовского творчества и русской культуры — посетившим этот спектакль не нужно было объяснять, что такое вторичный язык, интертекстуальность как основа произведения, как воплощенная тоска по мировой культуре. Лексика этого спектакля — язык культуры, который не схлопывается до сюжета и не сводится к повествованию, а являет собой чистую процессуальность — и в этом пространстве литературоведческие термины перестают быть абстракциями, они предстают перед зрителем как подлинная реальность.

Впечатляют не только прорывы современного театра в области интерпретации сложных разножанровых литературных текстов и стремление перенести на сцену голос улиц, «шум времени» (вербатим и другие эксперименты с языком). Интерес вызывают и «научные перформансы» — как, например, спектакль М. Розовского «Набоков. Анна Каренина. (Лекция)» в театре у Никитских ворот (подробнее авторы обзора говорили об этом в своей статье «Литературоведение на сцене: попытка нового синтеза?» (Дом Бурганова, 2017, № 2). Отметим, что идея поставить спектакль по лекции оказалась интереснее ее сценического воплощения: на сцене Набоков-лектор предстал безликим персонажем, его призывы увидеть в Толстом в первую очередь художника, а уже потом моралиста утонули в череде более или менее эффектных сцен-эпизодов, самым ярким из которых оказалось финальное явление поезда, ослепившего огнями зрительный зал. Главными потерпевшими оказались Набоков и Толстой: «Анна Каренина» превратилась в будаурную

драму в экранных декорациях из картин Бёрдслея, а предложенная Набоковым стратегия медленного вдумчивого чтения очень мало себя проявила. Казалось бы, напрашивается вывод: синтез театра и литературоведческого текста — в частности такого жанра, как лекция — вряд ли осуществим (а parte: ироничные лекции-перформансы Р. Уилсона не имеют научной основы). Ведь если сравнение лекции со спектаклем комплиментарно, то спектакль, заставляющий вспомнить о кафедре, — это, по меньшей мере, странно. Для режиссера (если он не стремится к тотальному остранению) победа, если зритель забудет, что он в театре. Но вряд ли хорошо, если слушатель забудет, что он на лекции, и увлечется перформансом. Концепция — вот чего ждем мы и от просто лектора, и от «лектора-режиссера»: хотим, чтобы он выстроил за нас мир — в данном случае мир набоковской лекции, в которой не терялся бы сам интерпретируемый. Скептические мысли на этот счет развеял спектакль университетской студии «Дирижабль» под руководством Дарьи Савиновой, убеждая в обратном: зрителям можно внушить мысль о том, что они студенты, а спектакль может быть представлен как лекция и при этом не потерять зрелищности. Речь идет о спектакле «Вишневы сад», исследующем законы чеховской драматургии, а точнее, специфику жанра пьесы и вопросы комического у Чехова (подробнее об этом авторы обзора говорили в статье «На подмостки как на кафедру» (Юность. 2017. № 10)). Как непрофессиональному театру удалось достичь гармонии между игровым и исследовательским началом? В том ли только дело, что речь шла о пьесе — произведении сценичном по природе своей? Вероятно, причины сценичности спектакля скрываются не только в обращении к драме, но и в хорошей литературоведческой подготовке постановщиков, ведь юные филологи без отрыва от основного «производства» сумели переложить на театральный язык, не упрощая, сложные литературоведческие вопросы (какова жанровая доминанта пьесы: драма или комедия? какова роль эксцентрики у позднего Чехова-драматурга?). «Взрослый» же театр М. Розовского не смог соблюсти баланса критического и театрального, и персонаж «лектор Набоков» послужил лишь «сжимателем» текста Толстого для сцены, но не его оригинальным интерпретатором. Так или иначе, можно убедиться, что театр сегодня активно осваивает территорию литературоведения и часто берет на себя решение тех задач, которые в эпоху утраты литературоцентричности нашего общества волнуют не только специалистов.

Разумеется, возникает вопрос: с помощью каких приемов театр настраивает зрителя на разговор о задачах литературоведческого порядка, как программирует восприятие не только действия, но и размышлений о законах искусства и литературы. Об этом тоже шла речь на круглом столе, где был представлен театр МОСТ, выросший в свое время на основе Студенческого театра МГУ. Уже около двух лет в репертуаре театра есть спектакль-микс «Чехов», объединивший три текста: «Вишневы сад», «Чайка» и «Три сестры». Режиссер Георгий Долмазян пошел иным путем, чем авторы спектаклей, о которых говорилось выше, использовавшие комментаторов или ведущих для обсуждения в спектаклях научных проблем. Долмазян предложил увидеть пьесы Чехова как единое действо. По его собственному признанию, общность проблематики, характеров, приемов, настроения чеховских пьес давно побуждала его к созданию сценического

«микса». Был создан сценарий, совместивший купированные тексты трех пьес (без инородных внесений) и позволяющий акцентировать переключки, создать на сцене чеховский мир, как его видят авторы этого спектакля. Композиционные и сценографические приемы позволили без специальных аналитических комментариев прояснить сложную жанровую природу пьес: первое действие выдержано в эксцентрическом ключе, с использованием светлых декораций и легкого музыкального сопровождения, тогда как второе действие подчеркивало глубину и трагизм происходящих на сцене бытовых событий. Магия спектакля «Чехов» в отсутствии монтажных швов: диалоги, полилоги персонажей разных чеховских пьес настолько созвучны и органичны, что не замечаешь: обмениваются репликами герои, которые у Чехова в одном пространстве не встречаются. Но швы монтажа могут быть и намеренно обнажены, подчеркивая, в частности, условность языка, как это делают, например, в студенческом «Театре Утопий» под руководством магистрантки нашей кафедры Анны Лифиренко. Так, недавний спектакль «Повелитель мух» убедил в том, что, обнажая прием, можно соединять два текста, которые, не сливаясь в один, подсвечивают друг друга и формируют единое сценическое пространство. Рассказ Мопассана «Старик» и давший название спектаклю роман-антиутопия Голдинга не просто прекрасно монтируются друг с другом, но проясняют друг друга, заставляя задуматься о сущности человека-зверя, проявляющейся отнюдь не только в экстремальных условиях, но и в мирной, будничной жизни.

Территория театра и драмы много шире территории сцены, как смогли убедить участников мероприятия выступающие коллеги. Так, синтетический характер искусства театра Серебряного века и широкие возможности в драматургических формах запечатлеть философскую концепцию прокомментировала в своем докладе преподаватель *Д.В. Кротова*. Большой резонанс вызвало выступление профессора кафедры теории литературы *А.А. Холикова*, который поделился с присутствующими собственным опытом использования драматургических элементов в преподавании. Так, при изучении литературно-критического процесса 1920–1930-х годов студентам предлагалось «принять участие» в литературоведческих баталиях, которые разгорались не только на страницах журналов, но и в жизни литературоведов — представителей формальной школы (что и позволяет лишний раз убедиться в непосредственной связи «чистой» науки и «литературного быта»). Студентам предлагались роли Шкловского, Тынянова, Эйхенбаума и др., и каждый должен был отстаивать соответствующую точку зрения, не выходя при этом за пределы действительных статей и работ своих героев. Разумеется, подобное действо немислимо без сценария и «модератора-режиссера», продумывающего основные вопросы дискуссии, — в роли модератора и сценариста выступал не преподаватель, но один из студентов, что повышало уровень ответственности самих участников «процесса». Педагогический подход, предложенный профессором Холиковым, заинтересовал коллег (было отмечено, что при таком подходе возникает мотивация к чтению большого количества статей, которые к тому же воспринимаются в комплексе). Однако возникли и вопросы: насколько хорошо в рамках такого полилога усваивается роль оппонентов, не ограничиваются ли студенты лишь собственной «партией», игнорируя мнения и критические замечания

«противников» (ведь если «модератор» обязан соотносить реплики и монологи по принципу контрапункта, то непосредственные участники могут быть увлечены частностями и стратегией «собственной» победы в дискуссии).

Современная театральная жизнь непредставима без фестивалей драмы и театра, которые по сути стали колыбелью новой «новой драмы». Этой теме было посвящено выступление авторитетного исследователя театра и драмы и организатора театральных фестивалей проф. *И.К. Сушилиной*, рассказавшей о феномене «Коляда-театра» и отметившей важнейшую роль провинции в формировании театрального искусства последних десятилетий и выдвижении драматургических талантов. Разговор зашел и о преодолении русской драмой государственных и языковых границ, о бытовании ее на сценах Европы и Азии, востребованности у зарубежных ученых и переводчиков — об этом размышляли *С. Николетич* (Хорватия) и *Юй Сян* (КНР). Еще с XIX в. Хорватия нередко оказывалась первой западной страной, в которой переводились русские пьесы практически сразу же после их выхода в России (Гоголь, Чехов), а в Китае сейчас наблюдается стойкий интерес к русской драматургии разных периодов, в том числе малоизвестным широкой аудитории даже в России пьесам символистов (коллега из Пекина поделился опытом их перевода на китайский язык и издания в КНР).

Говоря о театре и драме, участники круглого стола не обошли вниманием знаковую, а порой и одиозную фигуру критика. Этот род деятельности представляла на встрече критик нового поколения — театральный блогер *Ольга Тараканова*. Молодой исследователь и обозреватель современной театральной жизни заинтересовала аудиторию установкой на предельную свободу в подходе к интересующему ее феномену — современному отечественному и западному театру (необходимо подчеркнуть, что современный театр в представлении О. Таракановой — это прежде всего театр молодых режиссеров, идущих на смену сорокалетним и даже тридцатилетним). Независимость суждений и принципиальная неангажированность (и в материальном, и в политическом аспекте) — вот, по мнению Таракановой, черты, выгодно отличающие «блогинг» от профессиональной критики. Однако для многих слушателей не менее важным свойством театрального обозревателя (как бы он ни назывался) все же оказалась его профессиональная подготовка — знание истории и теории театра и драматургии. В спор о новой форме бытования театральной критики оказались вовлечены едва ли не все присутствующие.

С резюмирующим суждением о непростых отношениях современного театра и текста выступила аспирант кафедры теории литературы *Д. Савинова*, которая руководит студенческой театральной студией «Дирижабль». Обособление территорий театра и текста, с одной стороны, и инерция их притяжения — с другой. В такой перспективе были проанализированы явления современной сцены. Сценический продукт (спектакль) сегодня, по мнению исследователя, окончательно «эмансипировался» от литературной основы и обрел признание в качестве самостоятельного вида искусства. За время существования режиссерского театра (т.е. с начала XX в.) процесс перевода художественного текста в сценический претерпел ряд значительных изменений, и современный спектакль демонстрирует, как правило, очень большой отрыв от первоисточника. Трансформации происходят в первую

очередь на уровне постановки, когда в ходе взаимодействия актеров на сцене обнажаются коренные противоречия письменного и устного текста: часто предпринимается адаптация к другой эпохе, претекст приспособляется к современному зрителю, что вызывает необходимость изменения его стилистики, синтаксиса. Заметно влияет на сценическую версию первоисточника и техническая составляющая, которую современный театр неизменно наращивает и совершенствует. Нередки случаи, когда при постановке одной и той же пьесы сценические версии текста в разных театрах существенно отличаются не только от оригинала, но и друг от друга (таковы, например, постановки ныне очень популярного в России ирландского драматурга М. Макдонаха). Текстовый первоисточник может приобретать «стереоскопичность» и разыгрываться с точки зрения разных героев — такой подход особенно востребован в иммерсивном театре (например, в постановке «Черный русский» по мотивам «Дубровского» в особняке Спиридонова в Малом Гнездиновском переулке зрителю предлагалось «идти путем» или Дубровского, или Маши, или Троекурова). Процесс эмансипации зрелища от литературной основы приводит к тому, что художественного текста в основе спектакля не оказывается вообще, он подменяется расшифровкой записанной речи «доноров» (феномен «документального» театра «вербатим», о котором рассказывала Ю. Тупкина), а иногда основными факторами игрового действия становится не слово, а жест, мимика, телодвижение, нечленораздельные звуки и другие невербальные средства донесения когнитивной или экспрессивной информации — то, что в начале прошлого века называли «чистым театром». Современные эксперименты затрагивают сферу жанров и объединяют языки разных искусств: появились театральные сериалы (наиболее известны работы в этом направлении режиссеров Б. Юхананова в Электротеатре «Станиславский», Д. Крымова в «Школе драматического искусства» и А. Бородина в РАМТе), спектакли по мотивам культовых фильмов (цикл таких представлений осуществил «Гоголь-центр»).

Существенно влияет на жизнь сценического слова техническая составляющая театрального дела. Во многих спектаклях сегодня текст (произносимый или записываемый героем, комментирующий действие, внутренний) транслируется на экран, может сопровождать крупные визуальные планы, быть представленным в виде бегущей строки, вспыхивающей и рассыпающейся картинкой (спектакли К. Богомолова, К. Серебренникова, Б. Юхананова, Ю. Еремина и др.) Увеличилось количество международных гастролей, а следовательно, и необходимость трансляции текстовых переводов, а нередко и адаптации некоторых социокультурных и ментальных моментов и пояснения исторических реалий. Авторское право также влияет в наше время на процесс создания спектакля и (не)прикосновенность опорного текста. Например, наследники Экзюпери поставили перед театрами, желающими инсценировать «Маленького принца», ряд жестких требований: оригинальный текст нельзя не только изменять, но даже сокращать, в постановке не должно быть музыкального сопровождения и т.д. Наследники Брехта требуют неприкосновенности всего текста, в том числе и зонгов в «Трехгрошовой опере».

Таким образом, круглый стол «Территория театра и драмы» обозначил острые и проблемные моменты в современном театральном процессе, небезынтересные для исследователя-филолога, побудил участников к размышлению о перспективах отношений сцены и художественного слова, позволил поделиться друг с другом запоминающимися театральными впечатлениями, ошутить атмосферу творческого и живого общения.

Irina Monisova, Natalia Koltsova

**'THE THEATRE AND DRAMA DOMAIN': A CHRONICLE
OF SCIENTIFIC PERFORMANCE AT THE LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY, FACULTY OF PHILOLOGY,
October 30, 2018**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a brief outline of the roundtable 'The Theatre and Drama Domain' at the Faculty of Philology on October 30, 2018. The main intrigue of the event was the discussion of interactions between theatre and literary critics, ruminations on the current intense dialogue between text and stage, and on how the theatre emancipates literature. It was about the possibility of capturing in a dramatic form a philosophical concept or gender idea; about unusual and in some cases fruitful interaction of theatre and literary studies, when a lecture is delivered on stage and a performance is played in the audience, when stage language competes with scholarly language in reflecting the content-formal features of the work; on the difficulties not only of linguistic, but intercultural translation of classical and modern dramas; about the latest, including synthetic, techniques for creating a play and a performance; about the phenomena of the author's theatre, theatre festival and blogger criticism. Elements of the theatricalization were used during the meeting, allowing to connect not only intellectual, but also artistic capabilities of the young audience, and also provided a relaxed, lively tone of conversation.

Key words: theatricalization; theatre and literary criticism; text and scene; theatrical techniques; synthesis; dialogue of words and action.

About the authors: *Irina Monisova* — PhD, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: monisova2008@yandex.com); *Natalia Koltsova* — PhD, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: koltsovaru1@yandex.ru).

Н.К. Онипенко

ХРОНИКА ДВУХ ВИНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ (2019–2020)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2*

Статья представляет собой краткий очерк I и II Виноградовских чтений, состоявшихся на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Проблемы современного языкознания обсуждались представителями различных научных школ и разных поколений лингвистов. В Чтениях 2019 г. доклады были посвящены виноградовской категории авторского образа: рассматривались заголовки и авторские предисловия, языковые средства представления образа автора, а также функции видовременных форм глагола в художественном тексте. Чтения 2020 г. были посвящены глаголу, который рассматривался в синхронном и диахронном аспектах, с точки зрения лексической семантики, грамматики, диалектологии и стилистики.

Ключевые слова: образ автора; анализ текста; тип текста; повествование; эгоцентрические средства языка; глагол; аспект; семантическая эволюция; акциональность; перфект; диалектология; стилистика.

Вот уже более 50 лет каждый год в середине января на филологическом факультете проходят чтения, посвященные памяти Виктора Владимировича Виноградова. Университетские Виноградовские чтения в течение долгих лет являются той площадкой, на которой выступали и выступают выдающиеся филологи, представители разных поколений и научных школ, на которой лингвистика и литературоведение находят общий язык, филология обретает свою целостность. Ярким подтверждением этого стали Чтения 2019 и 2020 гг.: первые были посвящены виноградовской идее образа автора, вторые — глаголу и глагольным категориям.

Чтения 2019 г. состоялись 16 января. Тема Чтений — «Грамматика и поэтика образа автора (Уроки Виноградова)». Чтения открывал доклад *Е.В. Падучевой* (ВЦ ФИЦ ИУ РАН) «В.В. Виноградов и лингвистика нарратива», в котором был предложен дискурсивный анализ эгоцентрических слов, категорий и конструкций, показана роль «эгоцентриков» в организации образа автора, способы обнаружения точки зрения повествователя в художественных текстах. В докладе *Ю.Б. Орлицкого* (РГГУ) «Автор в заглавии русской поэтической книги XVIII–XXI вв.» были показаны различные

Онипенко Надежда Константиновна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

трансформации заголовочного текста, представлены этапы формирования современной парадигмы заголовочного комплекса. *Н.Г. Мельников* (МГУ) в своем докладе «Внутренний монолог и поток сознания как типы повествования» обсуждал терминологические проблемы, стоящие перед литературоведением при определении таких понятий, как «внутренний монолог» и «поток сознания». Анализ текстов ((Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина, Э. Дюжардена, А. Шницлера, Дж. Джойса, В. Вулф, У. Фолкнера, У. Голдинга, У. Гэсса, В.О. Богомолова) позволил автору доклада сделать вывод о том, что поток сознания является особым типом повествования, который основан на размывании эпической дистанции и полифонии временных планов, которая, в свою очередь, сопровождается множественностью временных форм глагола. *О.Г. Лазареску* (МПГУ) в докладе «**Литературное предисловие и его роль в субъектной организации художественного текста**» рассмотрела эволюцию литературного предисловия: от прямого авторского слова, призванного разъяснять, интерпретировать художественный текст, до эстетически значимой части художественного произведения. В литературе Нового времени функционирование такого предисловия оказалось обусловленным не внешними по отношению к произведению целями, а внутренними, глубоко литературными задачами, имеющими непосредственное отношение к категории образа автора. В докладе *К.А. Баршма* (ИРЛИ РАН) «О свойствах пунктуации в записных тетрадах Ф.М. Достоевского: эдиционный и текстологический аспекты» был предложен анализ фрагментов черновых записей Ф.М. Достоевского. Докладчик обосновывал мысль о том, что черновые наброски имеют иную текстологическую природу, чем печатный текст произведения, и являются особой формой «автокоммуникации». В докладе *З.Ю. Петровой* (ИРЯ РАН) «О некоторых особенностях олицетворения в поэзии И. Бродского» рассматривалась персонификация реалий основных семантических классов — «Вещи», «Время», «Тело», «Языковое творчество» — в связи с мировоззренческими константами картины мира поэта. Были показаны грамматико-синтаксические способы олицетворения, средства оживления стертых метафор, авторские инновации в синтаксисе (в сочетаниях предиката с наречиями и предложно-падежными формами существительных) и словообразовании. *А.В. Циммерлинг* (ИЯЗ РАН, ИРЯП) в докладе «Русские предикативы: грамматика, статистика, авторские эксперименты» представил результаты корпусно-статистического исследования лексем, способных функционировать в составе дативной конструкции, и показал избирательные возможности прилагательных к образованию предикативов и индивидуально-авторские предпочтения в использовании слов «категории состояния». В докладе *Р.Б. Ахметшина* (МГУ) «Проблема целостности повести А.П. Чехова “В овраге”» обсуждалось понятие целостности применительно к прозе автора, отличительной особенностью которого являются открытые финалы и незавершенные сюжеты. С точки зрения Р.Б. Ахметшина, рассказчик в анализируемой повести задает особый ритм повествования, обнаруживающий себя через обрывы в повествовании, и тем самым Чехов формирует новый тип целостности — как единства на уровне авторского тона и стиля. Завершала программу Чтений 2019 г. *В.Е. Чумирина* (МГУ), выступившая с докладом «Грамматика глагола как средство создания образа автора», в котором были проанализированы языковые средства обнаружения внутритекстовой точки зрения — лексическая семантика глагольного

корня, категория вида и категория лица. Докладчик обратила внимание на идеи, высказанные В.В. Виноградовым в его работе «Стиль “Пиковой дамы”», и указала их актуальность для современной грамматики текста. На материале прозы В. Набокова (романа «Король, Дама, Валет») были проанализированы глагольные способы совмещения в одной сцене двух и более позиций (точек зрения трех героев).

Тема LI Виноградовских чтений 2020 г. («Глагол и глагольные категории в словаре, грамматике и тексте (Уроки В.В. Виноградова)») развивала идеи, обсуждавшиеся в докладах L Чтений (2019 г.). Виноградовские чтения 2020 состоялись 15 января и включали восемь докладов, представлявших разные научные направления и дисциплины: русистику и типологическую лингвистику, синхронию и диахронию, нормативную грамматику и диалектологию, морфологию и синтаксис, лексическую семантику и анализ текста. Чтения открыл исполняющий обязанности декана филологического факультета профессор *А.А. Лунгарм*, который в своем приветственном слове обратился к трудам академика В.В. Виноградова и отметил их актуальность при подготовке будущих филологов. Программу чтений открывал доклад *С.Г. Татевосова* (МГУ) «Акциональность: русский глагол в типологической перспективе», в котором был представлен способ межъязыкового сопоставления языков с разными акциональными системами: языков с деривационным видом, т.е. таких, в которых акциональный потенциал глагольной основы распределяется по нескольким лексическим единицам, и языков со словоизменительным видом, в которых глагольный вид реализуется в пределах парадигмы одного глагола. Русская акциональная система была охарактеризована как одна из точек в универсальном пространстве типологических возможностей. *М.Ю. Сидорова* (МГУ) в докладе «Глагол и глагольные категории в русском естественнонаучном тексте» представила результаты квантитативного исследования научных текстов, задачей которого было уточнение существующих характеристик научного стиля. В докладе была предложена корректировка существующих описаний научного стиля, в основу которой положен анализ 12 корпусов собственно научных и научно-учебных текстов, представляющих 10 естественнонаучных областей. Основное внимание уделялось глагольной лексике (в том числе, неполнозначительным глаголам и двувидовым) и нефинитным глагольным формам (причастным и деепричастным), а также функционированию отдельных предлогов. Подводя итоги, докладчица указала на необходимость изменения подхода к научному тексту как к объекту обучения и в курсах русского языка и культуры речи (академической коммуникации) для русскоязычных студентов, и при преподавании РКИ. Доклад *О.В. Хорохординой* (СПбГУ) «Роль двувидовых глаголов в дифференциации типов текстовых компонентов» был посвящен интерпретации коммуникативно-текстовых функций двувидовых глаголов. Основываясь на идеях В.В. Виноградова о взаимосвязи лексической и грамматической семантики глаголов, которая проявляется как на уровне предложения, так и на уровне текста, О.В. Хорохордина проанализировала фрагменты текстов «констатирующего типа», в которых двувидовые глаголы употребляются в позиции нейтрализации глагольных видов. Анализ текстового материала показал, что неразличение видов текстово обусловлено, что биаспектив — это особая текстовая функция глагола. В докладе *А.В. Тер-Аванесовой* (ИРЯ РАН) на тему «**Формы**

причастий прошедшего времени и перфектные конструкции в опочечких говорах» были охарактеризованы формы и синтаксические функции причастий прошедшего времени и в первую очередь — их употребление в перфектных конструкциях в говорах Опочецкого р-на Псковской области. В опочечких говорах и небольшой части соседних с ними тверских *ш*-причастия образованы от особой основы прошедшего времени (*являлшши* под.), что не встречается нигде за пределами этого небольшого ареала. Употребление полных и кратких форм, видовая принадлежность, залоговые формы причастий рассмотрены в связи с их синтаксическими функциями. Докладчица убедительно доказала, что опочечкие говоры имеют особую систему морфолого-диатезных типов перфектных конструкций, выделяющую их среди других восточнославянских диалектов: опочечья система перфектных конструкций совмещает особенности севернобелорусских и северо-западных русских систем, в результате этого совмещения образуется специфическая система перфектных конструкций, не представленная более ни в каких говорах. Компромиссный характер этой системы находится в соответствии со статусом опочечких говоров как переходных между белорусскими и русскими (Н.Н. Дурново, Е.Ф. Карский). Доклад *М.Я. Дымарского* (РГПУ, ИЛИ РАН) «Еще раз о связке в номинативных предложениях» был посвящен решению проблемы классификации предложений типа «Была жара» (двусоставное или односоставное) и, соответственно, определению грамматического статуса глагола *быть* в этих предложениях. Докладчик обосновывал односоставность предложения и связочный статус глагола следующими аргументами: а) формы глагола *быть* в таких предложениях лексически опустошены и существенно отличаются от омонимичных полноценных форм экзистенциального *быть*; б) предложение *Была жара* (Маяковский) и *Сначала была жара, а потом пропала* обладают разным интонационным оформлением и различной коммуникативной структурой; в) полноценный глагол *быть*, в отличие от связки *быть*, не может принимать нулевую форму в презенсе без особых условий. Приведенные докладчиком стали убедительным доказательством его точки зрения. *Е.А. Смирнова* (ИРЯ РАН) в докладе «Лексико-семантический разряд глаголов в русском семантико-грамматическом словаре» рассказала о работе над «Семантико-грамматическим словарем русских глаголов», которая ведется в ИРЯ РАН, и представила рабочие материалы к словарной статье глаголов профессиональной деятельности (глаголы на —*ничать*, образованные названий профессий): *извозничать, кустарничать, кухарничать, малярничать, плотничать, портняжничать, рукодельничать, скорняжничать, слесарничать, столярничать*. Было отмечено, что для этой группы глаголов частотными являются формы 3-го лица, формы прошедшего времени и инфинитив, что получило в докладе функционально-текстовое обоснование: принадлежность этой глагольной лексики информативному регистру речи. В докладе *И.И. Макеевой* (ИРЯ РАН) «Историческая семантика русского глагола» была рассмотрена семантическая история четырех глаголов (*восхититься, возмутиться, восторгаться, изумиться*), были показаны этапы, через которые прошли эти глаголы, прежде чем они приобрели значение эмоционального состояния, и сделан вывод, что семантическая эволюция 4-х эмотивных глаголов демонстрирует антропоцентричную направленность развития их

семантики. В докладе *Н.В. Халиковой* (МГОУ) «Глагол как лингвистический феномен и как метаязыковой инструмент в научном дискурсе акад. В.В. Виноградова» был предложен анализ глаголов в их метаязыковой функции. Материалом исследования были научные тексты В.В. Виноградова, посвященные русскому глаголу. Докладчица обратила внимание слушателей на образные идиостилевые единицы, благодаря которым глагол у Виноградова предстает не только как событие ('процесс'), отрезок действительности ('время'), фрагмент действительности ('пространство', 'картина'), но и как субъект действия, проявляющий себя с большей или меньшей силой. При этом типичные для метаязыка неакциональные глаголы заменяются Виноградовым акциональными (динамическими). Глагол из простого объекта становится «действующим лицом» научного сюжета.

Итоги Чтений 2020 г. подвела *Н.К. Онипенко*; она отметила их высокий научный уровень чтений и широту научной проблематики, а также передала присутствующим благодарность президента филологического факультета и заведующей кафедрой русского языка М.Л. Ремнёвой. Президент выразила уверенность в том, что Виноградовские чтения в МГУ были и остаются свидетельством преемственности в русской филологической науке, примером внимания и уважения современного лингвистического сообщества к выдающимся филологам XIX–XX вв.

Nadezhda Onipenko

VINOGRADOV READINGS 2019, 2020

*Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka Str., Moscow, 119019*

The article offers a brief outline of the 50th and 51st Vinogradov Readings organized by the Faculty of Philology at the Lomonosov Moscow State University. Problems of modern linguistics were discussed by representatives of different scientific schools and different generations of linguists. At the 2019 Vinogradov Readings, the speakers discussed the Vinogradov category of the author's image, analyzed titles, prefixes, language means of presenting the author's image, and functions of modern verb forms. The categories and functions of the Russian verb were also discussed at the 2020 Readings. Special attention was paid to the actionality, aspect, and functions of verbs in texts of various styles.

Key words: linguistics; Philology; image of the author, text analysis, type of narration, egocentric means of language, textology, personification, verb, aspect, semantic evolution, perfect, dialectology, stylistics

About the author: *Nadezhda Onipenko* — PhD in Philology, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

ПАМЯТИ ...

Е.Л. Бархударова, Ф.И. Панков

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ВСЕВОЛОДОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Ушла из жизни Майя Владимировна Всеволодова (1928–2020), профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета, заслуженный профессор МГУ, почетный профессор Шанхайского университета иностранных языков, выдающийся ученый, заложивший основы одного из важнейших прикладных направлений в русистике — «Русский язык как иностранный».

Ключевые слова: русский язык как иностранный; функционально-коммуникативная грамматика.

5 февраля 2020 года на 92-м году жизни скончалась М.В. Всеволодова. С именем этого всемирно известного ученого связана целая эпоха в отечественной и зарубежной лингвистике, теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

М.В. Всеволодова прожила долгую, интересную, насыщенную жизнь. В 1946 г. после окончания школы с серебряной медалью она без экзаменов поступила на славянское отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1951 г. ей предложили остаться в университете и стать преподавателем русского языка полякам. В декабре того же года в Московском университете открылась первая в нашей стране кафедра русского языка для иностранных учащихся, на которой Майя Владимировна и проработала почти всю жизнь.

В 1966 г. она защитила написанную под руководством Т.П. Ломтева кандидатскую диссертацию на тему «Временные конструкции современного польского языка», а в 1983 г. — докторскую «Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации». М.В. Всеволодова широко известна как автор книг о средствах выражения временных, пространствен-

---

Бархударова Елена Леоновна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: e.barhudarova@mail.ru).

Панков Федор Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pankovf@mail.ru).

ных, причинно-следственных отношений. Последние годы она работала над созданием функционально-коммуникативной грамматики русского предлога. Всего было опубликовано около 300 ее работ.

Будучи не только ученым-теоретиком, но и преподавателем-практиком, Майя Владимировна обобщала собственный и коллективный опыт преподавания русского языка как иностранного в многочисленных учебниках и пособиях. Многие из них актуальны и по сей день. Всегда в центре внимания М.В. Всеволодовой, даже в самые трудные годы, был собственно языковой материал, а не политическая конъюнктура.

Последние десять лет она проработала профессором кафедры, идея создания которой изначально принадлежала именно ей, — кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. До последних дней она вела активную научную и педагогическую деятельность. Майя Владимировна проработала в Московском университете более 68 лет!

Многогранная деятельность ученого в самых разных областях не осталась незамеченной: в 1970 г. она была награждена медалью «За доблестный труд», в 1984 — медалью «Ветеран труда», а в 2002 — медалью А.С. Пушкина МАПРЯЛ «За большие заслуги в распространении русского языка».

В семье она была прекрасной матерью и бабушкой, а для всех, кому посчастливилось знать ее, — замечательным, добрым, отзывчивым человеком. Спасибо, дорогая Майя Владимировна, что Вы были рядом с нами, щедро делились научными идеями и душевной теплотой.

Светлая память о Майе Владимировне навсегда останется в наших сердцах. Низкий поклон!

Elena Barkhudarova, Fedor Pankov

MAYA VSEVOLODOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an obituary for Maya Vsevolodova (1928–2020), Professor of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Lomonosov Moscow State University, Distinguished Professor of Moscow University, Professor Emeritus of the Shanghai Foreign Languages University. An outstanding researcher, she laid the foundations for one of the most important applied areas in Russian studies, Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language; functional-communicative grammar.

About authors: *Elena Barkhudarova* — Prof. Dr., Head of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: e.barkhudarova@mail.ru); *Fedor Pankov* — Prof. Dr., Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pankovf@mail.ru).